

*Влад. Мещ. Аполону
30/10/17 Н. Гусев*

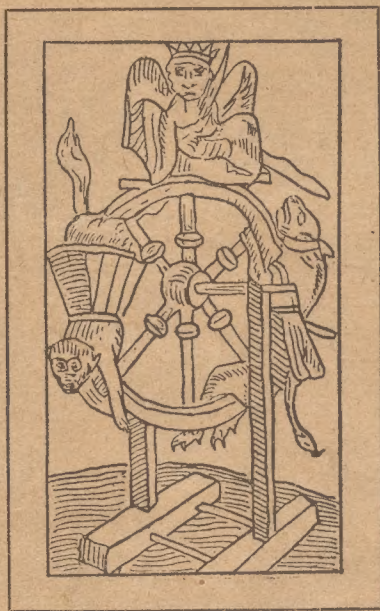
П. Д. УСПЕНСКИЙ

„КИНЕМОГРАМА“

(НЕ ДЛЯ КИНЕМАТОГРАФА)

ОККУЛЬТНАЯ ПОВѢСТЬ

ИЗЪ ЦИКЛА ИДЕЙ „ВѢЧНАГО ВОЗВРАЩЕНІЯ“.

ПЕТРОГРАДЪ

ИЗДАНИЕ А. Н. БРЯНЧАНИНОВА (НОВОЕ ЗВЕНО)

1917°

Того же автора:

Четвертое измѣреніе. — Обзоръ теорій и попытокъ изслѣдованія области неиз- мѣримаго. Изданіе 2-е. Распродано.	Цѣна:
Печатается 3-е изданіе.	2 р. — к. съ пер. 2 р. 40 к.
Tertium Organum —Ключъ къ загадкамъ міра. Введеніе къ изученію теософій, мистики и оккультизма. Изданіе 2-е, пересмотрѣнное и до- полненное	2 р. 40 „ „ 2 „ 75 „
Символы Таро. Философія оккультизма въ рисункахъ и числахъ. Съ 23 рис. картъ Таро. Изданіе 2-е	1 „ 50 „ „ 1 „ 90
Внутренній кругъ. О „последней чертѣ“ и о сверхчеловѣкѣ	1 „ 20 „ „ 1 „ 50 „
Новая книга:	
Разговоры съ дьяволомъ. Оккультные раз- сказы: 1) <i>Изобрѣтатель.</i> 2) <i>Добрый</i> <i>чортъ</i>	2 „ — „ „ 2 „ 30 „

Складъ: „Литературная Книжная Лавка“ М. В. Пирожкова.
Адресовать: Петроградъ, Ижорская, д. 14, кв. 12, М. В. Пирожкову.

Петроградъ. Дозволено военной цензурой 14 февраля 1917 года.

ТИПОГРАФІЯ АКЦ. ОБЩ. ТИП. ДѢЛА ВЪ ПЕТРОГРАДѢ (7-я гота, 26).

Рисунокъ на обложкѣ—десятая карта «Большихъ Аркановъ» (*Grandes Arcanes*) колоды Марсельскаго Таро, «Колесо счастья».

Въ книгѣ *Tarot des Bohémiens* Папюсъ говоритъ объ этой картѣ:—

«Колесо счастья, висящее на своей оси. Направо Анубисъ—геній добра, восходящій поднимающійся вверхъ; налево Тифонъ—геній зла, нисходящій падающій внизъ. Наверху Сфинксъ, держащійся въ равновѣсїи и сжимающій въ своихъ лапахъ мечъ. Въ рисунокѣ можно прочесть двѣ идеи. Первая выражается въ троичности. Анубисъ—положительное начало, Тифонъ—отрицательное, Сфинксъ въ равновѣсїи — правитель. Вторая идея выражается колесомъ (кругомъ)—линіей безъ начала и безъ конца, представляющей символъ вѣчности.

PRINTED IN RUSSIA

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

Иванъ Осокинъ.

	стр.
Глава I. Прощаніе	5
Глава II. Три письма	12
Глава III. Человѣкъ въ синемъ пальто	17
Глава IV. Конецъ романа.	18
Глава V. У волшебника	18

ЧАСТЬ II.

Жизнь.

Глава I. Утро.	2
Глава II. Мысли	33
Глава III. Прошлое.	37
Глава IV. Сонъ.	44
Глава V. Гимназистъ	50
Глава VI. Мать.	53
Глава VII. Понедѣльникъ	58
Глава VIII. Дѣйствительность и сказка	65
Глава IX. Наказанный	70
Глава X. Скука	72
Глава XI. Зевсъ	75
Глава XII. Въ больницѣ.	79
Глава XIII. Дома	85
Глава XIV. Таничка	87
Глава XV. Дядя	99
Глава XVI. Чортова механика	105
Глава XVII. Парижъ.	111
Глава XVIII. Зинаида	119
Глава XIX. Неизбѣжное	130
Глава XX. Зимній день	136

ЧАСТЬ III.

Старое и новое.

Глава	I. Колесо жизни.	143
Глава	II. У порога.	149
Заключение		156

ЧАСТЬ I.

ИВАНЪ ОСОКИНЪ.

ГЛАВА I.

Прощаніе.

На экранѣ кинематографа—сцена на вокзалѣ. Группа знакомыхъ провожаетъ Зинаиду Крутицкую и ея мать въ Крымъ. Среди другихъ провожающихъ Иванъ Осокинъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти.

Осокинъ, видимо, волнуется, хотя старается не показывать этого. Зинаида разговариваетъ съ братомъ, офицеромъ, и съ двумя барышнями, потомъ она поворачивается къ Осокину и отходить съ нимъ въ сторону.

— Мнѣ будетъ очень недоставать васъ, немножко капризно говоритъ она.—Я жалѣю, что вы не можете ѣхать съ нами. Хотя мнѣ кажется, вы не особенно хотите, иначе бы поѣхали. То, что вы остаетесь, очень мало похоже на всѣ наши разговоры.

Иванъ Осокинъ волнуется все больше и, стараясь сдерживаться, съ трудомъ говоритъ:

— Я не могу сейчасъ, но я приѣду. Даю вамъ слово. Вы себѣ не можете представить, какъ мнѣ трудно оставаться здѣсь.

— И не могу представить, и не вѣрю. Когда человѣкъ чего-нибудь такъ хочетъ, какъ вы говорите, онъ дѣлаетъ. Я увѣрена, что у васъ романъ здѣсь, сознайтесь. Съ какой-нибудь изъ вашихъ ученицъ. Правда?

Она смѣется.

Слова Зинаиды и ея тонъ болѣзненно задѣваютъ Осокина. Онъ хочетъ что-то сказать, но останавливается, потомъ говоритъ:

— Вы знаете, что это неправда, вы знаете, что я весь вашъ.

— Почему я могу знать, дѣлая удивленный видъ, говорить Зинаида. У васъ всегда какія-то дѣла. Вы всегда отъкашиваетесь быть съ нами. Никогда у васъ нѣтъ времени для меня. И теперь мнѣ бы такъ хотѣлось, чтобы вы поѣхали. Подумайте, какъ весело было бы ѣхать.

Она бросаетъ шутливый взглядъ на Осокина.

— И потомъ, тамъ въ Крыму, мы бы ѣздили верхомъ, купались. Вы читали бы мнѣ ваши стихи. А теперь мнѣ будетъ скучно.

Она хмурится и отворачивается.

Иванъ Осокинъ хочетъ что-то сказать, но ничего не подходитъ и кусаетъ губы.

— Я приѣду, говоритъ онъ.

— Приѣзжайте, равнодушно говоритъ Зинаида. А все-таки это уже потеряно. Мнѣ будетъ скучно ѣхать одной.

Она дѣлаетъ гримасу.

Осокинъ хочетъ что-то сказать.

— Я понимаю только настоящее, живо говоритъ она; — что мнѣ отъ того, что будетъ когда-то. Вы вотъ этого не понимаете, вы можете жить будущимъ, я не могу.

— Я все это понимаю и мнѣ это очень тяжело, но я ничего не могу сдѣлать, говоритъ Осокинъ. — А вы помните мою просьбу?

— Хорошо, я вамъ напишу. Только я не люблю писать писемъ. Много не ждите, лучше приѣзжайте скорѣй. Я васъ буду ждать мѣсяцъ, два мѣсяца, потомъ перестану ждать.

Она смѣется.

— Ну, пойдемте, мама о чемъ-то беспокоится.

Они подходятъ къ группѣ у спальнаго вагона.

Осокинъ съ офицеромъ, братомъ Зинаиды, идутъ къ выходу съ вокзала.

— Что, Ваня, ты не веселый такой? говоритъ тотъ.

Осокину не хочется ни о чемъ говорить.

Нѣтъ, я ничего, говоритъ онъ. — Надоѣла очень Москва, хорошо бы тоже уѣхать куда-нибудь.

Они выходятъ изъ дверей вокзала на площадь. Офицеръ зоветъ извозчика, садится и уѣзжаетъ.

Иванъ Осокинъ долго стоитъ и смотреть ему вслѣдъ.

— Иногда мнѣ кажется, что я что-то вспоминаю, мед-

ленно говорить онъ про себя.—Иногда мнѣ кажется, что я что-то забылъ. Иногда кажется, что все было, когда-то раньше, прежде . . . Странно!

Потомъ онъ оглядывается кругомъ и точно пробуждается.

— А она уѣхала. И я здѣсь одинъ. Подумать только, что я могъ бы теперь ѣхать съ ней вмѣстѣ. Но, вѣдь, это же было бы все, чего я могу желать сейчасъ. Дорога на югъ, къ солнцу, и быть съ ней два дня—и утромъ, и вечеромъ. Потомъ каждый день видѣть ее . . . И море, горы . . . Вмѣсто этого я остаюсь здѣсь. И она даже не понимаетъ, почему я не ѣду. Да если бы и понимала, мнѣ отъ этого было бы нисколько не легче.

Онъ оглядывается еще разъ на вокзалъ и, опустивъ голову, идетъ съ лѣстницы.

ГЛАВА II.

Три письма.

Черезъ три мѣсяца у Ивана Осокина. Большая комната, которая сдается «съ мебелью». Довольно убогая обстановка. Желѣзная кровать съ сѣрымъ одѣяломъ, умывальникъ, комодъ, дешевый письменный столъ; на стѣнѣ портретъ Байрона и нѣсколько рапиръ, масокъ и принадлежностей фехтованія. Иванъ Осокинъ ходитъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, очень разстроенный, съ отвращеніемъ отшвыриваетъ отъ себя попавшійся по дорогѣ стулъ. Подходить къ столу, вынимаетъ изъ ящика три письма въ узкихъ, длинныхъ конвертахъ. Прочитываетъ письма одно за другимъ и кладетъ ихъ обратно.

1-е письмо.

«Благодарю за письма и за стихи, они прелестны. Только я хотѣла бы знать, къ кому они относятся. Не ко мнѣ, въ этомъ я увѣрена, иначе вы были бы здѣсь».

2-е письмо.

«Вы еще помните меня! Право, мнѣ часто кажется, что вы пишете по привычкѣ или по какой-то обязанности, которую вы себѣ создали».

3-е письмо.

«Я все помню, что я говорила. Два мѣсяца подходятъ къ концу. Не старайтесь оправдываться и объяснять. Что у васъ нѣтъ денегъ, это я знаю. Но я ихъ не спрашивала. Здѣсь живутъ люди гораздо бѣднѣе васъ».

Осокинъ ходитъ по комнатѣ и опять останавливается у стола, говорить вслухъ;

— И больше она не пишетъ. Последнее письмо мѣсяцъ тому назадъ. А я пишу ей каждый день.

Въ дверь стучать. Входитъ пріятель Осокина, молодой докторъ Ступицынъ, здоровается и въ пальто садится у стола.

— Что такое съ тобой, у тебя ужасно скверный видъ.

Подбѣгаетъ къ Осокину, шутя щупаетъ ему пульсъ. Осокинъ, смѣясь, отмахивается отъ него, но потомъ у него по лицу опять пробѣгаетъ тѣнь.

— Скверно, Володя,—говоритъ онъ.—Не могу это ясно выразить тебѣ, но чувствую, что я отбился отъ жизни. Вы всѣ куда-то идете, а я остаюсь. Выходитъ такъ, что я хотѣлъ строить жизнь по-своему, а только изломалъ ее. Что я теперь? Учитель фехтованія и поэтъ, который пишетъ три стихотворенія въ годъ. Вы всѣ идете обыкновенными путями, но передъ вами жизнь и будущее. Я все время хотѣлъ лѣзть черезъ всѣ заборы, и въ результатѣ и у меня, и передо мной ничего нѣтъ. Ахъ, если бы я могъ начать сначала! Теперь я знаю, какъ бы я все сдѣлалъ. Я не сталъ бы такъ бунтовать противъ жизни и швырять ей назадъ все, что она давала. Я знаю теперь, что нужно сначала подчиниться жизни, чтобы потомъ побѣдить ее. У меня было столько возможностей и столько разъ все повертывалось въ мою пользу. Но теперь больше ничего нѣтъ!

— Ты преувеличиваешь, говоритъ Ступицынъ.—Какая разница между тобой и всѣми нами. Всѣмъ приходится не особенно сладко. Что у тебя случилось что-нибудь непріятное?

— Ничего у меня не случилось, а только я чувствую себя выброшеннымъ изъ жизни.

Опять стучать въ дверь. Входитъ хозяинъ квартиры, отставной чиновникъ и проситъ денегъ за комнату. Онъ немножко выпивши, и очень любезенъ. Осокинъ уговариваетъ его подождать. Когда хозяинъ уходитъ, Осокинъ съ гримасой отвращенія махаетъ рукой.

— Вотъ изъ этой маленькой борьбы съ маленькими непріятностями состоитъ вся жизнь, говоритъ онъ.—А ты что дѣлаешь сегодня вечеромъ?

— Я буду у Павловскихъ въ Сокольникахъ. Тамъ будетъ обсуждаться проектъ кружка психологическихъ изслѣдованій. Ты не будешь? Тебя, кажется, это интересуетъ.

— Да, очень. Но меня не приглашали. Видишь, Володя, я говорю тебѣ, что я отбился отъ стада. Тамъ кружокъ людей, прикосновенныхъ къ университету. Зачѣмъ я имъ? Я среди нихъ чужой и посторонній, и ненужный. И такъ вездѣ. Мнѣ совершенно чужды три четверти вашихъ интересовъ, три четверти вашихъ разговоровъ. И это всѣ чувствуютъ. Изъ любезности меня иногда приглашаютъ. Но съ каждымъ днемъ я чувствую, какъ эта пропасть растетъ.

Владиміръ Ступицынъ что-то говорить еще. Хлопаетъ Осокина по плечу, беретъ у него свою книгу, за которой пришелъ, и уходитъ.

Осокинъ тоже одѣвается и хочетъ идти, но подходитъ къ столу и стоитъ задумавшись въ пальто и въ шляпѣ.

— Все было бы иначе, если бы я могъ поѣхать, говорить онъ. — И почему я, въ концѣ-концовъ, не поѣхалъ? Вѣдь, поѣхать я могъ бы. А тамъ не все ли равно? Но какъ жить въ Ялтѣ безъ денегъ? Лошади, лодки . . . Это все деньги и деньги. И нужно одѣться. Не могу же я ѣхать туда въ такомъ видѣ, какъ хожу здѣсь. Конечно, все это пустяки. Но если эти пустяки сложить вмѣстѣ . . . А она не понимаетъ этого, не понимаетъ, что я не могу такъ жить тамъ . . . И она думаетъ другое, что я не хочу, или что меня что-нибудь удерживаетъ здѣсь. Неужели сегодня опять не будетъ письма?

ГЛАВА III.

Человѣкъ въ синемъ пальто.

Иванъ Осокинъ идетъ на почту справляться, нѣтъ ли писемъ до востребованія. Писемъ нѣтъ. Выходя изъ почтового отдѣленія, онъ сталкивается съ господиномъ въ синемъ пальто.

Осокинъ останавливается и смотритъ ему вслѣдъ.

— Кто это такой? Гдѣ я его видѣлъ? Ужасно знакомое лицо, и даже это пальто я знаю.

Задумавшись, онъ идетъ дальше. На углу улицы онъ останавливается, пропуская пробѣгающую коляску, въ которой сидятъ двѣ дамы и мужчина. Осокинъ кланяется, но его не узнаютъ, хотя, очевидно, видятъ.

Осокинъ смѣется и идетъ дальше. На извозчикѣ ѣдетъ офицеръ, братъ Зинаиды Крутицкой. Увидавъ Осокина, офицеръ дѣлаетъ прिवѣтственный жестъ рукой, потомъ останавливаетъ извозчика, соскакиваетъ и идетъ къ нему. Беретъ его за пуговицу и начинаетъ что-то оживленно рассказывать ему.

— Знаешь новость? Сестра выходитъ замужъ за полковника Минскаго! Свадьба будетъ въ Ялтѣ, потомъ они хотятъ поѣхать въ Константинополь и оттуда въ Грецію. Я на-дняхъ ѣду въ Крымъ. Кланяться отъ тебя?

Иванъ Осокинъ весело говоритъ ему въ тонъ, смѣется и пожимаетъ руку.

— Кланяйся и передай мои поздравленія.

Офицеръ говоритъ еще что-то, смѣется и уѣзжаетъ.

Осокинъ прощается съ нимъ съ веселымъ лицомъ. Но когда тотъ отъѣзжаетъ, его лицо мѣняется. Онъ идетъ, потомъ

останавливается и стоит, смотря вдоль улицы и не обращая вниманія на прохожихъ. Говорить самъ съ собой.

— Значитъ, вотъ что. Ну, теперь все понятно. Что же я долженъ дѣлать? Поѣхать туда и вызвать на дуэль Минскаго? Хорошо, что я не поѣхалъ туда. Очевидно, это уже было рѣшено. И я нуженъ былъ только для развлечения. Нѣтъ, это гадость! И я не смѣю такъ думать. И это не- правда. Это все произошло потому, что я не пріѣхалъ. И, конечно, теперь я никуда не поѣду и ничего не сдѣлаю. Она такъ рѣшила. Какое я имѣю право быть недовольнымъ? И, наконецъ, что я могу ей предложить? Развѣ я могъ бы поѣхать съ ней въ Грецію?

Онъ идетъ дальше, потомъ останавливается, опять говорить съ собой.

— Но, вѣдь, мнѣ же казалось, что она любитъ меня. Сколько мы говорили! Ни съ кѣмъ я не могъ говорить такъ, какъ съ ней. И она такая необыкновенная. А Минскій — обыкновенный изъ обыкновенныхъ и читаетъ «Новое Время». Но, не сегодня, завтра, онъ — человѣкъ съ положеніемъ. А меня даже не находятъ нужнымъ узнавать ея же знакомые.

Нѣтъ, я не могу, я долженъ или уѣхать куда-нибудь, или... Я не могу здѣсь остаться.

ГЛАВА IV.

Конецъ романа.

Вечеръ. Осокинъ у себя. Онъ пишетъ письмо Зинаидѣ Крутицкой, но листокъ за листкомъ рветъ и начинаетъ новое. Временами онъ вскакиваетъ и ходитъ по комнатѣ. Потомъ опять пишетъ. Наконецъ, бросаетъ перо и въ изнеможеніи откидывается на спинку стула.

— Ничего я не могу написать, говоритъ онъ.—Я писалъ ей цѣлые дни и цѣлыя ночи. Теперь во мнѣ все оборвалось. Если всѣ прежнія письма ничего не сказали ей, это тоже ничего не скажетъ. Не могу больше...

Онъ медленно встаетъ, точно ничего не видя кругомъ себя, достаетъ изъ стола револьверъ, патроны, заряжаетъ револьверъ, кладетъ его въ карманъ. Надѣваетъ пальто, шляпу. Гаситъ лампу и уходитъ.

ГЛАВА V.

У волшебника.

Иванъ Осокинъ приходитъ къ своему знакомому волшебнику. Это—добрый волшебникъ, и у него всегда есть хороший коньякъ и сигары.

Волшебникъ — сгорбленный старичокъ, ходитъ съ палочкой.—Очень острый и пронзительный взглядъ.—Одѣтъ во все черное и въ маленькой черной шапочкѣ.

Большая комната, вся заставлена книжными шкафами и странными аппаратами — Реторты, колбы всевозможныхъ формъ и величинъ, скелеты рѣдкихъ животныхъ. На столѣ песочные часы. На спинкѣ кресла волшебника спитъ большой черный котъ.

Осокинъ съ волшебникомъ сидятъ у камина. Осокинъ сумраченъ и смотритъ въ огонь. Когда онъ особенно глубоко задумывается, волшебникъ говорить:

— Милый другъ, этому теперь уже нельзя помочь.

Осокинъ вздрагиваетъ и смотритъ на волшебника.

— Откуда вы знаете, что я думалъ?

— Я всегда знаю, что вы думаете.

Осокинъ ломаетъ пальцы.

— Да, я знаю, что теперь помочь нельзя, говоритъ онъ.—Но если бы только я могъ вернуть нѣсколько лѣтъ этого несчастнаго времени, которое не существуетъ, вы же сами всегда говорите; — вернуть всѣ тѣ возможности, которыя мнѣ давала жизнь, и которыя я бросалъ, если бы только я могъ...

Старикъ беретъ съ большого стола песочные часы, встряхиваетъ ихъ, перевортываетъ, смотритъ, пока бѣжитъ песокъ и говорить:

— Все можно вернуть, все,—только и это не поможет. Осокинъ, плохо слушая его, весь поглощенный своими мыслями, говоритъ:

— Если бы только я зналъ, если бы только я зналъ, къ чему я приду? Но я такъ вѣрилъ себѣ, вѣрилъ въ свои силы. Я хотѣлъ идти своимъ собственнымъ путемъ, и я ничего не боялся и ни о чемъ не жалѣлъ. Я бросалъ все, чѣмъ дорожать люди и ни разу не оглянулся назадъ. Но теперь я чувствую, что я отдалъ бы полжизни, чтобы вернуться назадъ и стать, какъ всѣ.

Онъ встаетъ и ходить по комнатѣ. Старикъ сидитъ и смотритъ на него, слегка кивая головой и улыбаясь. Въ его взглядѣ—усмѣшка и иронія, но не злобная, а полная пониманія, сочувствія и сожалѣнія, точно онъ хочетъ, но не можетъ помочь.

— Я всегда надо всѣмъ смѣялся и мнѣ даже нравилось, что я такъ ломалъ свою жизнь. Я чувствовалъ себя сильнѣе другихъ. Меня ничто не могло сломать, ничто не могло заставить признать себя побѣжденнымъ. Я и теперь не побѣжденъ. Только я больше не могу бороться. Я попалъ въ какую-то трясину. Я не могу сдѣлать ни одного движенія. Вы понимаете меня. Я долженъ сидѣть и смотрѣть, какъ меня засасываетъ.

Старикъ сидитъ и смотритъ на него.

Почему это такъ вышло? говоритъ онъ.

— Почему? Вы прекрасно знаете. Я очутился за бортомъ съ того времени, какъ меня исключили изъ гимназіи. Уже это одно измѣнило всю жизнь. Поэтому я стою теперь какимъ-то чужимъ для всего. Возьмите всѣхъ моихъ товарищей: кто кончаетъ университетъ, кто кончилъ, кто еще студентъ. Но у нихъ у всѣхъ опредѣленная и твердая почва подъ ногами. Я жилъ въ десять разъ больше ихъ, знаю, читалъ, видѣлъ въ сто разъ больше ихъ. И все-таки я какой-то человѣкъ, нуждающійся въ снисхожденіи. Я не понимаю ихъ разговоровъ. Я—чужой. На прошлой недѣлѣ три глупыя курсистки доказывали мнѣ, что мнѣ нужно читать Маркса...

И это все? говоритъ старикъ.

— И все и не все. У меня были другіе шансы. Но все летѣло одно за другимъ. Первое все-таки самое важное. Какъ

ужасно, что еще дѣтьми, или полудѣтьми мы можемъ дѣлать вещи, которыя отражаются на всей жизни, мѣняютъ всю дальнѣйшую жизнь. Вѣдь то, что я сдѣлалъ въ гимназіи, была простая шалость отъ скуки. И если бы я зналъ и понималъ, что будетъ дальше. Развѣ бы я сдѣлалъ это?

Старикъ утвердительно киваетъ головой.

— Сдѣлали бы, говорить онъ.

— Никогда.

Старикъ смѣется.

Осокинъ ходитъ по комнатѣ, останавливается, говорить опять.

— Потомъ дальше. Зачѣмъ я поссорился съ дядей? Старикъ былъ искренно расположенъ ко мнѣ, но я точно нарочно дразнилъ его и по цѣлымъ днямъ пропадалъ въ лѣсу съ его воспитанницей. Правда, Танюшка была необыкновенно милая, и мнѣ было шестнадцать лѣтъ, и мы такъ удивительно хорошо цѣловались съ ней, и все это было что-то очень солнечное. Но старикъ смертельно обидѣлся, когда поймалъ насъ въ столовой. Къ чему все это было? Если бы я зналъ, что изъ этого выйдетъ, развѣ бы я не остановился?

Старикъ смѣется.

— Вы знали, говорить онъ.

Осокинъ стоитъ со смѣющимся лицомъ, точно видя что то вдали или вспоминая.

— Можетъ быть и зналъ, говорить онъ, только это казалось такъ увлекательно тогда. Но, конечно, этого не слѣдовало дѣлать. И если бы я ясно зналъ, разумѣется, я держался бы подальше отъ Танечки.

— Вы совершенно ясно знали, говорить старикъ. Подумайте, и вы увидите.

— Ну, конечно, нѣтъ, говорить Осокинъ. Вѣдь вся бѣда именно въ томъ, что мы не знаемъ впередъ. Если бы мы знали навѣрное, что выйдетъ изъ нашихъ поступковъ, развѣ бы мы стали дѣлать все, что дѣлаемъ?

— Вы всегда знаете, говорить старикъ, пристально взглянувъ на Осокина.

Осокинъ задумывается, и на его лицо набѣгаетъ тѣнь.

— Можетъ быть, я иногда и правда предвидѣлъ событія, говорить онъ, но вѣдь нельзя же это считать прави-

ломъ?.. Я всегда какъ-то иначе подходилъ къ жизни, чѣмъ другіе.

Старикъ улыбается.

— И потомъ даже я, продолжаетъ Осокинъ,—если я зналъ все, что выйдетъ, зачѣмъ же я дѣлалъ все такъ? Возьмите эту исторію въ конекскомъ. Я сознаю, что мнѣ было трудно тамъ, потому что я не привыкъ къ дисциплинѣ. Но вѣдь это же пустяки. Я могъ заставить себя. И потомъ все уже налаживалось и оставалось очень недолго до окончанія. Какъ вдругъ, точно нарочно, я началъ опаздывать, возвращаясь изъ отпуска. Разъ, два, наконецъ мнѣ говорятъ, что меня исключаютъ, если я еще разъ опоздаю. Два воскресенья послѣ этого я являюсь аккуратно, а слѣдующій разъ не являюсь совсѣмъ и... Ну да что тутъ рассказывать, въ результатѣ меня исключаютъ. Вѣдь я же не зналъ этого.

— Знали.

Осокинъ смѣется.

— Ну, положимъ, и на этотъ разъ зналъ. Но, вѣдь всегда рассчитываешь на лучшее. Вы понимаете меня, это не то знаніе. Если бы мы знали, совсѣмъ несомнѣнно, что будетъ, вотъ тогда мы бы дѣлали иначе.

— Милый другъ, вы плохо отдаете себѣ отчетъ въ томъ, что говорите. Если бы вы знали что-нибудь неизбѣжное, то ваши дѣйствія не могли бы ничего измѣнить, ни въ ту, ни въ другую сторону. И вы знаете не это. Вы знаете всегда, что получится отъ того или другого вашего дѣйствія. Но вы всегда хотите дѣлать одно, а чтобы получилось другое.

— Не всегда же мы все знаемъ, говорить Осокинъ.

— Всегда.

— Но постойте, развѣ я зналъ что-нибудь, когда былъ солдатомъ въ Средней Азіи? У меня не было никакихъ надеждъ ни на что. Но я чего-то ждалъ.

Старикъ улыбается.

— Вдругъ я получаю наслѣдство отъ тетки—пятнадцать тысячъ. Это было спасенье. И сначала я началъ дѣйствовать правильно. Поѣхалъ за границу. Сдалъ экзамены. Началъ слушать лекціи въ Сорбоннѣ. Все опять отрывалось. И потомъ въ глущую минуту, безъ смысла, безъ вкуса я проигралъ всѣ деньги въ компаніи богатыхъ американскихъ студентовъ, ко-

торые даже и не замѣтили этого. Что же я зналъ, что дѣлаю? Вѣдь я проигрывалъ все въ тотъ моментъ. Вообще, если бы мы знали, куда мы идемъ? Сколько бы разъ мы оставились!

Старикъ встаетъ и стоитъ передъ Осокинымъ, опираясь на свою палочку.

— Вы знаете! говорить онъ. — А въ тѣхъ случаяхъ, когда не знаете, если бы и знали, все равно дѣлали бы тоже самое.

Осокинъ смѣется.

— Конечно нѣтъ! Конечно нѣтъ! кричитъ онъ. Если бы только намъ знать! Наше несчастіе въ томъ, что мы полземъ, какъ слѣпыя котята, и не знаемъ, гдѣ край стола, на который насъ положили. Наше несчастіе въ томъ, что мы дѣлаемъ нелѣпыя вещи, потому что не знаемъ ничего впереди. Если бы только знать! Если бы видѣть немного впереди.

Онъ ходитъ по комнатѣ и останавливается передъ старикомъ.

— Слушайте! Развѣ ваша магія не можетъ дать мнѣ это? Не можетъ вернуть меня назадъ? Я все время думаю объ этомъ, а сегодня, когда я узналъ про Зинаиду, я почувствовалъ, что это единственное, чего бы я могъ желать. Я не могу идти дальше, я все испортилъ. И я не могу жить съ этимъ. Верните меня назадъ, если это возможно. Я все сдѣлаю иначе, буду жить по другому и къ этой встрѣчѣ съ ней я буду готовъ... Я хочу вернуться лѣтъ на десять назадъ, къ тому времени, когда я былъ еще мальчикомъ, гимназистомъ. Скажите, возможно это?

Старикъ киваетъ головой.

— Возможно!

Осокинъ останавливается пораженный.

— Вы можете? говорить онъ.

Старикъ киваетъ головой, потомъ улыбается и говоритъ:

— Но это не принесетъ пользы. Я могу исполнить ваше желаніе, только вамъ не будетъ лучше отъ этого.

— Нѣтъ, нѣтъ, это уже мое дѣло, говоритъ Осокинъ. Только верните меня назадъ, на десять, нѣтъ, на одиннадцать лѣтъ. Но при этомъ нужно, чтобы я все помнилъ, по-

нимаєте все до послѣдней мелочи. Все, что я приобрѣлъ за эти одиннадцать лѣтъ, должно быть со мной, все, что я знаю, весь опытъ, все знаніе жизни. Боже, что тогда можно сдѣлать?

— Я могу васъ вернуть, насколько хотите, и вы все будете помнить, но изъ этого ничего не выйдетъ, говоритъ старикъ.

— Какъ это можетъ ничего не выйти? говоритъ Осокинъ возбужденно. Вѣдь весь ужасъ въ томъ, что мы не знаемъ нашего пути. Если я буду знать и помнить, я все буду дѣлать совсѣмъ по другому. У меня будетъ цѣль, у меня будетъ сознаніе пользы и нужности всего труднаго, что мнѣ придется дѣлать. Боже мой, что вы говорите? Я измѣню всю жизнь. Я найду Зинаиду тогда же, еще въ гимназіи. Мы познакомимся дѣтьми. Она не будетъ еще ничего знать, а я уже буду знать, что мы предназначены другъ для друга и я все буду вести къ этому. Развѣ я стану тогда продѣлывать всѣ эти фокусы, какіе я продѣлывалъ со своей жизнью. Конечно, нѣтъ!

Старикъ медленно садится и продолжаетъ смотрѣть на него.

— Сдѣлайте это, если только возможно, я не могу больше такъ жить, говоритъ Осокинъ. — Только я долженъ помнить все. Это главное условіе.

— Хорошо, я это сдѣлаю говоритъ старикъ. Вы вернетесь назадъ на одиннадцать лѣтъ, какъ вы хотите. И вы все будете помнить, до тѣхъ поръ, пока не захотите забыть. Вы готовы?

— Готовъ! говоритъ Осокинъ. — Все равно, я не могу вернуться домой, я чувствую, что это невозможно.

Старикъ медленно хлопаетъ три раза руками. Изъ глубины комнаты выдвигается и становится передъ нимъ небольшой треножникъ-жаровня; изъ камина поднимаются горящіе уголья и ложатся въ жаровню. Со шкафа слетаетъ и становится около старика большая ваза. Старикъ опускаетъ руку въ вазу и другой рукой показываетъ Осокину на кресло. Тотъ садится. Смотря на огонь старикъ медленно произноситъ непонятныя слова, потомъ вынимаетъ руку изъ вазы, бросаетъ въ огонь горсть порошку, беретъ со стола, встря-

хиваетъ и перевертываетъ песочные часы. Огонь сначала гаснетъ, потомъ вспыхиваетъ, надъ треножникомъ поднимается облако дыма, вся комната наполняется дымомъ и въ дыму видно множество фигуръ, движенья — точно вся комната сразу наполнилась людьми.

Когда дымъ разсѣивается, старикъ сидитъ въ креслѣ и держать въ рукѣ песочные часы.

Осокина нѣтъ.

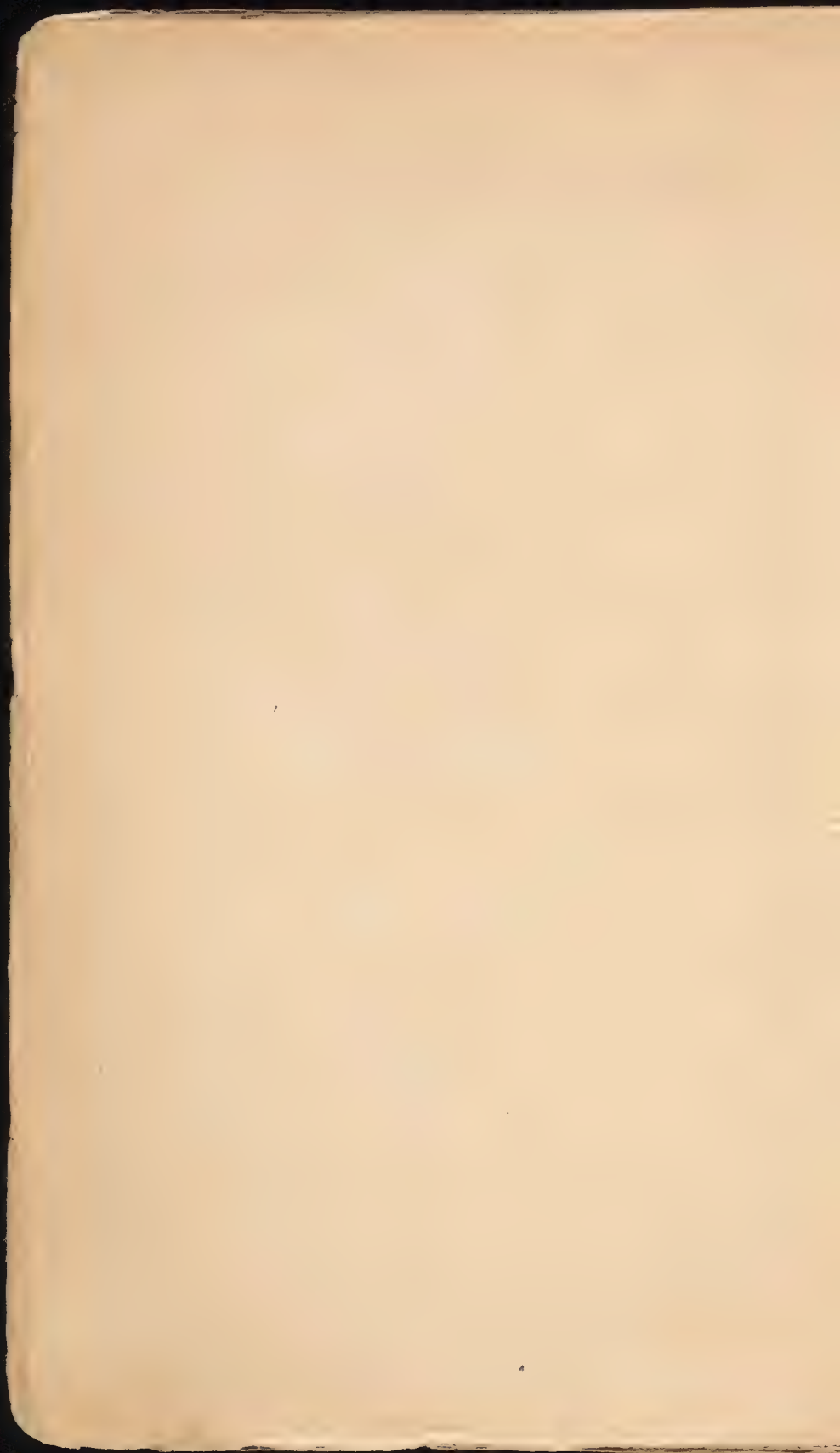
ЧАСТЬ II.

ЖИЗНЬ

(Линга Шарура).

Пространство четвертаго измѣренія — время, дѣйствительно, есть разстояніе между формами, состояніями и положеніями одного и того же тѣла и разныхъ тѣлъ (т. е. кажу-щихся намъ разными). Оно отдѣляетъ эти формы, состоянія и положенія другъ отъ друга и оно же связываетъ ихъ въ какія-то непонятныя намъ цѣлыя. Это непонятное намъ цѣлое можетъ образоваться во времени изъ одного физическаго тѣла — и можетъ образовываться изъ разныхъ.

„Tertium Organum“

ГЛАВА I.

Утро.

Спальня въ гимназическомъ пансіонѣ. Ряды кроватей, спящія фигуры, закутанныя одѣялами. За аркой другое отдѣленіе спальни. Шесть часовъ утра, за окнами темная ночь. Горятъ лампы. Бьютъ часы. На дальнемъ концѣ спальни появляется дядька изъ николаевскихъ солдатъ, котораго зовутъ Лягушка, и начинаетъ звонить въ большой колокольчикъ, проходя по среднему широкому проходу между кроватями.

Спальня сразу оживаетъ, начинается движеніе и шумъ. Одни сразу вскакиваютъ, сбрасываютъ одѣяла, натягиваютъ сапоги, брюки и съ полотенцами въ рукахъ бѣгутъ въ умывальную. Другіе закутываются съ головой въ одѣяло и стараются еще хоть полминуты подремать. Въ одной изъ кроватей мальчикъ лѣтъ пятнадцати вскакиваетъ на кровать и начинаетъ танцевать. Съ другого конца спальни въ него бросаютъ подушкой. Воспитатель, длинный нѣмецъ въ синемъ фракѣ, ходитъ отъ одной кровати къ другой и дергаетъ за одѣяла тѣхъ, которые не встаютъ.

На кровати у стѣны, приподнявшись, сидитъ Иванъ Осokinъ, съ изумленіемъ глядя кругомъ себя. Ему на видъ лѣтъ четырнадцать.

— Во снѣ я это все видѣлъ, и что это значитъ? говорить онъ про себя.—И то, что я сейчасъ вижу—тоже сонъ? Я былъ у волшебника и просилъ его вернуть меня назадъ. Онъ сказалъ, что вернетъ, на одиннадцать лѣтъ назадъ. Не-

ужели это правда? Я ушелъ изъ дому и взять револьверъ. Я не могъ оставаться дома. Боже, неужели правда, что Зинаида выходить замужъ за Минскаго? я не могу съ этимъ жить. Но какой смѣшной сонъ! Гимназія совсѣмъ, какъ настоящая. Не знаю, хотѣлъ ли бы я на самомъ дѣлѣ здѣсь очутиться или нѣтъ. Здѣсь тоже очень скверно. Но, какъ же я буду жить? Зинаиды больше нѣтъ для меня! Я не могу, я никогда не примирюсь съ этимъ! Я говорилъ волшебнику, что хочу измѣнить всю свою жизнь, и что я долженъ начать издалека. А что, если онъ, правда, вернулъ меня назадъ? Это невозможно, я знаю, что это сонъ. Но попробую подумать, что я на самомъ дѣлѣ въ гимназіи. Что это лучше или хуже? Не знаю даже что сказать. И почему мнѣ дѣлается такъ страшно, и грустно? Вѣдь это же не можетъ быть... Но Зинаида... Нѣтъ тутъ какой-то заколдованный кругъ. А что, если я на самомъ дѣлѣ гимназистъ? Можетъ быть, я все это видѣлъ во снѣ—и Зинаиду, и все. Можетъ это быть или нѣтъ? Хорошо, но есть тысяча вещей, которыхъ я не зналъ и не могъ знать, когда былъ гимназистомъ. Я сейчасъ провѣрю себя... Что бы такое вспомнить? Вотъ что! Въ гимназіи я не зналъ по-англійски. Если я знаю, значитъ все было, и я былъ за границей и все. Какъ начинается эта сказка Стивенсона о дочери короля, которая не имѣла власти надъ завтрашнимъ днемъ? *The Song of the Morrow*. Да, вѣрно.

— *The King of Duntrine had a daughter, when he was old and she was the fairest King's daughter between two seas...*

Да, все вѣрно, значить, я знаю по-англійски. Я могу вспомнить дальше ... *her hair was like spun gold, and her eyes like pools in a river; and the King gave her a castle upon the sea beach with a terrace, and a court of the hewn stone, and four towers at the four corners...*

Но значить это все сонъ!

— Осокинъ, Осокинъ, кричить ему его пріятель Меморскій. Что ты сидишь, какъ сычъ. Заснулъ что-ли? Слышишь, нѣмецъ записываетъ, кто не одѣлся. Да проснись же ты, чортова кукла!

Меморскій хватаетъ подушку и изъ всѣхъ силъ бросаетъ ее въ голову Осокину. Осокинъ, который ничего не слышалъ, отъ неожиданности чуть не падаетъ съ кровати. Потомъ онъ хватаетъ подушку и разсерженно бросаетъ ее въ хохочущаго Меморскаго, который ловко увертывается.

Въ это время изъ-за арки выходитъ нѣмецъ-воспитатель, и подушка, пролетая надъ головой Меморскаго, попадаетъ ему прямо въ фізіономію.

Нѣмецъ отъ неожиданности тоже чуть не падаетъ и потомъ въ бѣшенствѣ бросается къ Осокину.

У нѣмца есть привычка хватать виноватыхъ даже въ меньшихъ преступленіяхъ и собственноручно тащить къ какому-нибудь мѣсту наказанія «подъ часы», или «подъ лампу», или «къ шкафу», или просто «къ стѣнѣ». У гимназистовъ не считается позорнымъ наказаніе, но считается унижительнымъ и смѣшнымъ, когда нѣмецъ «тащитъ».

Осокинъ сначала растерянно смотритъ на нѣмца и хочетъ что-то объяснить ему, но потомъ, видя взбѣшенное лицо нѣмца и понимая его намѣреніе, блѣднѣетъ и выставляетъ впередъ руки для защиты. Нѣмецъ во-время замѣчаетъ выраженіе лица Осокина и его движеніе и останавливается. Нѣсколько мгновений они стоятъ другъ противъ друга. Кругомъ быстро образуется цѣпь любопытныхъ. Злоба души нѣмца, но онъ справляется съ собой, рѣшая сдѣлать результатъ этого, возможно болѣе, непріятнымъ для Осокина.

— Почему ты не одѣтъ? кричитъ онъ Осокину. До чего еще дойдетъ это безобразіе? Съ утра драки! Всѣхъ задерживаешь. Велю дядькамъ умыть тебя, если самъ не хочешь умыться. Живо одѣвайся и маршъ подъ часы. Останешься безъ чаю и во время репетиціи будешь стоять у шкафа. Потомъ я поговорю съ Адольфомъ Францевичемъ. Одѣвайся!

Нѣмецъ круто поворачивается и уходитъ. Собравшаяся кругомъ толпа расходится. Кто смѣется, кто сочувственно что-то кричитъ Осокину. Осокинъ нервно начинаетъ одѣваться.

— Что такое за нелѣпость? мелькаетъ у него въ головѣ. Какой идиотскій сонъ! Нужно было увидать эту рожу. Но зачѣмъ я одѣваюсь? Лягу и буду лежать. Вѣдь, это же сонъ

Но въ этотъ моментъ онъ вспоминаетъ волшебника и ему дѣлается такъ смѣшно, что онъ съ трудомъ удерживается, чтобы не расхохотаться вслухъ.

— Воображаю, что сказалъ бы волшебникъ. Вотъ дѣйствительно блестящее начало новой жизни. И курьезно то, что это такъ все тогда и было. Я прекрасно помню эту исторію съ подушкой. Но почему же я зналъ, что это должно было быть именно сегодня? А волшебникъ навѣрное сказалъ бы: вы знали. Впрочемъ, кажется, у меня мелькнуло что-то въ головѣ, когда я собирался бросить подушку. Я хотѣлъ остановиться. Но все-таки бросилъ ее. Проклятый нѣмецъ. Нужно было ему подвернуться. Теперь онъ пожалуется Францычу и вообще выйдетъ гадость. Значить — безъ отпуска, да еще баллъ сбавятъ, пожалуй. Но зачѣмъ я объ этомъ думаю? Не все ли мнѣ равно, вѣдь я сейчасъ проснусь. Нужно сдѣлать надъ собой усиліе. Ничего этого нѣтъ. Я просыпаюсь. Ну!

Изъ-за арки показывается нѣмецъ.

— Ты еще не готовъ? кричитъ онъ Осокину. — Прокофій, отведи его подъ часы.

Дядька Прокофій, котораго гимназисты зовутъ «Картофель» нехотя направляется съ другого конца спальни къ Осокину. Осокинъ, чувствуя, что изъ двухъ золь нужно выбирать меньшее, хватается полотенце и, не глядя на нѣмца, быстро идетъ къ выходу изъ спальни.

Площадка лѣстницы передъ умывальной. Внизъ идетъ чугунная лѣстница. На стѣнѣ круглые желтые часы. Подъ часами стоитъ Осокинъ, съ растеряннымъ и встревоженнымъ лицомъ. Мимо него изъ умывальной въ спальню и обратно проходятъ гимназисты. Никто не обращаетъ на него вниманія.

— Что я схожу съ ума или сошелъ уже? думаетъ Осокинъ. Такихъ сновъ не бываетъ! И я не могу проснуться. Вѣдь, не можетъ же быть на самомъ дѣлѣ, чтобы я очутился въ гимназіи. Слишкомъ ужъ это глупо все. Я знаю, что если я только начну думать о своей жизни, о Зинаидѣ, о дѣлахъ, я проснусь. Но я не могу перестать думать объ этомъ дурацкомъ нѣмцѣ и о томъ, что меня оставятъ безъ

отпуска. Отъ этого я и продолжаю спать. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательно интересно было бы вернуться въ гимназію для того, чтобы по обыкновенію сидѣть безъ отпуска. Нѣтъ ужъ это дудочки! Если бы я на самомъ дѣлѣ вернулся, такъ ужъ по крайней мѣрѣ извлекъ бы изъ этого все, что можно извлечь. А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, интересно было бы увидать Зинаиду дѣвочкой. Я знаю даже, гдѣ она учится. Но, Боже мой, неужели это правда, что она будетъ замужемъ, будетъ любить этого Минскаго, будетъ совсѣмъ чужой мнѣ. Тогда все равно зачѣмъ же мнѣ ее видѣть? Только я не понимаю одного, почему этотъ глупый сонъ такъ тянется. Обыкновенно, какъ только во снѣ я подумаю, что это сонъ, такъ сейчасъ же просыпаюсь. А теперь почему-то не могу проснуться. Вотъ что! Попробую прыгнуть съ лѣстницы черезъ перила, если я полечу по воздуху, значить это сонъ. Вѣдь это же не можетъ быть дѣйствительность, значить, я не могу упасть.

Осокинъ рѣшительно, большими шагами проходитъ площадку, берется руками за желѣзные перила и заглядываетъ внизъ. Въ это время изъ спальни выбѣгаютъ человѣкъ пять гимназистовъ, приблизительно одного возраста съ Осокинымъ. Видя перегнувшася внизъ Осокина, они всѣ подбѣгаютъ къ нему и наваливаются на него сзади. Всѣ хотятъ.

Осокинъ старается освободиться и нечаянно ударяетъ локтемъ въ лицо одного изъ нападающихъ. Тому, видимо, очень больно. Онъ кричитъ и хватается за лицо. Между пальцами у него каплетъ кровь. Остальные отпускаютъ Осокина и съ любопытствомъ смотрятъ, что будетъ дальше. Изъ дверей старшей спальни выходитъ нѣмецъ и сразу однимъ взглядомъ охватываетъ положеніе.

Наказанный Осокинъ сошелъ со своего мѣста «подъ часами», участвуетъ въ дракѣ и разбилъ въ кровь носъ Клементьеву.

Осокинъ тоже понимаетъ, что всѣ улики противъ него, и хочетъ что-то сказать. Но нѣмецъ не даетъ ему говорить.

— Опять драка и опять Осокинъ! кричитъ онъ. — Прегде всего, кто тебѣ позволилъ сойти съ мѣста? Нѣтъ, это изъ рукъ вонъ!

Нѣмецъ все больше и больше подогрѣваетъ себя.

— Что тебя въ клѣтку нужно сажать или на цѣпь? Или горячечную рубашку надѣвать? На одну минуту отъ него нельзя отойти. Довольно! У меня для тебя нянекъ нѣтъ. Когда всѣ пойдутъ въ столовую, останешься здѣсь подѣ часами и будешь стоять здѣсь во время ренетиціи, пока не придетъ Адольфъ Францевичъ. Пускай онъ дѣлаетъ съ тобой, что хочетъ. Я отказываюсь. А если ты сойдешь съ мѣста еще разъ, я тебя отправлю въ больницу.

Осокину и досадно, и противно все, что происходитъ. И въ то же время необыкновенно смѣшно смотрѣть на нѣмца. Ему хочется сказать нѣмцу что-нибудь такое, чтобы онъ понялъ, что Осокинъ совсѣмъ не гимназистъ, что это только сонъ. Но ему ничего не приходится въ голову. И противъ его воли ему дѣлается непріятно отъ угрозы нѣмца, точно его на самомъ дѣлѣ ожидаетъ что-то очень непріятное.

Осокинъ опять стоитъ «подѣ часами».

На другомъ концѣ «площадки» гимназисты начинаютъ строиться парами. Впереди старшіе, въ концѣ младшіе. Всего около ста человѣкъ.

— Прокофій, кричитъ нѣмецъ дядькѣ, Осокинъ будетъ стоять здѣсь подѣ часами. Если онъ сойдетъ съ мѣста, приди и скажи мнѣ.

Нѣмецъ бросаетъ злобный взглядъ на Осокина и важно идетъ внизъ по лѣстницѣ. За нимъ двигаются пары, не обращая вниманія на Осокина.

— Осокинъ, я тебѣ вынесу, кричитъ Меморскій.

На гимназическомъ жаргонѣ это значитъ, что Меморскій принесетъ Осокину, оставленному безъ чаю, булку или кусокъ булки.

ГЛАВА II.

Мысли.

Осокинъ остается одинъ. Его все больше и больше, противъ его желанія, охватываетъ тревожное настроеніе напроказившаго гимназиста, ожидающаго наказанія, и онъ не можетъ отдѣлаться отъ этого.

Оставленіе въ спальнѣ и подъ часами во время чая и на всю репетицію, это уже не обычное наказаніе изъ числа неважныхъ. А угроза больницы, это — самое большое, что можетъ сдѣлать воспитатель своей властью. Больница сама по себѣ нисколько не страшна, наоборотъ — очень пріятна. Но посылка здороваго въ больницу означаетъ «отдѣленіе отъ всѣхъ остальныхъ» и обычно предшествуетъ исключенію изъ гимназій.

Дядьки убираютъ спальни. Съ площадки видны и младшая, и старшая спальни.

— Прежде всего я этому ничему не вѣрю, говоритъ Осокинъ, обращаясь самъ къ себѣ, — а во-вторыхъ, мнѣ хочется курить, — заканчиваетъ онъ неожиданно для самого себя.

— Интересно, есть у меня папиросы или нѣтъ. Онъ ищетъ по карманамъ.

— Ничего нѣтъ. Часы, двугривенный денегъ, перочинный ножикъ, огарокъ стеариновой свѣчки, зажигательное стекло, гребенка, карандашъ, больше ничего.

Это содержимое кармановъ гимназиста-пансіонера невольно заставляетъ Осокина улыбнуться.

— Чортъ знаетъ, что только не приснится, говоритъ онъ. Но удивительно, какъ я шагъ за шагомъ вспоминаю всю эту исторію. Это именно все такъ было даже, кажется, папи-

роску я также искалъ. Но я не могъ бы вчера вспомнить все это и рассказать съ такими подробностями. А теперь я даже помню все, какъ было дальше. Пришелъ Францычъ, отчитывалъ меня, сбавили баллъ и потомъ, кажется, три воскресенья я сидѣлъ безъ отпуска. Отъ этого я уже совсѣмъ опалѣлъ и окончательно бросилъ заниматься. Такимъ образомъ это было началомъ цѣлой серіи пріятныхъ событій, въ результатѣ которыхъ я застрялъ въ четвертомъ классѣ на второй годъ. Если я вернулся назадъ съ тѣмъ, чтобы все исправить, то лучшаго начала нельзя придумать. Но это ерунда. Что мнѣ за дѣло до гимназіи. Проснусь и все это будетъ кончено. Такъ выплыло откуда то воспоминаніе. Буду лучше думать о настоящемъ. Онъ старается заставить себя думать о Зинаидѣ. Но его хватаетъ за сердце такая щемящая тоска, что онъ мотаетъ головой и говоритъ самъ себѣ:

— Нѣтъ, только не это! Вѣдь я же отъ этого убѣжалъ. Все равно — сонъ это, или не сонъ, я объ томъ не могу думать. Но объ чемъ же мнѣ думать? Все скверно — и здѣсь, и тамъ. Но это невозможно. Нужно найти что-нибудь, на чемъ остановить мысль. А то такъ ужъ слишкомъ тяжело. Думать о чемъ-нибудь другомъ! Кто такой былъ у меня вчера? Ступицынъ, да. Воображаю, какъ бы онъ сталъ хотать, если бы я рассказалъ ему, что волшебникъ вернулъ меня опять въ гимназію. Пожалуй худшаго наказанія ни для когѣ не придумать. А кстати вѣдь Ступицынъ тоже долженъ быть здѣсь, только онъ приходящій. Интересно было бы его увидеть. Вообще нужно что-нибудь дѣлать. Сонъ это, или не сонъ, но стоять подъ часами я не желаю. Если я и вернулся въ гимназію, то совсѣмъ не для этого. Но ужасно странный сонъ, какой-то кошмаръ, бредъ. Можетъ быть я боленъ, можетъ быть у меня тифъ? Странно, что я такъ связно рассуждаю, но, говорятъ, это бываетъ. Если такъ, нужно добраться до начала. Когда же начался этотъ бредъ? Я помню, что Ступицынъ говорилъ вчера, что у меня дурной видъ. Потомъ я пошелъ на почту и встрѣтилъ Крутицкаго. Онъ мнѣ сказалъ про Зинаиду... Вотъ съ этого все и началось. Можетъ быть, этого не было. Можетъ быть, я совсѣмъ не ходилъ на почту и не встрѣчалъ его. Можетъ быть это — все бредъ, что Зинаида выходитъ замужъ. Вѣроятно, мнѣ сдѣлалось дурно, когда ушелъ Ступицынъ, и я лежу у себя,

и брежу, и не могу проснуться. Пожалуй, это вѣриѣ всего. Тогда вотъ что, если это правда — а иначе, кажется, не можетъ быть,—я какъ только поправлюсь, ѣду въ Крымъ—хоть зайцемъ, на буферѣ, какъ угодно, только я поѣду. Можетъ быть, это не тифъ, можетъ быть, это просто нервная лихорадка.

Мимо него проходитъ дядька Прокофій, тоже изъ старыхъ солдатъ, и, ухмыляясь, киваетъ ему.

— Попался, братъ Осокинъ. Чего это вы подрались то?

Осокинъ сначала не понимаетъ его, но потомъ невольно отвѣчаетъ «за гимназиста».

— Да мы не дрались, я ему только локтемъ попалъ нечаянно.

Прокофій качаетъ головой.

— Ловко попалъ. Текла, текла кровь то изъ носу. Насилу уняли. Ужъ ему все говорили, держи носъ кверху. А теперь носъ то синій, и распухъ во какъ.

— Да я нечаянно, говоритъ Осокинъ, переступая съ ноги на ногу.

— Ну да, а Роберту Карлычу подушкой въ морду тоже нечаянно залѣпилъ? Погоди, вотъ тебѣ Адольфъ Францычъ пропишетъ.

Прокофій махаетъ рукой и идетъ въ спальню.

Нить мыслей Осокина прерывается.

— Я не могу понять,—кто же я сейчасъ, говоритъ онъ, гимназистъ или взрослый человѣкъ? Да, это все повтореніе до мельчайшихъ мелочей того, что было. Но вѣдь, если я вернулся назадъ, то не для этого же... А если это сонъ, то почему онъ такой длинный? Сколько разъ я раньше видѣлъ во снѣ гимназію. Всегда это было ужасно смѣшно. Я помню въ Парижѣ видѣлъ во снѣ, что я опять поступилъ въ гимназію. Вотъ совершенно такъ же, все было, какъ сейчасъ. И я помню, мнѣ куда-то нужно было итти и я просился у Францыча, а онъ не пускалъ меня. Я ему говорю, мнѣ нужно на лекцію, Адольфъ Францычъ, а онъ говоритъ: «Мина эта ны касается. Если ви паступили въ гимназію, ви обязаны подчиняться всѣмъ правиламъ».

Значить, теперь опять съ Францычемъ объясняться.

Но, чортъ возьми, все-таки нужно признать, что это выходитъ очень забавно, только нужно постараться не забыть этотъ сонъ. А то все самое интересное всегда забывается. И

вотъ тема для стиховъ — гдѣ кончается сонъ, и гдѣ начинается дѣйствительность? Совершенно невозможно опредѣлить. Что видишь, то кажется дѣйствительностью, потому что уже самое мы называемъ сномъ.

Но любопытно, долго это будетъ тянуться или нѣтъ? Если бы навѣрное знать, что долго, можно было бы повернуть сонъ по своему желанію. Сколько можно увидеть! Ну, подумаемъ, что бы я хотѣлъ увидеть. — Маму?

Осокинъ мысленно останавливается и ему дѣлается страшно.

— Боже мой, но, вѣдь, она же умерла, я помню ея похороны. Какъ же я буду смотрѣть на нее? Я все время буду думать о томъ, что видѣлъ ее мертвой. Я, помню, и тогда въ гимназіи думалъ: придетъ моментъ, когда мама умретъ, что я буду дѣлать тогда? И потому она на самомъ дѣлѣ умерла. А я продолжалъ жить. Это самое ужасное, что мы со всѣмъ примиряемся. Но, Боже, какъ бы я хотѣлъ ее сейчасъ увидеть. Почему такой глупый сонъ? Почему я вижу нѣмца, Прокофія, почему я не вижу ее? Вотъ странное ощущеніе. Это совершенно, совершенно то же самое, что постоянно бывало въ гимназіи... Я помню, какъ тогда на меня иногда находили мысли, что мама можетъ умереть, и мнѣ безумно начинало хотѣться ее увидѣть сейчасъ же, сію минуту, и быть дома, сидѣть съ ней, разговаривать. И теперь то же самое. Я не знаю, чего бы я не отдалъ сейчасъ, чтобы увидеть ее. Но меня еще безъ отпуска оставлять. Что это за глупости? Зачѣмъ я думаю объ этомъ? Я не могу отъ этого зависѣть. Я хочу увидеть ее, я долженъ! Боже мой, какъ тогда меня мучили эти оставленія безъ отпуска. Вѣдь эти толстокожія животныя не понимаютъ, что это значитъ просидѣть здѣсь недѣлю и не имѣть возможности пойти домой въ субботу. Вѣдь, этимъ только и можно жить. Но какъ теперь сдѣлать, чтобы увидеть маму? Это и страшно, и необходимо. Но какъ я буду смотрѣть на нее теперь, говорить съ ней и вспоминать ея похороны? Вотъ теперь я понимаю, почему она всегда вызывала у меня какую-то жалость. Это было предчувствіе.

Осокинъ задумывается.

— У меня не укладывается это въ головѣ, — говоритъ онъ смотря кругомъ. — Я хочу понять, что это сонъ, или не сонъ.

ГЛАВА III.

Прошрое.

На экранѣ кинематографа проходитъ рядъ картинъ изъ жизни гимназіи. Осокина зовутъ къ инспектору. Толстый чехъ, Адольфъ Францевичъ, отчитываетъ Осокина. Осокинъ что-то пытается объяснить ему, но тотъ ничего не хочетъ слушать и угрожаетъ самыми страшными наказаніями. Въ результатѣ, за всю совокупность совершенныхъ утроемъ преступленій, Осокинъ оставленъ безъ отпуска на три воскресенья.

Начинаются уроки. Осокинъ не знаетъ даже, что задано. Единица по греческому. Другіе уроки проходятъ благополучно, его не спрашиваютъ. Осокинъ сидитъ и ходитъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Ему одинаково тяжело думать о себѣ, какъ о взросломъ, потому что тогда всѣ его мысли занимаетъ Зинаида; и какъ о гимназистѣ, потому что тогда онъ думаетъ о матери и о ея скорой смерти. Чтобы не думать ни о томъ, ни о другомъ, онъ старается занять свой умъ фантастическими мечтами. Эти мечты называются «Путешествіе въ Океаниду».

Осокинъ плыветъ на пароходѣ черезъ Тихій океанъ, пароходъ разбивается и гибнетъ. Осокина, чуть живого, волна выбрасываетъ на берегъ, и онъ оказывается въ неизвѣстной странѣ, гдѣ живутъ люди, осуществившіе всѣ мечты утопистовъ. Тамъ нѣтъ бѣдности, нѣтъ преступленій, нѣтъ глупости, нѣтъ жестокости. Всѣ довольны, всѣ счастливы, всѣ наслаждаются жизнью, солнцемъ, природой. Путешествіе въ Океаниду слагается изъ десятковъ прочитанныхъ книгъ. Осокинъ прекрасно знаетъ, что и тогда, раньше, когда онъ по

настоящему былъ въ гимназіи, его любимымъ занятіемъ во время скучныхъ уроковъ и репетицій были путешествія въ Океаниду.

Одинъ или двое изъ жителей Океаниды (иногда это дѣвушка съ веселымъ жизнерадостнымъ лицомъ) служатъ ему проводниками, показываютъ различныя учрежденія Океаниды, объясняютъ ея общественное устройство. Они спускаются подъ землю въ кратеръ потухшаго вулкана, поднимаются на снѣговыя вершины горъ. У нихъ десятки интересныхъ встрѣчъ, разговоровъ и приключеній. А иногда, когда проводникомъ является дѣвушка съ веселымъ лицомъ, они оказываются въ пикантныхъ и очень рискованныхъ положеніяхъ: или имъ приходится ночевать въ одной комнатѣ, или гроза и дождь въ горахъ заставляютъ ихъ укрыться въ маленькую пещеру, или у нихъ перевертывается лодка, на которой они плыли черезъ рѣку. Они выбираютъ на маленький островокъ и должны у костра сушить свое платье, при чемъ во всѣхъ такихъ случаяхъ спутница Осокина, что особенно нравится ему, безъ всякаго стѣсненія раздѣвается и одѣвается передъ нимъ.

Путешествіе въ Океаниду это старое и испытанное средство не думать о непріятныхъ вещахъ. Но въ то же время Осокина немножко грызетъ совѣсть. «Океанида» виновата во многихъ единицахъ.

Когда въ Океанидѣ развертывается какое-нибудь интересное приключеніе, Осокинъ ни о чемъ на свѣтѣ больше не способенъ думать.

— Зачѣмъ я «думаю» опять объ этомъ? — нерѣшительно спрашиваетъ онъ самъ себя.

— Больше не о чемъ думать, отвѣчаетъ онъ самъ себѣ. Это все-таки самое интересное.

И онъ незамѣтно убаюкиваетъ себя опять тѣми же старыми мечтаніями.

Послѣ уроковъ пансіонеры переодѣваются въ парусиновыя блузы и идутъ внизъ. Гулять не пойдутъ, потому что дурная погода. Бываетъ, что осенью пансіонеры не выходятъ на воздухъ по три недѣли. Что за охота воспитателю шлепать по грязи или ходить подъ дождемъ? А такъ какъ воспитателей пять человѣкъ, и они смѣняются каждый день, то

каждый изъ нихъ считаетъ, что вмѣсто него завтра другой пойдетъ гулять съ гимназистами. Да и, наконецъ, что за бѣда, если гимназисты посидятъ дома день—другой. Никому не приходится въ голову, что такъ проходить недѣля за недѣлей. А инспектору и директору ни до чего нѣтъ дѣла. Они днемъ не бываютъ въ пансіонѣ.

Гимназисты разбредаются по всему большому зданію гимназіи. Младшіе бѣгутъ внизъ въ гимнастическій залъ.

Осокинъ садится на подоконникъ во второмъ этажѣ и смотритъ на улицу. Все то же самое. Вывѣски: «колбасная и сырная» и рядомъ «мясная и рыбная». Грязь, дождь, отвратительная московская осень. Проѣзжаютъ конки на мокрыхъ клячахъ, извозчики съ поднятымъ верхомъ. Скверно и ужасно тоскливо на душѣ. Хорошо бы очутиться дома, сидѣть съ матерью, читать или слушать, какъ она читаетъ вслухъ. Вѣдь, есть же счастливые люди, которые живутъ дома. Или пойти куда-нибудь бродить по улицамъ подъ дождемъ. Это тоже бываетъ ужасно пріятно. Можетъ быть, можно увидать Зинаиду? Ахъ, Боже мой, опять эти мысли. Но что же въ концѣ концовъ сонъ это или не сонъ? Англійскій языкъ! Да, это какой-то якорь спасенія.

— Я не могъ знать по-англійски въ гимназіи, опять говоритъ себѣ Осокинъ.—Какъ начинается эта сказка?

The King of Duntrine had a daughter when he was old and she was the fairest King's daughter between two seas...

Осокинъ вспоминаетъ дальше съ перерывами.

— Ужасно странно, говоритъ онъ себѣ.—Если я гимназистъ, откуда я это знаю? И я знаю, что я былъ въ Лондонѣ и жилъ въ бордингъ-хаусѣ на Russel square и въ Парижѣ я знаю всѣ переулки и закоулки Монматра. Нѣтъ, это такъ нельзя оставить, нужно понять это все. Попробую предположить, что я не сплю, что волшебникъ на самомъ дѣлѣ вернулъ меня назадъ, для того, чтобы я, какъ хотѣлъ, могъ по-новому направить свою жизнь. Что же я долженъ дѣлать? Нужно, чтобы все было иначе. Я долженъ кончить гимназію, а для этого нужно заниматься и нужно, чтобы не было такихъ исторій, какъ сегодня. Сначала, конечно, мнѣ трудно, но черезъ день, черезъ два я освоюсь. Теперь я въ четвертомъ классѣ. Значитъ, я кончу гимназію восемнадцати лѣтъ и поступаю въ университетъ. Къ тому

времени, когда мы должны встрѣтиться съ Зинаидой, я уже кончу университетъ. Это будетъ совсѣмъ другое дѣло. Но какъ все ужасно долго. И скучно же здѣсь, прямо смерть. Нѣтъ, я прекрасно понимаю, почему я не могъ заниматься, и почему я не кончилъ гимназію. Какъ выдержать эту скуку? Нужно все время смотрѣть впередъ, все время думать о будущемъ. Буду думать о томъ, когда мы поѣдемъ въ Крымъ съ Зинаидой. Мы поѣдемъ вмѣстѣ. Какъ это будетъ удивительно хорошо. Вечеромъ въ вагонѣ мы будемъ сидѣть рядомъ и смотрѣть, какъ бѣгутъ поля, потомъ начнутся степи, мѣловыя горы, опять степи. А, можетъ быть, я познакомлюсь съ ней раньше. Конечно, я долженъ увидеть ее теперь же. Вѣдь, она здѣсь въ Москвѣ. Она не будетъ знать, но я буду время отъ времени видѣть ее и ждать того момента, когда наши дороги встрѣтятся. Я чувствую, что люблю ее и буду любить всегда. Но какъ она могла согласиться выйти замужъ за Минскаго? Это моя вина. Она навѣрное думала, что я не пріѣзжаю потому, что у меня есть что-нибудь другое. Но теперь все это будетъ иначе.

Къ Осокину подходитъ его пріятель Соколовъ. Соколовъ моложе Осокина и классомъ ниже. Но почему-то только съ нимъ однимъ Осокинъ можетъ разговаривать.

— О чемъ мечтаешь, Осокинъ?

— Соколовъ, ты знаешь, что ты будешь адвокатомъ,— говоритъ Осокинъ.

— Ну, вотъ еще глупости, я пойду въ институтъ путей сообщенія.

— Ничего подобнаго, ты пойдешь на юридическій. А вотъ, кѣмъ я буду, отгадай.

— Если будешь проводить время такъ же, какъ сегодня, бить Роберта по физіономіи подушкой и получать не менѣе одного кола въ день, то, навѣрное, будешь хитровцемъ или какимъ-нибудь мазурикомъ. Ну, можетъ быть, я тебя по знакомству стрѣлочникомъ устрою.

— Посмотримъ, говоритъ Осокинъ.

— Да тутъ и смотрѣть нечего. Ясно, какъ день, что гимназіи ты не кончишь.

— Почему ты такъ увѣренно говоришь.

— Да потому, что ты ничего не дѣлаешь.

— Скучно очень, говоритъ Осокинъ.—Но все-таки я рѣ-

шилъ заниматься. Ни за что на свѣтѣ на второй годъ не останусь.

Соколовъ смѣется.

— Который разъ я это слышу? Вотъ уже два мѣсяцата собираешься начать заниматься. А ну, скажи, что задано по-гречески.

— Зубрила, говорить, смѣясь, Осокинъ.—А ты знаешь, что у тебя будетъ рыжая борода.

— Ну, вотъ еще ври больше. Откуда у меня будетъ рыжая борода, у меня волосы совсѣмъ черные.

— Да, рыжая борода—и ты будешь адвокатомъ, я это во снѣ видѣлъ.

— Пойдемъ внизъ, говорить Соколовъ.

Они оба уходятъ.

Черезъ нѣсколько дней. Вечерняя репетиція въ гимназін. Ряды партъ. За открытой дверью—младшая репетиція. Горятъ лампы. Гимназисты готовятъ уроки. Осокинъ, желая начать заниматься, составилъ себѣ программу и повторяетъ латинскую грамматику. Прочитавъ страницу, онъ закрываетъ книгу и, смотря передъ собой, повторяетъ:

- Cupio, desidero, opto, volo, appeto... Чортъ, что значить appeto?

Онъ смотритъ въ книгу.

— Ахъ да... Ну, такъ вотъ—*volo, nolo, appeto, posco, postulo, impetro, adipiscor, imperior, prestolor*... Prestolor—опять забылъ.

Онъ смотритъ въ книгу, потомъ зѣваетъ и отводитъ взглядъ въ сторону.

— Дьявольски скучно. Да, теперь я понимаю, почему тогда я не могъ учиться. Вѣдь, выдумаютъ же такую глупость, зубрить голую грамматику. А, вѣдь, ту же латынь можно было бы сдѣлать очень интересной. Идіоты! И сейчасъ мнѣ это еще въ десять разъ скучнѣе, потому что я больше понимаю, какъ это глупо. Да, можно сказать, попалъ я въ передѣлку. Но, тѣмъ не менѣе, это нужно преодолѣть. Какое свинство, что теперь я три недѣли безъ отпуска. Какъ интересно будетъ посмотреть Москву. Но вотъ о чемъ я совсѣмъ не подумалъ, это—какая тоска и скука здѣсь. Я, кажется, ничего не могу дѣлать. И что хуже всего, тогда была совершенно такая же тоска и такая же скука.

Въ младшей репетиціи, гдѣ сидитъ воспитатель, начинается шумъ, встаютъ. Репетиція кончилась. Къ Осокину подходятъ два его товарища—Телеховъ и полякъ Браховскій.

— Приготовилъ уроки? спрашиваетъ, смѣясь, Браховскій.

— Приготовилъ.

— Врешь. Сейчасъ на тебя полчаса смотрѣлъ. Не понимаю даже, что ты дѣлаешь. Ну, читалъ бы что-нибудь, понимаю. А то смотреть въ книгу, урока не учить, это видно, страницъ не поворачиваетъ, уткнулся въ одну точку и сидитъ.

Осокинъ съ недоумѣніемъ смотритъ на Браховскаго и въ умѣ у него поднимается цѣлый новый вихрь мыслей. Что дальше говоритъ Браховскій, онъ не слышитъ.

— Я помню совершенно ясно, говоритъ себѣ мысленно Осокинъ,—какъ мы стояли здѣсь же и такъ же, и Браховскій говорилъ тоже самое, что не можетъ понять, какъ я сижу и смотрю въ книгу. Какъ легко, значить, попадать въ старыя зарубки. Нѣтъ, это все должно идти по-другому.

Онъ опять останавливается.

— Боже мой, говоритъ онъ.—Мнѣ кажется, что и это я всегда повторялъ себѣ и всегда собирался начать все по-другому!

Еще черезъ нѣсколько дней. Ночь. Спальня въ гимназій. Осокинъ лежитъ на жесткой кровати подъ краснымъ одеяломъ. Слабый свѣтъ припущенной лампы изъ другого отдѣленія.

— Я ничего не понимаю, говоритъ себѣ Осокинъ.—Сейчасъ мнѣ все кажется сномъ, и то, и это. И одинаково и отъ того, и отъ другого я хотѣлъ бы проснуться. Я хотѣлъ бы очутиться гдѣ-нибудь на югѣ, чтобы было море, и солнце, и свобода. И чтобы ни о чемъ не думать, ничего не ждать, ничего не вспоминать. Но какъ это странно, волшебникъ сказалъ, что я буду все помнить, пока не захочу забыть. А я уже теперь хочу забыть... И мнѣ кажется, что за эти дни я много забылъ. Я не могу, мнѣ слишкомъ тяжело думать про Зинаиду. Можетъ быть это сонъ? Но вѣдь я же былъ тамъ. И тогда все то, что происходитъ сегодня, было прошлымъ. А сегодня—прошлое то, что было тогда. И меня больше всего удивляетъ, что я воспринимаю все это спокойно и даже не особенно удивляюсь, точно такъ и должно

быть. Можетъ быть, мы все необыкновенное воспринимаемъ такъ. Сколько не удивляйся, ничего не перемѣнится. И мы начинаемъ дѣлать видъ, что это совсѣмъ не кажется намъ удивительнымъ. Когда умерла бабушка, я думалъ — какая удивительная, необыкновенная вещь смерть. Но развѣ мы понимаемъ, что такое смерть? Я помню тогда на похоронахъ думалъ, что если бы вдругъ всѣ люди исчезли, и остался только одинъ человѣкъ, то одинъ день ему это казалось бы страшнымъ и удивительнымъ, а на другой день онъ уже думалъ бы, что, вѣроятно, такъ и должно быть...

Какъ странно очутиться опять въ гимназiи. Я помню эти дыханiя, точно маятники въ часовомъ магазинѣ. Помню что и тогда я часто не спалъ по ночамъ и также слушалъ. Что все это значить? Какъ бы я хотѣлъ понять, что это значить.

ГЛАВА IV.

Сонъ.

Осокинъ спитъ и во снѣ видитъ себя въ гимназiи. Послѣ уроковъ въ свободное время, когда они съ Соколовымъ ходятъ по гимнастическому залу и о чемъ-то разговариваютъ, его вдругъ зовутъ въ прiемную.

Иногда мать заѣзжаетъ къ нему въ это время. И онъ идетъ по лѣстницѣ и потомъ по длиннымъ корридорамъ, не ожидая ничего особеннаго.

Но въ прiемной онъ видитъ совершенно незнакомую и очень нарядно одѣтую молодую даму или барышню и сконфуженно останавливается, сразу необыкновенно сильно ощущая свою замазанную чернилами парусиновую блузу и торчащiе вихры на затылкѣ и вообще весь «пансионерскiй» видъ.

Очевидно, его вызвали по ошибкѣ вмѣсто кого-нибудь другого. Но эта барышня смотритъ на него, смѣется и протягиваетъ ему маленькую ручку въ желтой замшевой перчаткѣ.

Боже мой, какой ты большой сталъ, говоритъ она. А что же ты меня не узнаешь?

Осокинъ смотритъ на нее, и не знаетъ, что сказать. Она очень хорошо одѣта, и очень хорошенькая съ большими живыми глазами. И онъ чувствуетъ себя еще болѣе неловко, потому что ему хочется сказать что-нибудь прiятное ей, а онъ можетъ голову отдать на отсѣченіе, что видитъ ее первый разъ въ жизни. И почему-то ему кажется, что она смѣется надъ нимъ, говоря, что онъ сталъ большой. Почему, зачѣмъ, онъ не понимаетъ.

Ну, неужели ты меня не узнаешь? звонкимъ дѣвичьимъ и необыкновенно пріятнымъ голосомъ говоритъ она. Подумай, ты вспомнишь.

Она смотритъ на него и смѣется.

И на одно мгновеніе, быстрѣ самой быстрой мысли у Осокина мелькаетъ въ сознаніи какое-то воспоминаніе. Да, онъ ее знаетъ! Какъ онъ этого не почувствовалъ сразу? Но когда онъ могъ ее знать?

Осокинъ быстро перебираетъ въ памяти всю свою жизнь до того момента, когда онъ пришелъ къ волшебнику; и онъ положительно можетъ сказать, что въ той жизни ея не было.

— Ахъ, какой ты смѣшной, говоритъ она, такъ-таки со-всѣмъ и забылъ меня. А помнишь меня въ Звенигородѣ? Я была дѣвочкой старше тебя, еще у меня была красная лента въ косѣ. Помнишь, какъ на мельницу ѣздили, а потомъ разъ ходили Жучку искать, ее тарантасъ задавилъ.

Осокинъ помнитъ Звенигородъ, когда онъ былъ еще со-всѣмъ маленькимъ, помнитъ мельницу въ лѣсу и запахъ муки, и запахъ дегтя около парома, и монастырь, и лѣсъ на горѣ, и Жучку, которую переѣхалъ тарантасъ... Но ея тамъ не было. Въ этомъ онъ совершенно твердо увѣренъ. И онъ понимаетъ, что она смѣется надъ нимъ. Но зачѣмъ? И кто она? И почему она знаетъ и про Звенигородъ, и про Жучку?

Онъ молчитъ, а она продолжаетъ смѣяться своимъ заразительнымъ смѣхомъ, беретъ его за руку и сажаетъ рядомъ съ собой. Отъ нея пахнутъ духами, тонкій, но одурманиваю-щій запахъ. И эти духи сразу необыкновенно много гово-рятъ ему. Да, конечно, онъ ее знаетъ.

Но когда и гдѣ онъ ее видѣлъ?

— Что же ты молчишь, говоритъ она. Скажи что-нибудь. Что же, ты радъ меня видѣть?

— Радъ, говоритъ Осокинъ, мучительно краснѣя, и не находя въ себѣ силы перестать быть гимназистомъ.

— Почему же ты радъ?

— Потому что я васъ люблю, самъ не зная, откуда на-бирался храбрости, говоритъ Осокинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сго-рая отъ мучительнаго стыда, что онъ мальчишка, а она со-всѣмъ взрослая барышня.

Она смѣется теперь уже вслухъ, и ея глаза смѣются, и ямочка на щекѣ смѣется.

— Съ которыхъ уже поръ ты полюбилъ меня? спрашиваетъ она.

— Я всегда васъ любилъ, говоритъ Осокинъ, — еще тогда въ Звенигородѣ, — прибавляетъ онъ, хотя знаетъ, что ея въ Звенигородѣ не было. Но эта ложь почему-то нужна.

Она быстро взглядываетъ на него и между ними устанавливается какое-то пониманіе, точно они условились о чемъ-то.

— Ну, хорошо, говоритъ она, — а что же мы теперь будемъ дѣлать? Я пріѣхала сюда, потому что я тебя нигдѣ не могла найти.

И Осокинъ понимаетъ, что она искала его тамъ, въ той жизни. И понимаетъ, что объ этомъ почему-то не нужно говорить яснѣе.

— Что же, ты такъ здѣсь и останешься? спрашиваетъ она.

— Нѣтъ, говоритъ Осокинъ, опять неожиданно для себя, конечно, нѣтъ. Мы убѣжимъ, т.-е. я убѣгу. Мы сойдемъ внизъ вмѣстѣ, и пока вы будете одѣваться въ швейцарской, я надѣну чье-нибудь пальто и выйду на под'ѣздъ. Потомъ мы возьмемъ извозчика и уѣдемъ.

— Ну пойдешь, говоритъ она, точно между ней и Осокинымъ уже заранѣе давно все условлено и рѣшено. Осокинъ одновременно и понимаетъ что-то и не понимаетъ, и все его существо наполняетъ вихрь какихъ-то новыхъ ожиданій. Такъ удивительно пріятно чувствовать сразу цѣлый вихрь неожиданностей и перемѣнъ. И дальше что-то новое, еще небывалое, искрящееся и переливающееся всѣми цвѣтами.

Они выходятъ на лѣстницу и идутъ внизъ. Но лѣстница длинная, темная, совсѣмъ не та, которая ведетъ въ швейцарскую.

— Мы попали не на ту лѣстницу, говоритъ Осокинъ.

— Все равно, тихо шепчетъ она, — здѣсь мы прямо выйдемъ. И въ темнотѣ она обвиваетъ его шею руками и, тихо смѣясь, прижимаетъ къ себѣ его голову.

Осокинъ чувствуетъ ея руки, ощущаетъ лицомъ прикосновеніе шелка и мѣха, запахъ духовъ, мягкое, нѣжное, теплое касаніе женщины... Его руки нерѣшительно обнимаютъ ее. Онъ ощущаетъ подъ платьемъ и корсетомъ мягкую, но упругую грудь. Все его тѣло охватываетъ мучительно-сладкая

дрожь. Его губы прижимаются къ ся щекѣ, и онъ слышитъ, какъ она быстро, быстро дышитъ и находитъ своими губами его губы. „Неужели, неужели это правда?“ говоритъ кто-то внутри Осокина. — „Ну да, да, отвѣчаетъ другой“. Его всего наполняетъ безумная радость. И ему кажется, что они отдѣляются отъ земли и летятъ.

Въ это время наверху лѣстницы вдругъ начинается звонить рѣзкій, непріятный звонокъ и раздаются голоса. Сразу что-то мучительно хватаетъ за сердце Осокина. — Сейчасъ она исчезнетъ.

— Мы опоздали, говоритъ она, вырываясь изъ рукъ Осокина.

Да, Осокинъ и самъ чувствуетъ, что все пропало, что отъ него уходитъ что-то бесконечно-прекрасное, радостное, свѣтлое...

— Милый, слушай, я бѣгу, а то будетъ поздно. Но я приду опять, жди меня, слышишь, не забывай.

Она еще что-то говоритъ, быстро сбѣгая внизъ по лѣстницѣ, но Осокинъ не слышитъ ее, потому что звонокъ звонитъ все ближе и ближе и заглушаетъ ея голосъ.

И ея уже не видно. Осокинъ хочетъ броситься за ней, дѣлаетъ усиліе разсмотрѣть, куда она пошла, и открываетъ глаза.

Совсѣмъ близко отъ его кровати проходить «Лягушка», съ сосредоточеннымъ видомъ звоня въ большой колокольчикъ.

Утро.

Нѣсколько секундъ Осокинъ не можетъ притти въ себя, полный радостнаго волненія отъ этого поцѣлуя и острой тоски, что это исчезло, и все-таки радости, что это было.

То, что онъ испыталъ, такъ не вяжется съ этой спальней, съ крикомъ мальчишекъ, съ рѣзкимъ свѣтомъ керосиновыхъ лампъ. Онъ еще совершенно ясно чувствуетъ запахъ духовъ и прикосновеніе рукъ, обвившихъ его шею, и мягкіе волосы, которые коснулись его щеки...

Все это еще настоящее. Сердце быстро, быстро бьется. Все тѣло точно ожило и въ какомъ-то радостномъ изумленіи ощущаетъ само себя.

— Кто же это? проносится, наконецъ, въ головѣ Осокина

первая сознательная мысль.—Она сказала, что придет. Но когда? Почему я не разспышалъ, что она мнѣ еще говорила? Какъ-же теперь быть?

Ему дѣдается безумно жалко своего сна. Ему кажется, что онъ еще могъ бы догнать ее, спросить, кто же она, откуда, что значить вся загадка.

И если дѣйствительность то, тогда все, что происходитъ кругомъ, кажется такимъ ненужнымъ, безсмысленнымъ, рѣжущимъ нервы. Такъ ужасно, что начинается день и что нужно жить! Но въ то же время хорошо, что это было, хотя-бы даже во снѣ. Значить, это можетъ быть! Теперь въ дали блестятъ какіе-то золотые лучи, точно восходитъ солнце.

— Но кто она и откуда? опять спрашиваетъ онъ себя.—Я не знаю ея лица и въ то же время знаю. И она сказала, чтобы я ее помнилъ и не забывалъ.—Но я не знаю ее.— Или знаю?

Весь день Осокинъ ходитъ, какъ въ туманѣ, подъ впечатлѣніемъ своего сна. Ему хочется и удержать все въ памяти, и— снова и снова переживать этотъ сонъ; и понять, кто же была незнакомка. Но сонъ слабѣетъ, блѣднѣетъ, уходитъ, хотя въ то же время отъ него что-то осталось.

Уже среди дня, возвращаясь мысленно къ сну и сравнивая его впечатлѣніе съ впечатлѣніями жизни, Осокинъ вдругъ съ изумленіемъ чувствуетъ, что образъ Зинаиды поблѣднѣлъ и поблекъ, и онъ можетъ теперь вспоминать ее безъ всякой боли. Вчера еще это было иначе, и одна мысль о Зинаидѣ вызывала жгучую боль. И, когда онъ сознаетъ это, на одну тысячную долю секунды въ его умѣ мелькаетъ— не воспоминаніе, а какая-то тѣнь воспоминанія о дѣвчонкѣ-подросткѣ съ красной лентой въ темной косѣ, которой онъ рассказываетъ про Звенигородъ.

— Такъ вотъ она откуда это взяла, говоритъ онъ себѣ. Но въ то же мгновеніе онъ уже чувствуетъ, что онъ опять все забылъ. Остается только сознаніе, что это было тогда, когда все, что касается Зинаиды, уже стало ему безразлично. Можетъ быть, это тоже былъ сонъ.

Но его мысль опять ловить какую-то нить.

— Ну, ну, говоритъ онъ себѣ, боясь дышать.— Что же

то значить? Неужели это было послѣ? Послѣ чего же?

И неожиданно для него, его умъ дѣлаетъ заключеніе.

— Это не было, но будетъ, когда я не пойду къ волшебнику, а останусь жить.

Онъ еще плохо понимаетъ этотъ выводъ. Но все его существо наполняется благодарностью къ ней за то, что она пришла.

Сдѣлавъ послѣднее усиліе, умъ отказывается понимать дальше. И Осокинъ чувствуетъ, что теперь сонъ быстро блѣднѣетъ и уходитъ и скоро отъ него не останется почти ничего.

Но до самаго вечера онъ все возвращается и возвращается мыслью къ сну. И мгновеніями что-то понимаетъ.

— Нѣтъ существенной разницы между прошедшимъ и будущимъ, говоритъ онъ себѣ. Мы только называемъ ихъ разными словами: было и будетъ. На самомъ дѣлѣ это все одинаково было и одинаково будетъ. Только то, что было, мы вспоминаемъ наяву, а то, что будетъ, мы вспоминаемъ во снѣ.

«То, что будетъ, мы вспоминаемъ во снѣ», эта фраза остается у него въ памяти.

И весь день—гимназія и все окружающее—совершенно нереальны, какъ какія-то прозрачныя тѣни. И мгновеніями Осокину кажется, что если онъ достаточно глубоко задумается и потомъ оглянется, то кругомъ будетъ все другое—и, можетъ быть, продолженіе сна.

ГЛАВА V.

Гимназистъ.

Черезъ три недѣли. Воскресенье. Осокинъ, гимназистъ, идетъ по улицѣ. На углу одного переулка онъ останавливается и смотритъ кругомъ.

— Ну, конечно, говоритъ онъ,—все старыя дома, все, какъ было. А сколько переменъ произошло за одиннадцать лѣтъ. Въмѣсто этихъ трехъ маленькихъ домовъ выстроили одинъ большой. Тотъ заборъ совсѣмъ исчезъ. Ну, ладно. Будемъ искать. Новаго дома Крутицкихъ еще нѣтъ. Но они живутъ гдѣ-нибудь здѣсь. Ахъ, если бы мнѣ увидать ее! Но смѣшно, что я могу сдѣлать, если даже и увижу. Я—гимназистъ,—она дѣвочка. И комичнѣе всего то, что тогда я тоже бродилъ по московскимъ улицамъ и переулкамъ и тоже мнѣ казалось, что я долженъ кого-то встрѣтить, кого-то найти. Но не нужно заранѣе отчаиваться. Если я только увижу ее, и то уже хорошо. А вотъ, что непремѣнно нужно сдѣлать, это—найти ея брата и ухитриться познакомиться и подружиться съ нимъ. Онъ долженъ быть въ корпусѣ, только не знаю, въ которомъ. Кажется, онъ говорилъ, что учился въ корпусѣ въ Москвѣ. Совершенно изъ головы вылетѣло. А я помню, что онъ много рассказывалъ про корпусъ. Какъ я много сталъ забывать. Да, конечно, я долженъ найти его. Иначе мы съ нимъ совсѣмъ не встрѣтимся. Надѣюсь, что на этотъ разъ я кончу гимназію и не буду юнкеромъ. И кромѣ того, когда мы были въ юнкерскомъ, Зинаида была уже за границей. Теперь мы непремѣнно должны встрѣтиться раньше.

— Ахъ, какъ это все странно. Иногда мнѣ кажется, что моя прежняя жизнь, и волшебникъ, и Зинаида—все это то

же самое, что путешествія въ Океаниду. Ну, хорошо, посмотримъ.

Онъ останавливается у одного дома и читаетъ доску у воротъ.

— Вотъ ихъ домъ. Что же дальше.

Онъ заглядываетъ внутрь двора.

— Вотъ крыльцо, вѣроятно, они тамъ живутъ.

По двору идетъ дворникъ. Осокинъ отходитъ и идетъ дальше по переулку.

— Буду ходить здѣсь, говорить онъ себѣ.—Можетъ быть, кто-нибудь выйдетъ. Вотъ хорошо было бы, если бы вышелъ Мишка Крутицкій. Я сейчасъ бы съ нимъ заговорилъ. Кажется, только въ третьемъ корпусѣ я никого не знаю. И въ первомъ, и во второмъ, и въ четвертомъ у меня есть знакомые. Ну, во всякомъ случаѣ, можно спросить, есть ли у васъ такой-то, или такой-то. А тамъ уже пойдегъ. Позвалъ бы его на катокъ, на Чистые Пруды. Потомъ онъ могъ бы къ себѣ позвать. Онъ славный, Мишка. Такъ я и сдѣлаю. Не сегодня, другой разъ. Но я добьюсь своего.

Осокинъ идетъ назадъ по переулку. Его обгоняетъ извозчикъ и останавливается у воротъ дома Крутицкихъ. Изъ саней вылѣзаютъ дама въ ротондѣ и дѣвочка.

Пока дама расплачивается съ извозчикомъ, Осокинъ проходитъ мимо и смотритъ на дѣвочку.

— Она или не она? Нѣтъ, кажется, не она. Я узналъ бы ее. Но, можетъ быть, и она. Во всякомъ случаѣ похожа. Онъ оборачивается еще разъ.

Дама замѣчаетъ его и удивленно смотритъ на него. Осокинъ краснѣетъ и идетъ быстрѣе, больше не оборачиваясь.

Чортъ, какъ глупо! Гимназистъ, который заглядывается на дѣвчонку. Это совсѣмъ и не она. Но что это за удивленно-вопросительный взглядъ у этой дамы? Какъ это нелѣпо, люди всегда объясняютъ все по-своему. Ну, развѣ она могла знать, зачѣмъ я обертываюсь? Глупо! Но интересно, кто это былъ. Жалко, я не разсмотрѣлъ этой дамы. Можетъ быть, это ея мать. Только, кажется, нѣтъ.

Онъ останавливается на углу переулка.

— Ну, что же дальше? Пока что, я веду себя, какъ самый обыкновенный гимназистъ. И ничего лучше не могу придумать. Ходить взадъ и впередъ по переулку тоже глупо,

да и холодно. И потомъ, тоже не хорошо, если меня замѣ-
тятъ. Будутъ потомъ говорить: «мы видѣли васъ, вы всегда
по нашему переулку ходили, зачѣмъ?» Нѣтъ, теперь пойду.
Все-таки я знаю теперь, гдѣ они живутъ. Нужно спросить у
кадетовъ про Мишку.

Онъ поворачиваетъ за уголъ.

ГЛАВА VI.

Мать.

Дома. Воскресенье. Вечеръ. Осокинъ со своей матерью сидятъ у чайнаго стола. Она читаетъ, онъ сидитъ, смотритъ на нее и думаетъ, что она скоро можетъ умереть. Передъ нимъ совершенно ясно вырисовываются картины ея похоронъ въ морозный солнечный день. Ему холодно и жутко на душѣ отъ этихъ мыслей и страшно за нее, и безумно жалко ее.

Мать Осокина кладетъ книгу и поднимаетъ на него глаза.

— Ты приготовилъ уроки, Ваня?

Этотъ вопросъ застигаетъ Осокина врасплохъ. Объ урокахъ онъ совсѣмъ забылъ, всѣ его мысли были такъ далеко отъ этого настоящаго. И теперь вопросъ матери кажется ему скучнымъ, мелкимъ и раздражаетъ его.

— Ахъ, мама! говорить онъ, ты все про эти уроки. Успѣю еще. Я думалъ совсѣмъ о другомъ.

Она улыбается.

— Это я знаю, что ты думалъ о другомъ. А только тебѣ самому же будетъ завтра неприятно итти въ гимназію съ невыученными уроками. А если будешь сидѣть ночью, совсѣмъ не проснешься утромъ.

Осокинъ чувствуетъ, что она права. Но ему жалко оставлять свои печальныя мысли, въ нихъ есть что-то затягивающее. А слова матери говорятъ о земномъ, объ обыкновенномъ, о будничномъ. А, кромѣ того, ему просто хочется забыть, что онъ гимназистъ, что есть какіе-то учебники, уроки, гимназія. Ему хотѣлось бы, чтобы мать поняла его

мысли, поняла, какъ ему жалко ее, какъ онъ любить ее какъ ему странно теперь, что онъ могъ когда-то примириться съ ея смертью. Онъ чувствуетъ, что рассказать ей ничего не можетъ, все это слишкомъ фантастично, даже ему самому кажется похожимъ на его обычные сны на яву. Въ самомъ дѣлѣ, какъ рассказать про волшебника, про свою прежнюю жизнь, изъ которой онъ вернулся? Какъ передать ей, почему одинъ видъ ее вызываетъ въ немъ такую безумную жалость и боль? Ему хочется найти какую-нибудь форму, въ которой можно было бы это рассказать хотя бы и не прямо.

Но слова матери мѣшаютъ ему думать объ этомъ, заставляютъ думать о томъ, о чемъ онъ не хочетъ.

— Ахъ, мама! говоритъ онъ, ты все про это. Ну не буду знать уроковъ; ну, не пойду въ гимназію. Стоить объ этомъ говорить.

Онъ раздражается и начинаетъ терять ощущение другой жизни, изъ которой смотрѣлъ на эту. Сказать что-нибудь матери о томъ, что его волнуетъ, дѣлается еще труднѣе, и въ немъ вспыхиваетъ раздраженіе противъ нея и хочется сказать что-нибудь непріятное, хотя въ то же время ему до боли жалко ее.

— Я завтра не пойду въ гимназію, говоритъ онъ.

— Почему? удивленно и испуганно говоритъ мать.

— Такъ, я не знаю, у меня голова болитъ, говоритъ онъ готовую гимназическую фразу. Я хочу просто побыть дома и подумать. Я не могу такъ долго быть среди идіотовъ. Если бы не было этого дурацкаго оставленія безъ отпуска, я бы не сталъ оставаться дома, а такъ я не могу. Посадятъ опять на двѣ или на три недѣли...

— Какъ хочешь, говоритъ мать, только смотри, ты себя совсѣмъ испортишь тамъ отношенія. Если теперь ты не придешь изъ отпуска, они примутъ это, какъ вызовъ съ твоей стороны. Но дѣлай, какъ самъ хочешь. Ты знаешь, я въ твои дѣла не вмѣшиваюсь.

Осокинъ чувствуетъ, что мать права, и это еще больше злитъ его. Вся эта реальная правда жизни и необходимость думать о ней отвлекаютъ его отъ его печали, отъ странныхъ ощущеній двухъ жизней, отъ волнующихъ воспоминаній про-

плѣго и будущаго. Ему не хочется думать о настоящемъ, хочется убѣжать отъ него.

— Я не пойду завтра, теперь уже изъ упрямства говоритъ онъ, хотя чувствуетъ въ душѣ, что это очень неприятно матери — и понимаетъ, что это идетъ въ разрѣзъ со всѣми его собственными рѣшеніями по новому строить жизнь.

— Ну, послѣдній разъ, говоритъ онъ себѣ. Завтра я все обдумаю, мнѣ надо побыть день дома. Гимназія никуда не уйдетъ. Потомъ я начну заниматься.

Ему хочется вернуться къ своимъ мыслямъ.

— Знаешь, мама, говоритъ онъ, мнѣ кажется, что я уже жилъ на землѣ. И ты была такая же, и я такой же, и потомъ было много всего другого. Мнѣ часто кажется, что я могу все вспомнить и рассказать тебѣ.

— И ты такъ же не любишь меня и старался мнѣ всегда сдѣлать неприятное, говоритъ мать.

Осокинъ сначала даже не понимаетъ ее и удивленно смотритъ на нее, до такой степени ея слова не гармонируютъ съ тѣмъ, что онъ чувствуетъ. Потомъ онъ догадывается, что она обижена на него за то, что онъ не готовитъ уроковъ и не хочетъ идти въ гимназію. Ему и странно и скучно возражать. Онъ чувствуетъ, что мать сейчасъ вся въ этой жизни, и онъ не знаетъ, какъ передать ей ощущение другой. Ему дѣлается еще болѣе грустно и тяжело отъ того, что она не можетъ его понять.

— Ты все про это, мама, говоритъ онъ. Ну хочешь, я пойду въ гимназію.

Онъ говоритъ это нехотя и въ душѣ знаетъ, что не пойдетъ. Мысль — не пойти въ гимназію всегда имѣетъ такую силу, что стоитъ ее одинъ разъ допустить, и она уже побѣждаетъ все остальное.

— Конечно, хочу, говоритъ она. Ты знаешь, какъ мнѣ неприятно, когда ты остаешься дома и портишь себѣ отношенія въ гимназіи. Инспекторъ и такъ уже говорилъ мнѣ, что тебя еле терпятъ тамъ.

— Они вызывали тебя?

— Ну да, конечно.

Осокинъ молчитъ, не зная, что отвѣтить. Все говоритъ за то, что завтра нужно пойти въ гимназію, а между тѣмъ,

ему очень не хочется этого, и онъ уже знаетъ, что не пойдетъ. Нѣкоторое время онъ старается подыскать какое-нибудь основаніе и оправданіе. Но ему непріятно и скучно думать объ этомъ. Его волнуютъ тѣ, другія, его собственныя мысли. — Неужели онъ никакъ не передастъ ихъ матери? Такъ нужно, такъ важно, чтобы она поняла!

Осокинъ сидитъ и смотритъ на мать, и у него въ душѣ идетъ борьба самыхъ противоположныхъ настроеній.

Онъ улавливаетъ ея тревогу и заботу, и рядомъ съ этимъ блѣднѣютъ и кажутся почти сочиненными всѣ воспоминанія о его жизни, до того момента, когда онъ пришелъ къ волшебнику. Жизнь за границей, Зинаида, сѣрый домъ, гдѣ онъ жилъ на Арбатѣ, все это теперь кажется сномъ. Главное, онъ не хочетъ вѣрить, что мать умерла, и что онъ помнить ея похороны. Здѣсь, въ этой комнатѣ, въ ея присутствіи, это кажется какимъ-то большимъ кошмаромъ.

И онъ старается не думать о томъ, что было, старается забыть. Въ душѣ онъ знаетъ, что все то дѣйствительно было, но онъ не можетъ все время думать объ этомъ, потому что тогда дѣлается черезчуръ невыносимой эта жизнь. Три недѣли жизни въ гимназіи положили какой-то пробѣлъ между нимъ и Осокинымъ, который пришелъ къ волшебнику. И тотъ же пробѣлъ лежитъ теперь между нимъ и Зинаидой.

Мысль его ходить по кругу, все время останавливаясь на нѣкоторыхъ особенно больныхъ пунктахъ.

— Я не вѣрю, чтобы мама могла умереть такъ скоро, думаетъ онъ, смотря на мать. Она еще совсѣмъ молодая. Даже, если это было тогда, почему это должно непременно повториться теперь. Вѣдь теперь все должно быть иначе. Если я вернулся назадъ, я вернулся именно для этого. Конечно, есть вещи, которыя не зависятъ отъ меня. Но, можетъ быть, измѣняя свою жизнь, я этимъ измѣню и ея жизнь. И, наконецъ, развѣ всѣ огорченія и волненія, которыя у нея тогда были, не могли сыграть роли. Вѣдь она умерла отъ сердца. Теперь этого не будетъ.

Ему ужасно хочется сказать матери, что онъ будетъ другимъ, будетъ работать, измѣнить всю свою жизнь для нея, для того, чтобы она могла жить. Онъ самъ хочетъ вѣрить, что это возможно, что это такъ будетъ, и онъ стремится

найти какой-нибудь способъ передать ей эту увѣренность.

Но онъ не можетъ найти словъ, попрежнему не знаетъ, какъ подойти къ этому. И его мучаетъ эта бездна непониманія, которая должна оставаться между нимъ и матерью, и которой нѣтъ возможности перейти.

И послѣ матери его мысль опять идетъ къ Зинаидѣ. Теперь онъ думаетъ о ней уже безъ горечи. Извѣстіе о томъ, что она выходитъ замужъ за Минскаго, какъ-то поблѣднѣло или превратилось только въ угрозу. Остается одно хорошее, ихъ встрѣча, катанья на лодкѣ, разговоры, вечера, которые они просиживали вдвоемъ, мечты. — Все это будетъ опять и будетъ еще лучше, безъ тѣхъ темныхъ пятенъ, которыя этотъ разъ мѣшали ему. Онъ будетъ готовъ къ ихъ новой встрѣчѣ, не будетъ въ такомъ безпомощномъ положеніи, не потеряетъ ее. И мать будетъ жива. Она непремѣнно должна видѣть Зинаиду. Онъ чувствуетъ, что онѣ поправятся другъ другу. — Эта мысль особенно волнуетъ Осокина. Онъ совершенно ясно видитъ картину, какъ съ Зинаидой, она — его невѣста, онъ прѣзжаетъ сюда къ матери. Онъ чувствуетъ легкое напряженіе этой первой встрѣчи, натянутость первыхъ минутъ, которая потомъ проходитъ и замѣняется наоборотъ такимъ открытымъ довѣрчивымъ разговоромъ.

— Какая прелесть твоя мама! говорить Зинаида, оглядываясь на него и улыбаясь, когда онъ провожаетъ ее домой.

— Я же говорилъ тебѣ, отвѣчаетъ онъ, тихонько пожимая ея руку, которая нѣжно, чуть-слышно отвѣчаетъ ему. Теперь они уже на ты.

И эти мечты уносятъ Осокина все дальше и дальше отъ дѣйствительности.

Такъ проходить вечеръ.

Матери Осокинъ кажется нездорово-задумчивымъ, молчаливымъ, скрытнымъ и ушедшимъ въ себя. Онъ отвѣчаетъ ей полусловами, часто не слушаетъ ее, о чемъ-то думаетъ все время. И она чувствуетъ себя съ нимъ тяжело и грустно и боится за него.

ГЛАВА VII.

Понедѣльникъ.

Утро. Горничная будить Осокина въ половинѣ восьмого. Онъ просыпается съ непріятнымъ чувствомъ, что что-то нужно рѣшать.

— Итти или не итти въ гимназію? — Вчера онъ даже не раскрывалъ книгъ. Невозможно же итти съ неприготовленными уроками! Лучше остаться дома на день, на два. Въ глубинѣ души онъ вчера съ утра рѣшилъ, что сегодня не пойдетъ. Но нужно найти какое-нибудь основаніе. Какъ досадно, что онъ сказалъ матери, что пойдетъ.

Вмѣсто того, чтобы вставать, онъ долго лежитъ въ постели, положивъ около подушки часы и слѣдя за стрѣлкой. Горничная входитъ нѣсколько разъ и старается поднять его. Наконецъ — половина девятого, когда нужно уже быть въ гимназіи. Осокинъ встаетъ. Ему досадно на себя за то, что онъ остался, и въ то же время онъ чувствуетъ, что ни за что не могъ бы пойти. Ему хочется думать сегодня о чемъ-нибудь пріятномъ. Все непріятное, тяжелое, скучное откладывается на послѣзавтра. Сегодня онъ будетъ лежать на диванѣ, читать, думать... Но въ то же время что-то точно сосетъ его изнутри, и онъ не можетъ побѣдить укоровъ совѣсти и какой-то неловкости передъ самимъ собой.

— Ну что же, это очень скверно, говоритъ онъ себѣ. Если я, дѣйствительно, вернулся сюда, чтобы все измѣнить то почему же я дѣлаю все по старому? Нѣтъ, я долженъ твердо рѣшить, съ какого времени и какъ все должно измѣниться. Въ концѣ концовъ это даже хорошо, что я остался дома. По крайней мѣрѣ я все обдумаю. Но почему какъ-то

скверно на душѣ? Разъ ужъ сдѣлалъ, нужно по крайней мѣрѣ быть веселымъ. А то и пойти было бы скверно, и оставаться скверно.

Въ этотъ моментъ онъ понимаетъ, что ему тяжело думать о томъ, какъ онъ сейчасъ увидить мать. Она ничего не скажетъ, это хуже всего. Лучше бы они поговорили, разобрали все это. Можетъ быть тогда, въ разговорѣ, онъ нашелъ бы способъ дать ей понять все, что онъ знаетъ, о чемъ онъ думаетъ. Но будетъ совсѣмъ иначе, вотъ это и есть самое неприятное.

Осокинъ чувствуетъ и недовольство самимъ собой и отвращеніе ко всему на свѣтѣ.

— И глупѣ всего, говоритъ онъ, то, что я прекрасно помню теперь совершенно такое же утро, когда я не пошелъ въ гимназію. И я помню, что изъ этого вышли большія разговоры и въ концѣ концовъ положеніе въ гимназій сдѣлалось совершенно невыносимымъ. Нѣтъ, это все должно перемѣниться. Сегодня же начинаю заниматься. Пошлю въ гимназію, чтобы мнѣ написали уроки. А потомъ нужно поговорить съ мамой, я не могу жить въ пансіонѣ. Пускай она устроитъ, чтобы я былъ приходящимъ.

Его воображеніе живо рисуетъ ему картину, какъ онъ вечеромъ сидитъ съ матерью и готовитъ уроки. Ему дѣлается тепло на душѣ и пріятно. Въ этомъ настроеніи онъ выходитъ изъ комнаты.

Осокинъ пьетъ чай съ матерью. Она обижена и молчитъ. Ему досадно, что она не понимаетъ его рѣшенія серьезно начать заниматься и придаетъ значеніе тому, что онъ сегодня не пошелъ въ гимназію. Онъ тоже надувается и молчитъ. Мать, не говоря ни слова, выходитъ изъ столовой. Осокинъ чувствуетъ себя оскорбленнымъ. Ему такъ много хотѣлось сказать ей, а она всегда ставитъ какія-то перегородки. На душѣ у него не хорошо. Когда онъ думаетъ о гимназій, онъ чувствуетъ, что сегодняшнее отсутствіе ему даромъ не пройдетъ. Начинать дѣлать что-нибудь, читать или просто думать, тѣмъ болѣе заниматься уроками сейчасъ, совершенно не хочется.

Нѣкоторое время онъ стоитъ у окна и потомъ съ рѣшительнымъ видомъ направляется къ двери.

— Я пойду пройдуся немного, говорить онъ себѣ.— Потомъ приду и буду заниматься.

Ему кажется необыкновенно заманчивымъ видѣть теперь московскія улицы. Во-первыхъ, въ необычное время, въ будни, все кажется другимъ, а потомъ теперь всѣ даже хорошо знакомыя мѣста говорятъ о прошломъ, о томъ, что было когда-то раньше, всѣ полны какихъ-то странныхъ волнующихъ воспоминаній.

Осокинъ приходитъ домой къ завтраку.

— Приѣзжалъ изъ гимназіи учитель, говорить ему горничная, — съ барыней говорилъ. Очень сердился.

У Осокина падаетъ сердце.

— Какъ я могъ это забыть? говорить онъ себѣ.— Инспекторъ прислалъ воспитателя. Ну, конечно! И онъ даже не засталъ меня дома. Я помню, что это именно такъ было. Теперь пойдетъ исторія. Интересно, что мама сказала ему?

Входитъ его мать. У нея очень разстроенный видъ.

— Ваня, здѣсь былъ воспитатель изъ гимназіи, говорить она.— И я даже не знала, что тебя нѣтъ дома. И не гнала, что сказать ему. Придумывала что-то, говорила, что тебя всю ночь мучили зубы и что, вѣроятно, ты уѣхалъ къ зубному врачу. Но это все выходило очень нескладно. Онъ сказалъ, чтобы ты сейчасъ же, какъ приѣдешь домой, ѣхалъ въ гимназію и привезъ свидѣтельство отъ зубного врача. Иначе они во всякомъ случаѣ пошлютъ къ нему. Мнѣ это все такъ непріятно. Я не умѣю врать. Этотъ воспитатель совсѣмъ, какъ сыщикъ, допрашивалъ меня, когда ты легъ, когда ты всталъ, къ какому врачу поѣхалъ. Зачѣмъ ты меня ставишь въ такое положеніе? И что теперь ты будешь дѣлать?

Осокинъ чувствуетъ и жалость къ ней, и раскаяніе, и стыдъ, и больше всего ужасъ передъ тѣмъ, что все начинается итти совершенно такъ же, какъ было, точно медленно поворачивается колесо какой-то страшной машины; колесо, къ которому онъ привязанъ, котораго онъ не можетъ ни остановить, ни задержать. Да все это было!

Онъ воспоминаетъ мельчайшія детали, слова матери, выраженіе ея лица, замерзшія стекла въ окнѣ. И не знаетъ, что отвѣтить.

— Я хотѣлъ поговорить съ тобой мама, произносить онъ наконецъ, съ какимъ-то холодомъ въ душѣ сознавая, что онъ повторяетъ свои собственные прежнія слова. — Я больше не могу жить въ пансіонѣ. И сегодня я не пойду въ гимназію. Тебѣ придется поѣхать къ директору и поговорить съ нимъ. Пускай они сдѣлаютъ меня приходящимъ. Я три воскресенья сидѣлъ безъ отпуска и четыре недѣли не выходилъ на воздухъ. Воспитателямъ лѣнь ходить гулять съ пансіонерами, и они отговариваются дурной погодой. И каждый думаетъ только о себѣ, не понимаетъ, что всѣ дѣлаютъ то же самое. Скажи это директору. Это безобразіе. Я больше не могу этого выносить.

— Ахъ, Ваня, говоритъ мать, — конечно, я всегда хотѣла сама, чтобы ты жилъ дома. Но ты понимаешь, что вѣдь если я тебя возьму изъ пансіона, ты потеряешь право на казенное содержаніе. Назадъ уже нельзя поступить. А подумай, если я вдругъ умру, что ты будешь дѣлать? Я хотѣла бы, чтобы ты еще годъ или два побылъ въ пансіонѣ.

— Я не хочу думать, что ты можешь умереть, говоритъ Осокинъ. — И ты не можешь умереть. А въ пансіонѣ я больше не могу оставаться. Пускай лучше пропадаетъ это казенное содержаніе. Но я не могу.

Они долго говорятъ съ матерью, и потомъ она уѣзжаетъ. Осокинъ остается одинъ.

— Это ужасно, говоритъ онъ самъ съ собой. — Неужели волшебникъ правъ? Неужели я ничего не могу измѣнить? Пока все идетъ, какъ часы, точно заведенное. Даже страшно дѣлается. Но вѣдь этого же не можетъ быть! Вѣдь я же не гимназистъ на самомъ дѣлѣ. Вѣдь я же взрослый человѣкъ. Почему же я не могу справиться съ жизнью и съ дѣлами гимназиста? Это смѣшно. Нужно себя взять въ руки и заставить работать и думать о будущемъ. Пока это все даже къ лучшему. Я буду приходящимъ. Я знаю, что все устроится. Ну, а тогда будетъ легче. Буду читать, буду рисовать, буду писать. Нужно стараться ничего не забыть. Ну какъ мой англійскій. Какъ начинается эта сказка Стивенсона? — The King of Duntree had a daughter... Нѣтъ, не Duntree, а Duntrine. — The King of Duntrine had a daughter... Какъ дальше.

Онъ долго думаетъ.

— Не могу вспомнить. Но я вспомню, или нужно достать и прочитать. Ну какъ же все-таки... Нѣтъ, не помню. Странно! Тогда, три недѣли тому назадъ я всю сказку помнилъ, а теперь уже забылъ. Нужно читать по-англійски. Чтобы мама не удивилась, я скажу, что хочу учиться англійскому. Куплю себѣ какой-нибудь самоучитель и выучусь! Но, главное, нужно заниматься этой гимназической учебой. Я ни за что на свѣтѣ не хочу остаться на второй годъ. Если не останусь, это будетъ значить, что я кончу гимназію. Когда перейду въ пятый классъ, это будетъ для меня признакъ того, что я что-то началъ мѣнять къ лучшему. Я помню, что тогда я застрялъ въ четвертомъ классѣ...

ГЛАВА VIII.

Дѣйствительность и сказка.

Черезъ годъ. Гимнастическій залъ въ гимназіи, во время большой перемѣны. У окна стоятъ Осокинъ и Соколовъ. Осокинъ остался въ четвертомъ классѣ и Соколовъ догналъ его.

— Что у тебя опять съ нѣмцемъ вышло? спрашиваетъ Соколовъ, — я не понялъ.

— Да ничего особеннаго. Идіоты они всѣ. Я читалъ во время урока «Основы психологій» Спенсера. Онъ у меня вытащилъ книгу изъ стола и сказалъ, что не отдастъ. Книга изъ библіотеки, у меня залогъ пропадетъ. Я и сказалъ, что это свинство. Ну онъ, конечно, пошелъ и нафискалилъ директору, что я его свиньей называлъ. А у меня тройка изъ поведенія съ прошлаго года. Сегодня будетъ совѣтъ, и чортъ ихъ знаетъ, что они тамъ рѣшатъ.

— Могутъ выставить тебя.

— Очень легко. Ахъ, какъ мнѣ это надоѣло, прибавляетъ Осокинъ, — ты себѣ представить не можешь. И мальчишки эти надоѣли, и все. Не могу же я на самомъ дѣлѣ не читать ничего кромѣ учебниковъ?

Соколовъ пожимаетъ плечами.

— Читай, сколько хочешь, дома, говоритъ онъ. — Но вѣдь ты все тащишь въ гимназію. То у тебя полный столъ газетъ находятъ. Они, видите, политикой интересуются. То какія-то книги, которыя наши педагоги не знаютъ даже, съ какого конца начинать читать. Чортъ тебя знаетъ! Ты всѣмъ интересуешься кромѣ того, что нужно. Въ одно лѣто выучился англійскому. А по-гречески второй годъ выводная пара.

— Да, пойми же ты, что это скучно, говоритъ Осо-

кинъ.—Ну, зачѣмъ мнѣ греческій? Скажи, ну зачѣмъ? Если онъ мнѣ когда-нибудь понадобится, я выучусь. А теперь, зачѣмъ?

— А теперь зачѣмъ, чтобы кончить гимназію и поступить въ университетъ, говоритъ Соколовъ.—Ты все философствуешь, когда нужно брать вещи просто.

— А ты ужь слишкомъ благоразумень, — я буду ужасно радъ, когда ты наконецъ сорвешься.

— Не сорвусь.

— Ну, это мы еще посмотримъ! Осокинъ смѣется и смотритъ на Соколова. Ему часто смѣшно теперь, потому что онъ знаетъ, что будетъ.

Къ нимъ подходитъ надзиратель.

— Осокинъ, идите въ актовъ залъ, васъ директоръ зоветъ, говоритъ онъ.

— Ну попалъ, прощай, больше не увидимся, смѣется Соколовъ.

Осокинъ тоже смѣется, но очень нервно. Эти объясненія съ гимназическимъ начальствомъ всегда очень непріятны и за нимъ накопилось много грѣховъ.

Черезъ десять минутъ въ дверяхъ класса Осокинъ сталкивается съ Соколовымъ.

— Ну что, живъ?

— Живъ! Нѣмецъ съ носомъ. Меня сегодня до пяти послѣ уроковъ. И книгу обѣщалъ отдать. Ну, конечно, — это уже послѣдній разъ и все такое, слѣдующій разъ онъ со мной и разговаривать не станетъ.

— Это директоръ говоритъ.

— Ну да, Зевсъ, конечно, толстая свинья!

— Значитъ, сидишь. А знаешь, сегодня говорятъ, попечитель пріѣдетъ. Тебя ему показывать будутъ, какъ образованаго ученика. Знаетъ англійскій языкъ, читаетъ Спенсера и такъ прилеженъ, что не хочетъ уходить изъ гимназіи до шести часовъ.

— Такъ онъ навѣрное во время уроковъ пріѣдетъ.

— Нѣтъ, говорятъ послѣ.

— Ну и чортъ съ нимъ.

Осокинъ идетъ къ своему мѣсту.

Второй звонокъ, и входитъ учитель французъ. Это одинъ изъ любимыхъ уроковъ Осокина. Онъ на привилегирован-

номъ положеніи, потому что говорить по-французски. Можно не обращать вниманія на то, что дѣлается, и думать о своемъ. Французъ не пристаётъ къ нему, иногда только, очень рѣдко, вызываетъ его къ кафедрѣ, болтаетъ съ нимъ нѣсколько минутъ и ставитъ пятерку. Вообще французъ одинъ изъ всѣхъ учителей почему-то говорить съ нимъ всегда, какъ со взрослымъ, и Осокинъ въ душѣ всегда чувствуетъ благодарность къ нему. Иногда французъ встрѣчаетъ его на улицѣ и всегда останавливается, подаетъ руку и разговариваетъ. — Единственный порядочный человѣкъ, думаетъ Осокинъ, смотря на входящаго француза.

Осокинъ для приличія раскрываетъ передъ собой учебникъ Марго и уходитъ въ свои мысли.

— Я все меньше и меньше понимаю, говорить онъ себѣ. — Если я вернулся сюда изъ другой жизни; если это все вѣрно, что я вижу, то гдѣ же Зинаида и гдѣ всѣ остальные? Что же они продолжаютъ жить или тоже вернулись? Или одновременно — и продолжаютъ жить дальше, и вернулись. Если такъ, то значить мы живемъ не въ одно время и въ одномъ мѣстѣ, а сразу въ разныхъ временахъ и въ разныхъ мѣстахъ. Отъ этого одного можно сойти съума. какъ узнать правду, было это или не было? Нѣтъ, лучше не думать объ этомъ. Буду читать. Ну какъ не читать? Вѣдь это единственный способъ уйти отъ этихъ мыслей.

Онъ развѣтываетъ подъ партой англійскую книжку. Да, вотъ та сказка, говорить онъ себѣ. The Song of the Moggow — Пѣснь о завтрашнемъ днѣ или Пѣснь завтрашняго дня. Какъ перевести это. Все равно отъ мыслей не уйдешь. Попробую по крайней мѣрѣ хоть разобраться немного во всемъ этомъ. Онъ читаетъ про себя.

Пѣснь о завтрашнемъ днѣ.

У короля изъ Дентрайна родилась дочь, когда онъ былъ уже старикомъ, и она была самой прекрасной королевской дочерью между двумя морями. Ея волосы были, какъ золотая пряжа, а глаза, какъ омуты въ рѣкѣ. И король подарилъ ей замокъ на морскомъ берегу, съ террасой и съ дворомъ изъ каменныхъ плитъ, и четырьмя башнями по четыремъ угламъ. Здѣсь она жила и росла и не заботилась о завтрашнемъ днѣ и не имѣла власти надъ часомъ, подобно всѣмъ простымъ людямъ.

— Случилось разъ, что она шла по берегу моря, когда была осень, и вѣтеръ дулъ изъ мѣста дождей, и съ одной стороны отъ нея бились морскія волны, а съ другой летѣли по землѣ сухіе листья. Это былъ самый пустынный берегъ между двумя морями, и странныя вещи происходили здѣсь въ древнія времена. И вотъ дочь короля увидала вѣдму, которая сидѣла на берегу. Морская пѣна подбѣгала къ ея ногамъ, сухіе листья крутились у нея за спиной, и ея лохмотья развѣвались вокругъ ея лица отъ порывовъ вѣтра.

Вотъ самая несчастная старая вѣдма между двумя морями, сказала дочь короля, и она произнесла святое имя.

— Дочь короля, сказала вѣдма, ты живешь въ каменномъ замкѣ, и твои волосы похожи на золото. Но какая тебѣ отъ этого прибыль? Время жизни не длинно, жизнь людей не прочна, а ты живешь подобно всѣмъ простымъ людямъ, не думаешь о завтрашнемъ днѣ и не имѣешь власти надъ часомъ.

— Мысль о завтрашнемъ днѣ я имѣю, сказала дочь короля, а вотъ власти надъ часомъ у меня нѣтъ.

И она задумалась сама съ собой.

Тогда вѣдма ударила своими худыми руками одной объ другую и разсмѣялась, какъ морская чайка.

— Домой! закричала она. Иди домой въ твой каменный замокъ, дочь короля, потому что желанье нашло на тебя теперь, и ты не будешь больше жить подобно всѣмъ простымъ людямъ.

Иди домой и мучайся, и страдай, пока придетъ даръ, который лишить тебя всего, что у тебя есть, и пока придетъ человѣкъ, который принесетъ тебѣ заботу.

Королевская дочь не стала больше разговаривать. Она повернулась и пошла домой къ своему замку въ молчаніи. И когда она пришла въ свою комнату, она позвала свою няньку.

— Нянька, сказала дочь короля, мысль о завтрашнемъ днѣ нашла на меня, и я не могу больше жить подобно всѣмъ простымъ людямъ. Скажи мнѣ, что я должна сдѣлать, чтобы имѣть власть надъ часомъ.

Тогда нянька застонала, какъ снѣжный вѣтеръ.

— Горе! сказала она, что это должно быть. Но мысль вошла въ тебя, и нѣтъ исцѣленія отъ этой мысли. Поэтому, пускай будетъ такъ, какъ ты хочешь; хотя власть меньше, чѣмъ слабость, власть ты будешь имѣть; и хотя эта мысль холоднѣе, чѣмъ зима, ты додумаешь ее до конца.

Такъ королевская дочь сидѣла въ своей комнатѣ со сводами въ каменномъ замкѣ, и она думала надъ своей мыслью. Девять лѣтъ сидѣла она; и море билось о террасу, и чайки кричали вокругъ башенъ, и вѣтеръ завывалъ въ трубахъ. Девять лѣтъ она не выходила изъ замка и не дышала чистымъ воздухомъ, и не видѣла Божьяго неба. Девять лѣтъ сидѣла она и не смотрѣла ни направо, ни налево и не слышала ничего голоса, а только думала мысль о завтрашнемъ днѣ. И ея нянька кормила ее въ молчаніи, и она брала пищу лѣвой рукой и ѣла, не думая о томъ, какъ она ѣстъ.

И вотъ, когда девять лѣтъ прошли, разъ осенью спустились сумерки и съ вѣтромъ донесся звукъ, похожій на звукъ волынки. И нянька, въ комнатѣ со сводами, подняла кверху палецъ.

— Я слышу звукъ въ вѣтрѣ, сказала она, звукъ, который похожъ на звукъ волынки.

— Это маленькій звукъ, сказала дочь короля, но онъ достаточно силенъ для меня.

И онѣ пошли въ сумракѣ внизъ къ дверямъ дома и потомъ дальше по морскому берегу. И съ одной стороны отъ нихъ бились морскія волны, а съ другой летѣли по землѣ сухіе листья; и по небу, перегоняясь, бѣжали облака, и морскія чайки летали, какъ сумасшедшія. А когда онѣ пришли къ той части морского берега, гдѣ странныя вѣщи происходили въ древнія времена, онѣ увидѣли тамъ вѣдму и вѣдма танцевала, какъ сумасшедшая.

— Зачѣмъ ты танцуешь здѣсь, старая вѣдма, сказала дочь короля, — здѣсь на пустынномъ берегу между волнами и сухими листьями?

— Я слышу звукъ въ вѣтрѣ, который похожъ на звукъ волынки, отвѣчала вѣдма. И поэтому я танцую.

Потому что ты получишь даръ, который отниметъ у тебя все, что у тебя есть, и придетъ человѣкъ, который принесетъ тебѣ заботу. Но для меня пришло завтра, котораго я ждала, и пришелъ часъ моей власти.

— Но отчего же тогда ты колеблешься, какъ доскутъ, и блѣдишь, какъ сухой листь, передъ моими глазами? сказала дочь короля.

— Потому что пришло завтра, котораго я ждала, и пришелъ часъ моей власти, сказала вѣдьма; и она упала на морской берегъ.

И только стебли морскихъ водорослей были на ея мѣстѣ, морская пѣна и мокрый песокъ.

— Это самая странная вещь, которая случилась между двумя морями, сказала дочь короля изъ Дѣнтрайна.

Нянька не выдержала и застонала, какъ осенняя буря.

— Я устала отъ вѣтра, сказала она, и начала оплакивать свои дни.

Въ это время дочь короля увидала человѣка на морскомъ берегу; онъ шелъ съ капюшономъ, накинутымъ на голову, такъ что никто не могъ видѣть его лица, и подъ мышкой у него была волынка. И звуки волынки были похожи на жалующихъ ось и на вѣтеръ, который свиститъ въ сухомъ тростникѣ, и эти звуки привлекали къ себѣ вниманіе, какъ крики чаекъ.

— Это ты пришлецъ? спросила дочь короля.

— Да, я, отвѣтилъ тотъ, а это—та волынка, которую можешь слышать человѣкъ, и я имѣю власть надъ часомъ, и я играю пѣсню завтрашняго дня. И онъ началъ пѣсню завтрашняго дня, и она была длинная, какъ годы, и нянька громко плакала, слушая ее.

— Это вѣрно, сказала дочь короля, что ты играешь пѣсню о завтрашнемъ днѣ, но какъ я могу знать, что ты имѣешь власть надъ часомъ. Покажи мнѣ чудо здѣсь на берегу среди волнъ и сухихъ листьевъ.

И человѣкъ спросилъ, «на комъ?»

— Вотъ моя нянька, сказала дочь короля. Она устала отъ вѣтра. Покажи мнѣ чудо на ней.

И вотъ, нянька упала на берегъ, и только стебли морскихъ водорослей были на ея мѣстѣ, морская тина и мокрый песокъ.

— Это вѣрно, сказала дочь короля изъ Дѣнтрайна; ты—пришлецъ, и ты имѣешь власть надъ часомъ. Пойдемъ со мной въ мой каменный замокъ.

И они пошли по морскому берегу, и человѣкъ игралъ пѣсню завтрашняго дня, и за ними летѣли листья. И они

пришли въ замокъ и сидѣли вмѣстѣ, и море билось внизу террасы, и чайки кричали вокругъ башенъ, и вѣтеръ гудѣлъ въ трубахъ. Девять лѣтъ сидѣли они, и каждый годъ, когда наступала осень, человѣкъ говорилъ: — Это мой часъ, и въ немъ я имѣю власть. И дочь короля говорила. Нѣтъ погоды, сыграй мнѣ пѣсню завтрашняго дня. И онъ игралъ эту пѣсню, и она была длинная, какъ годы.

И когда девять лѣтъ прошли, дочь короля изъ Дѣнтрайна поднялась на ноги, точно вспоминая что-то, и посмотрѣла вокругъ себя въ своемъ каменномъ домѣ; ея слугъ больше не было, и только человѣкъ, который игралъ на волынкѣ, сидѣлъ на терасѣ, закрывъ лицо рукой, и подъ звуки его волынки листья крутились на терасѣ, и море билось въ каменную стѣну. И королевская дочь закричала громкимъ голосомъ, обращаясь къ человѣку. Это — тотъ часъ, покажи мнѣ свою власть въ немъ. И при этихъ словахъ вѣтеръ сдулъ капюшонъ съ головы человѣка, и подъ капюшономъ ничего не было. И одежда отлетѣла въ уголъ террасы, и волынка упала рядомъ съ ней, и сухія листья кружились надъ ними.

И дочь короля изъ Дѣнтрайна пошла къ тому мѣсту берега, гдѣ странныя вещи совершались въ древнія времена, и сѣла тамъ на песокъ, и морская тина подбѣгала къ ея ногамъ, сухія листья кружились у нея за спиной, и ея лохмотья развѣвались вокругъ ея лица отъ порывовъ вѣтра. И когда она подняла глаза, она увидѣла дочь короля, идущую по берегу. Ея волосы были, какъ золотая пряжа, и глаза, какъ омуты въ рѣкѣ, и у нея не было мысли о завтрашнемъ днѣ, и она не имѣла власти надъ часомъ, подобно всѣмъ простымъ людямъ.

Осокинъ закрываетъ книгу и долго сидитъ почти безъ мыслей, глядя передъ собой. Въ этой сказкѣ есть какой-то внутренній скрытый смыслъ, который онъ чувствуетъ... и съ ней связано столько странныхъ и непонятныхъ воспоминаній...

ГЛАВА IX.

Наказанный.

Послѣ уроковъ. Пустой классъ. За партой у окна Осокинъ съ книгой. Смеркается.

Осокинъ закрываетъ книгу и смотритъ передъ собой, потомъ взглядываетъ на лампу.

— Очевидно, огня мнѣ не дадутъ, говоритъ онъ. — Ну ладно, посидимъ въ потемкахъ. Но какъ все это глупо! Боже, какъ все это глупо! И что же такое въ сущности вся жизнь, если я ничего не могу измѣнить. Заведенные часы? — Но какой тогда смыслъ во всемъ. И какой смыслъ въ моей жизни, въ моемъ сидѣніи здѣсь въ гимназіи? — Конечно, я не могу заставить себя быть гимназистомъ; конечно, мнѣ скучно безъ людей, безъ жизни... Я держусь за книги и за газеты, чтобы не начать опускаться. Я чувствую, что часто съ этими мальчишками я самъ становлюсь мальчишкой. Мнѣ самому смѣшно на себя. Я точно человекъ, попавшій въ глухую провинцію, который старается поддержать внутреннюю связь съ столицей, чтобы не стать провинціаломъ, выписываетъ газеты, журналы, которые собственно совсѣмъ не нужны, даже смѣшны, въ его провинціи. Да, и у меня все это выходитъ смѣшно. Но газеты мнѣ особенно интересно читать, потому что я знаю, что будетъ. Жалко только, что я много забывъ. И въ концѣ концовъ волшебникъ правъ. Я не только ничего не могу измѣнить, но многое начинаю забывать. Даже странно, до какой степени у насъ непрочны въ памяти разные впечатлѣнія. Онѣ сохраняются въ памяти только благодаря постоянному повторенію. Повтореніе прекращается, и онѣ ис-

чезаютъ. — У меня цѣлый калейдоскопъ лицъ и событій въ памяти, но имена я почти всѣ забылъ. Зинаиду я пытался найти, но такъ и не нашелъ. Ходить мимо ихъ дома — смѣшно. Нашелъ пансіонъ, гдѣ она должна учиться. Торчалъ тамъ двѣ субботы. Но развѣ что-нибудь разберешь? Выходятъ сразу толпой. Смѣются. И, правда это, смѣшно тамъ стоять, точно я какой-то лицеистъ. Хотя двѣ мнѣ тамъ очень понравились. Но ни та, ни другая не можетъ быть Зинаида, обѣ старше. Крутицкаго нѣтъ ни въ одномъ изъ корпусовъ здѣсь. Значитъ, онъ учился не въ Москвѣ. И теперь я, дѣйствительно, вспоминаю, что онъ рассказывалъ что-то про корпусъ въ Петербургѣ. Значитъ, я его могу найти только черезъ три года въ юнкерскомъ. Но Зинаида тогда будетъ уже за границей и вернется только черезъ шесть или семь лѣтъ. Ну хорошо, если такъ, я долженъ найти ее за границей или ждать здѣсь. Но нужно, что бы я не былъ такъ безпомощенъ въ моментъ нашей встрѣчи. Я могу уже кончить университетъ къ тому времени. Тогда все будетъ совсѣмъ иначе. Но ужасно то, что я ничего не дѣлаю для этого. Какъ могло случиться, что я остался на второй годъ? Потерять годъ! Еще четыре съ половиной года въ этихъ стѣнахъ и въ этихъ корридорахъ. Не знаю, мнѣ кажется, я не выдержу. И главное, я теперь какъ-то потерялъ всѣ цѣли, и мнѣ просто скучно отъ того, что я все знаю. И хуже всего то, что и тогда, когда я раньше былъ въ гимназій, мнѣ было также скучно, потому что и тогда я все зналъ. Это — самая ужасная мысль. Мнѣ кажется, что все повторяется, не разъ, не два, а уже десятки разъ, какъ какія-то „Дунайскія волны“ въ шарманкѣ. И я все знаю наизусть.

А иногда мнѣ кажется наоборотъ, что ничего не было, и что я все придумалъ. Ни волшебника не было, ни Зинаиды, ни той жизни. Но откуда я могъ это все взять, я не знаю. Вѣрно во всемъ этомъ только одно, что мнѣ часто хочется разбить себѣ голову объ стѣну отъ скуки.

ГЛАВА X.

Скуна.

Осокинъ встаетъ и ходитъ впередъ и назадъ по полутемному классу. Потомъ подходитъ къ большей стеклянной двери въ корридоръ и пробуетъ ручку. Дверь не заперта.

— Забыли запереть, говоритъ онъ себѣ. Что бы такое устроить? Ужасно скучно! Еще цѣлый часъ сидѣть здѣсь.

По корридору до него доносится шумъ и торопливые шаги.

— Это они, вѣроятно, ждутъ попечителя, а, можетъ-быть, онъ пріѣхалъ, говоритъ себѣ Осокинъ.

Онъ пріотворяетъ дверь и заглядываетъ въ корридоръ.

— Никого нѣтъ! Ну, отправимся на развѣдки.

Онъ тихонько пріотворяетъ дверь и выходитъ въ корридоръ. Все тихо. Заглядывая въ стеклянные двери пустыхъ классовъ, Осокинъ доходитъ до библіотеки и осторожно заглядываетъ туда изъ-за угла двери. Никого нѣтъ.

— Чортъ возьми! говоритъ онъ. Здѣсь пройдетъ попечитель. Написать что-нибудь мѣломъ на стѣнѣ?—Добро пожаловать вамъ превосходительство!—И превосходительство написать черезъ ѣ—прѣвосходительство. Можно даже черезъ два ѣ. Это будетъ совсѣмъ хорошо. Жалко, нѣтъ мѣла.

Онъ задумывается.

— Или вотъ, что я лучше сдѣлаю... онъ опускаетъ руку въ карманъ и вынимаетъ синіе очки. Противъ него на консоли стоитъ гипсовый бюстъ Цезаря.

— Надѣну на Цезаря синіе очки! Этого ужъ нельзя не замѣтить.

Осокинъ бѣжитъ на цыпочкахъ на другой конецъ библіотеки, приносить стулъ и, забравшись на него, надѣваетъ на

Цезаря синіе очки. Очки держатся великолѣпно, и Цезарь пріобрѣтаетъ ученый видъ.

Осокинъ относитъ стулъ на мѣсто и убѣгаетъ въ корридоръ. Но теперь ему уже не хочется возвращаться въ свой пустой классъ, какъ расшалившемуся котенку, и хочется выкинуть еще что-нибудь. Онъ пробуетъ двери классовъ, выходящихъ въ корридоръ — одну, другую. Одна оказывается незапертой. Посмотрѣвъ по сторонамъ, Осокинъ проскальзываетъ въ темный классъ и за доской у стѣны находитъ кусочекъ мѣла. Опять бѣжитъ въ бібліотеку и прямо противъ двери на темной стѣнѣ подъ «золотыми досками», на которыхъ написаны фамиліи первыхъ учениковъ, пишетъ круглымъ и четкимъ «чужимъ» почеркомъ. «Добро пожаловать вашѣ прѣвосходитѣльство».

Потомъ онъ рисуетъ какую-то рожу на стѣнѣ, съ разинутымъ ртомъ и удивленнымъ выраженіемъ глазъ и, весь содрогаясь отъ смѣха, бѣжитъ въ свой темный классъ.

Тамъ онъ садится на подоконникъ и смотритъ на улицу, гдѣ уже горятъ фонари.

— Ну какой чортъ дергаетъ меня дѣлать всѣ эти глупости? говоритъ онъ. Теперь пойдетъ разборка и, конечно, прежде всего подумаютъ на меня. Хуже всего то, что теперь я совершенно ясно помню, какъ я тоже самое устроилъ тогда, раньше, и какъ меня за это вышибли изъ гимназіи. Ну зачѣмъ я это сдѣлалъ? Конечно, скучно здѣсь, но вѣдь на то и гимназія. И развѣ эти идіоты понимаютъ шутку? Для нихъ я обыкновенный гимназистъ. Конечно, они поймутъ, что это я! Еще если бы какъ-нибудь запереть себя здѣсь въ классъ.

Онъ идетъ, пробуетъ дверь. Потомъ смотритъ на часы.

— Еще полчаса. Только бы уйти.

Беретъ книгу и пробуетъ читать. Черезъ пять минутъ бросаетъ.

— Ну очки, чортъ съ ними, говоритъ онъ. Но вотъ прѣвосходительство, черезъ два ѣ и рожу на стѣнѣ они мнѣ не простятъ. Да и очки тоже... насмѣшка и все такое. Ну, конечно, и я не я, и лошадь не моя... но только у инспектора нюхъ на меня правильный. Часто онъ прямо говоритъ, что никто, кромѣ меня, не могъ сдѣлать и готово! Такъ и теперь будетъ. А когда откроется, что я сидѣлъ рядомъ въ отдѣльномъ

классъ, дѣло будетъ совершенно ясно. Чортъ возьми, не стереть ли пойти? Нѣтъ ужъ не стоитъ, еще хуже попадешься.

Онъ глядитъ на часы.

— Еще пятнадцать минутъ! Какъ бы запереть себя.

Онъ опять идетъ къ двери и смотритъ замокъ. По корридору шаги. Осокинъ отскакиваетъ отъ двери и опять подходитъ къ окну. Время идетъ медленно. Каждую минуту онъ смотритъ на часы.

Наконецъ къ двери подходитъ, «Тараканъ», классный сторожъ, съ ключами. Онъ долго копается, выбирая ключъ, пробуетъ отпереть дверь, качаетъ головой, беретъ другой ключъ. Наконецъ дергаетъ дверь, она отворяется.

— Что за такое? говоритъ онъ. Отпёрто что ли было?

— Заперто, говоритъ Осокинъ, подошедшій къ двери. Ты первымъ ключомъ отперъ.

— Ну иди, говоритъ Тараканъ, отпустить тебя велѣлъ Хрѣнычъ.

— Ахъ тараканъ, тараканъ, говоритъ Осокинъ, вотъ тебѣ за это двугривенный.

Тараканъ очень доволенъ и фамильярно хлопаетъ Осокина по спинѣ.

— Тараканъ будетъ на моей сторонѣ, говоритъ себѣ Осокинъ. А ужъ будетъ разборка, только бы теперь ноги унести.

Онъ бѣжитъ внизъ по лѣстницѣ и черезъ гимнастическій залъ въ швейцарскую, которая необычно ярко освѣщена въ ожиданіи приѣзда начальства.

ГЛАВА XI.

Зевсъ.

На слѣдующее утро въ гимназіи. Осокинъ сразу чувствуетъ въ воздухѣ что-то особенное. Всѣ стоятъ кучками и шепчутся. На площадкѣ лѣстницы Осокинъ сталкивается съ Соколовымъ.

— Ну, братъ, говоритъ Соколовъ, если это ты, то молодецъ, только ужъ теперь тебѣ не удержаться.

— Что такое?

— Ну не притворяйся, развѣ не знаешь.

— Не знаю, говоритъ Осокинъ. Я сразу, какъ пришелъ, почувствовалъ, что что-то случилось. Но я ничего не знаю.

— Ну такъ вотъ. Вчера долженъ былъ пріѣхать попечитель. Ты знаешь, у него, говорятъ, давно зубъ противъ нашего Зевса. Ну вотъ пріѣхалъ онъ, и оказалось, что у насъ въ библіотекѣ на Цезаря, знаешь у шкафа, кто-то надѣлъ синіе очки, а на стѣнѣ написалъ—«дуракъ ваше превосходительство» или что-то въ родѣ этого. Да, я думаю, что ты лучше всѣхъ насъ знаешь. Вышелъ скандалъ. Попечитель разозлился или сдѣлалъ видъ, что разозлился. Зашипѣлъ на Зевса, что тотъ распустилъ гимназію, и дальше не пошелъ, повернулся и уѣхалъ. Теперь тамъ идетъ разборка. Зевсъ велѣлъ уволить всѣхъ сторожей изъ этого этажа, Тараканъ былъ дежурный, Василій и казакъ. И всѣ говорятъ прямо на тебя. Ты сидѣлъ въ отдѣльномъ классѣ въ это время и ушелъ передъ самымъ попечителемъ.

Ну вотъ тебя, кажется,зовутъ.

— Осокина въ директору! Осокинъ! Осокинъ! кричатъ изъ корридора,

Осокинъ идетъ черезъ толпу гимназистовъ. Всѣ съ любопытствомъ смотрятъ на него. Онъ проходитъ корридоръ, приемную и библіотеку, гдѣ стоитъ бюстъ Цезаря, и проходитъ въ актовъ залъ.

На другомъ концѣ большого зала, съ царскими портретами, у длиннаго зеленого стола сидитъ директоръ «Зевсъ», и нѣсколько учителей. Тутъ же стоятъ три сторожа, надзиратели и вчерашній воспитатель «Хрѣнычъ».

Осокинъ подходитъ къ директору. Директоръ очень золъ. Осокинъ взглядываетъ на сторожей. Но всѣ они и особенно Тараканъ глядятъ на него подозрительно и враждебно. Директоръ сначала отъ бѣшенства не можетъ ничего говорить и только сопить. Наконецъ, отдышавшись, онъ начинаетъ.

— Ты сидѣлъ вчера въ отдѣльномъ классѣ послѣ уроковъ до пяти часовъ?

— Да, говоритъ Осокинъ.

Ты выходилъ изъ класса?

— Нѣтъ.

— Былъ въ библіотекѣ?

— Нѣтъ.

— Лжешь, мерзавецъ!

Директоръ багровѣетъ и изо всей силы ударяетъ кулакомъ по столу.

Осокинъ весь вспыхиваетъ и дѣлаетъ шагъ по направлению къ директору. Ихъ глаза встрѣчаются. У Осокина на лицѣ мелькаетъ что-то опасное, и директоръ отводитъ взглядъ.

— Осокину хочется крикнуть ему что-нибудь оскорбительное и обидное, отвѣтить и за этотъ окрикъ и сразу за все перенесенное въ гимназіи, за всю скуку, за все тупое непониманіе. Но у него перехватываетъ голосъ, дрожить нижняя губа, и нѣсколько секундъ онъ не можетъ ничего сказать.

Директоръ, отдышавшись, и не смотря на Осокина спрашиваетъ:

— Который сторожъ былъ дежурнымъ?

— Ивановъ, говоритъ надзиратель, и Тараканъ вытягивается по швамъ.

— Ты запираешь дверь класса, гдѣ сидѣлъ Осокинъ? говоритъ директоръ.

— Такъ что, наше превосходительство, не могу знать, кто запираетъ, у саду былъ, говоритъ онъ, а пришедши,

когда отпираешь, не заперто было. Это не иначе, какъ онъ самъ отперси.

Тараканъ зло смотритъ на Осокина. И Осокину дѣлается непріятно отъ этого взгляда. Ему и жалко Таракана и двухъ сторожей и какъ-то противно, что онъ могъ когда-нибудь дружелюбно разговаривать съ ними и шутить.

— Какъ самъ? спрашиваетъ директоръ.

— А такъ что, ваше превосходительство, замокъ поломалъ. Я отпираю, ни одинъ ключъ не беретъ, а дернулъ дверь, она отворяется. Говорю ему, ты не запертъ Осокинъ? А онъ говоритъ, нѣтъ запертъ. Молчи, говоритъ, и двугривенный мнѣ давай. Вотъ.

Тараканъ, потѣя отъ напряженія, засовываетъ руку въ карманъ и вытаскиваетъ двугривенный.

Всѣ смотрятъ на двугривенный и потомъ на Осокина.

Осокину дѣлается и смѣшно, и противно.

Онъ понимаетъ, что двугривенный это самая сильная улика противъ него. И хотя онъ знаетъ, что все было совсѣмъ не такъ, но чувствуетъ, что возражать бесполезно. Для этого у него слишкомъ хорошая пансіонская тренировка. Оправдываться считается допустимымъ только тогда, когда есть шансъ наставить носъ обвиняющимъ. Когда такой возможности нѣтъ, пансіонскій кодексъ морали требуетъ стоическаго молчанія, все равно, справедливо обвиненіе или нѣтъ.

А вмѣстѣ съ тѣмъ Осокину дѣлается все болѣе и болѣе смѣшно. Онъ вдругъ чувствуетъ себя очень далеко отъ всего этого. Онъ ощущаетъ свое Я взрослого человѣка, и то, что происходитъ здѣсь, происходитъ не съ нимъ. Все его негодованіе совершенно проходитъ, теперь онъ холодно наблюдаетъ со стороны.

— Ну и что же, замокъ сломанъ? обращается директоръ къ надзирателю.

— Не запирается замокъ, говоритъ тотъ, вѣрно что-нибудь положено туда.

— Довольно, говоритъ директоръ. Онъ опять сопить нѣсколько секундъ.

— Ну такъ вотъ, говоритъ онъ наконецъ, обращаясь къ Осокину, ты можешь упражнять свои таланты гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Намъ здѣсь взламыватели замковъ, насквилянты и негодяи—директоръ опять начинаетъ орать—

не нужны! Убирайся вонъ, ты исключенъ изъ гимназiи. Сто-
рожей можете оставить, говоритъ директоръ въ сторону ин-
спектора. Они не должны страдать изъ за этого...

Директоръ встаетъ, важно отходить къ каедрѣ и беретъ
съ нея какой-то классный журналъ.

Осокинъ понимаетъ, что здѣсь все кончено. На мгно-
венiе его опять охватываетъ злоба противъ этихъ тупыхъ
людей, распоряжающихся его судьбой. Но, точно въ отвѣтъ
на это, ощущенiе, что это все было и было точно такъ же,
пронизываетъ его холодомъ, и онъ самъ исчезаетъ въ этомъ
ощущенiи. Его нѣтъ! Совсѣмъ нѣтъ! Что-то происходитъ
кругомъ, но только не съ нимъ, и поэтому ему совершенно
и абсолютно все равно. Онъ не можетъ волноваться изъ-за
этого, также какъ не можетъ волноваться изъ-за какихъ-
нибудь событiй римской исторiи...

Всѣ эти люди, и директоръ, и воспитатель, и Тараканъ,
думаютъ, что все это происходитъ на самомъ дѣлѣ. Они не
понимаютъ, что это уже было... и что поэтому ничего больше
нѣтъ.

Осокинъ не можетъ объяснить самъ себѣ, почему, если
это было, то, значить, этого нѣтъ. Но онъ чувствуетъ, что
это такъ, и чувствуетъ, что его ничто больше не касается.

ГЛАВА XII.

Въ больницѣ.

Воспитатель трогаетъ его за плечо, и они идутъ изъ зала. Мелькомъ Осокинъ видитъ Таракана, который продолжаетъ стоять съ двугривеннымъ на ладони, и ему дѣлается смѣшно, такъ что хочется громко хохотать, и онъ съ трудомъ удерживается.

Въ классахъ уже идутъ уроки.

— Что же теперь со мной будетъ? съ усмѣшкой спрашиваетъ Осокинъ воспитателя. — Я могу идти домой?

— Нѣтъ, говорить тотъ. Вызовутъ вашу мать, и она васъ возьметъ.

Воспитатель ведетъ Осокина въ больницу. Больница— три небольшихъ комнаты внизу. Тамъ два первоклассника въ синихъ халатахъ и непріятный ему толстый пансіонеръ въ очкахъ изъ седьмого класса, у котораго гимназисты подозрѣваютъ сифилисъ, и который почти все время живетъ въ больницѣ.

Воспитатель оставляетъ Осокина и уходитъ.

Осокинъ садится у окна и смотреть на улицу.

Ощущеніе безразличія къ самому себѣ и ко всему на свѣтѣ опять уходитъ отъ него. Онъ чувствуетъ себя гимназистомъ, на котораго сейчасъ оралъ директоръ и котораго исключили изъ гимназіи.

— Что такое вы натворили, Осокинъ? спрашиваетъ его пансіонеръ въ очкахъ.

— Такъ, ерунда, говорить Осокинъ, и отвертывается въ сторону. Тотъ стоитъ нѣкоторое время около него, видимо, не зная что сказать, потомъ уходитъ въ другую комнату.

Время идетъ медленно. Первоклассники въ другой комнатѣ играютъ въ домино. Осокинъ сидитъ и смотритъ въ окно. На душѣ у него очень нехорошо, такъ нехорошо, что онъ даже боится думать.

— Что же это такое? говоритъ онъ себѣ. Вѣдь я же знаю, что мнѣ непременно нужно было кончить гимназію, для того чтобы сдѣлать все такъ, какъ я хотѣлъ. А что же вышло? Опять все то же самое. И теперь я прекрасно знаю, что тогда я точно также сидѣлъ у этого же окна и точно такъ же думалъ, что вотъ меня исключили изъ гимназіи. Значитъ, все повторяется безъ перемѣнъ. Зачѣмъ же было возвращаться? Значитъ, я не буду въ университетѣ. — Бѣдная мама! Она такъ мечтала. И какое это, вообще, свинство передъ ней. У нея все время болитъ сердце. А теперь ее потащутъ сюда, будутъ ей говорить всякія гадости про меня. И она будетъ чувствовать, что я почти погибъ. Во всякомъ случаѣ для нея это все очень много значитъ. Потомъ, конечно, какъ-нибудь все наладится. Буду готовиться на зрѣлость. Не въ юнкерское же въ самомъ дѣлѣ идти. Но теперь, теперь, вотъ что скверно. Бѣдная мама, эти идиоты совсѣмъ измучаютъ ее. — И я одного не могу понять, зачѣмъ я это сдѣлалъ. Всю эту исторію съ очками и съ Цезаремъ. Вѣдь если ужъ говорить искренно самому съ собой, я все зналъ отъ начала до конца. Зналъ, что меня поймутъ, зналъ даже, что обвинять въ томъ, что я сломалъ замокъ. И все-таки я сдѣлалъ то же самое, что тогда. Очень мнѣ нуженъ этотъ Цезарь или попечитель. И курьезнѣе всего то, что тогда, тотъ разъ, я тоже все зналъ, и потомъ точно такъ же сидѣлъ здѣсь и обвинялъ себя въ томъ, что сдѣлалъ все это, несмотря на то, что зналъ заранее, что изъ этого выйдетъ. — Сейчасъ я помню это совершенно ясно. Что же будетъ дальше? Неужели такъ все и пойдетъ? Нѣтъ, это ужасно! И такъ невозможно думать. Нужно найти что-нибудь, на чемъ остановиться. Такъ не можетъ быть. Не нужно поддаваться этимъ мыслямъ. Ну скверно, гадко, но, въ концѣ концовъ, выходъ долженъ быть. Очевидно, въ гимназіи я уже ничего не могъ измѣнить. Вѣроятно, все уже было испорчено раньше. И здѣсь я былъ связанъ. Теперь я буду свободенъ. Буду заниматься, буду читать. Это гораздо лучше въ концѣ концовъ. Я даже скорѣе приступаю дома.

Черезъ два года я могу быть въ университетѣ. Нужно только уговорить маму не огорчаться. Нужно, чтобы она поняла, что гимназія только мѣшала мнѣ. Поэтому, вѣроятно, все такъ и случилось. И въ концѣ концовъ все къ лучшему. Теперь начинается чистая страница, и я могу писать на ней все, что хочу.

Осокинъ неподвижно сидитъ у окна, и ему начинаетъ хотѣться ѣсть и дѣлается холодно. Наверху слышенъ шумъ.

— Вторая перемѣна, думаетъ Осокинъ.

Потомъ шумъ затихаетъ, очевидно, начинается урокъ. Время тянется невѣроятно медленно. Наконецъ въ больницу приносятъ завтракъ. Сторожа болтаютъ съ больничнымъ дядькой. Семиклассникъ въ очкахъ выходитъ къ нимъ и Осокинъ слышитъ, что говорятъ про него. Осокина охватываетъ злорадіе и отвращеніе ко всѣмъ къ нимъ. Ему и противно здѣсь сидѣть, и скучно, холодно и хочется ѣсть, но безсознательно въ то же время онъ хочетъ, чтобы это тянулось, какъ можно дольше, чтобы мать какъ можно дольше не пріѣхала.

Кончаютъ завтракъ, стучатъ тарелками, уносятъ посуду. Наверху начинается шумъ. Большая перемѣна. Потомъ опять все затихаетъ. Осокинъ начинаетъ надѣяться, что мать не пріѣдетъ. Это бы такъ облегчило все дѣло.—Послѣ четвертаго урока я попробую уйти съ приходящими, думаетъ Осокинъ. Швейцарамъ, конечно, не велѣно пускать меня. Но можно проскользнуть. Осокинъ проходитъ въ другую комнату. Сторожа нѣтъ. Можно было бы уйти. Но нужно подождать перемѣны. Онъ опять садится у окна.

Теперь ему совсѣмъ не хочется думать о гимназій, о томъ, что его исключили. Мысли уходятъ къ какимъ-то другимъ гораздо болѣе пріятнымъ темамъ. Осокинъ думаетъ о лѣтѣ, о томъ, что онъ купитъ себѣ ружье. Одна за другой начинаютъ подниматься и проходить картины: лѣснаго озера, болотца съ березками... Потомъ Осокинъ оглядывается кругомъ, и ему дѣлается почти смѣшно, что онъ такъ спокойно принялъ свое исключеніе.

— Кажется, я на самомъ дѣлѣ зналъ, что это такъ будетъ, поэтому и не удивился, говоритъ онъ себѣ.

Но сидѣть ужасно скучно.

Наконецъ, когда Осокинъ меньше всего ожидаетъ этого, хлопаетъ дверь въ другой комнатѣ, и входитъ надзиратель съ его матерью. Первоклассники выходятъ, становятся у двери и съ любопытствомъ разсматриваютъ ее. Толстый пансіонеръ пріотворяетъ дверь и тоже съ любопытствомъ смотреть.

Осокинъ видитъ, что у матери страшно разстроенный видъ, и у него падаетъ сердце. Его спокойствіе, которымъ онъ былъ такъ доволенъ минуту тому назадъ, кажется ему самымъ безобразнымъ эгоизмомъ, а разсужденія объ экзаменѣ на зрѣлость и объ университетѣ сразу всѣ рушатся, и остается одна неприкрытая и невѣроятно уродливая правда. — Его исключили изъ гимназіи. — И онъ знаетъ, что это значитъ для его матери.

— Что же это такое, Ваня? говоритъ она.

Онъ молчитъ и смотритъ на надзирателя.

— Что же ты спрашиваешь меня при этой обезьянѣ? Что я могу сказать? мысленно говоритъ онъ. Но въ дѣйствительности у него такой видъ, точно онъ сконфуженъ и молчитъ.

— Мы можемъ ѣхать, говоритъ онъ. Я тебѣ все разскажу. Это все было не такъ.

Они выходятъ изъ больницы и черезъ корридоръ и пустой гимнастическій залъ идутъ въ швейцарскую. И въ эти моменты Осокинъ чувствуетъ, что онъ все-таки любитъ гимназію, и что ему жалко уходить отсюда съ тѣмъ, чтобы больше никогда не возвращаться, и глупо и досадно чувствовать себя выгнаннымъ. Онъ видитъ, что мать совершенно убита, и ему дѣлается совѣмъ не по себѣ.

Въ швейцарской мать волнуется, долго не можетъ найти перчатки, ищетъ портмоне, даетъ швейцару на чай гораздо больше, чѣмъ слѣдуетъ.

И Осокину невыразимо жалко ее и въ то же время досадно на нее за то, что она пріѣхала. Было бы гораздо лучше, если бы она предоставила ему выпутываться одному.

Они выходятъ.

— Что ты со мной дѣлаешь, Ваня? говоритъ она. Зачѣмъ ты подвергаешь меня такимъ униженіямъ? И что ты съ собой дѣлаешь?

У нея перехватываетъ голосъ. Осокинъ чувствуетъ, что она сейчасъ заплачетъ.

— Поѣдемъ домой, мама, говоритъ онъ. Я тебѣ тамъ все расскажу. Онъ хочетъ прибавить, что все будетъ хорошо, но взглядываетъ на мать и молчитъ.

Они садятся на извозника и ѣдутъ. Всю дорогу Осокинъ ничего не говоритъ и только изрѣдка поглядываетъ на мать. Она тоже молчитъ.

— Я хочу знать одно, думаетъ Осокинъ. Почему, зная все, что будетъ, я все-таки поступалъ такъ? Почему я не поступалъ иначе? Или я не могъ дѣлать иначе. И почему, если не могъ, часто кажется, что все вполнѣ зависитъ отъ меня?

Онъ сосредоточенно думаетъ.

— Кроликъ, на котораго смотритъ змѣя, можетъ разсуждать совершенно такъ же, какъ я, говоритъ онъ. Почему онъ не убѣгаетъ? Онъ совершенно свободенъ. И онъ знаетъ, что будетъ. Змѣя его съѣстъ, если онъ не убѣжитъ. И онъ хочетъ убѣжать. Но вмѣсто этого начинаетъ подходить все ближе къ змѣѣ. И каждое мгновеніе, приближаясь къ змѣиной пасти, онъ, вѣроятно, страшно удивляется, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ. Главное, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, если прекрасно знаетъ, чѣмъ это кончится? Но его интересуютъ глаза змѣи, и ему хочется видѣть ихъ ближе. Можетъ-быть, онъ разсуждаетъ, что еще успѣетъ убѣжать.

— Неужели все это значить, что я долженъ признать свое пораженіе. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Теперь я буду стараться найти Зинаиду.

Но у него уже выработалась привычка наблюдать свои мысли и, критически, разсматривать себя со стороны. И ему кажется, что исканіе Зинаиды будетъ только предлогомъ для того, чтобы не сидѣть дома, и что въ концѣ концовъ изъ его прекрасныхъ намѣреній ничего не выйдетъ. Ему дѣлается совсѣмъ скверно.

Одинъ Осокинъ легко поднялъ бы свое настроеніе и поставилъ бы себя о чемъ-нибудь мечтать. Но присутствіе матери является живымъ напоминаніемъ и живымъ укоромъ

и все время говорить ему о реальной правдѣ жизни и о томъ, къ чему приводятъ всѣ его благія начинанія. Но въ то же время ему уже сильно надоѣло думать въ минорномъ тонѣ, какъ онъ самъ невольно себѣ говоритъ, и его мысль сама собой уклоняется на разные болѣе пріятные пути. Онъ не любитъ долго оставаться въ непріятномъ настроеніи.

ГЛАВА XIII.

Дома.

Они приѣзжаютъ домой и идутъ въ комнату къ матери Осокина.

— Ну, что же все это значить? говоритъ она. Какую такую дверь ты сломалъ? И что вообще ужаснаго ты сдѣлалъ? Директоръ говорилъ про тебя такъ, точно ты какой-то преступникъ. И они даже не хотѣли позволить мнѣ взять тебя изъ гимназіи такъ, чтобы ты могъ поступить въ другую. Теперь ты никуда не можешь поступить.

Она вытираетъ глаза платкомъ.

— Я не знаю, что ты будешь дѣлать.

— Это все пустяки, мама, говоритъ Осокинъ, двери я никакой не сломалъ. Просто я сидѣлъ въ отдѣльномъ классѣ, и мнѣ стало скучно. Ты себѣ не можешь представить, какъ тамъ бываетъ скучно. Ну вотъ я попробовалъ дверь, она оказалась незаперта. Можетъ-быть, тамъ и, правда, замокъ сломанъ, я не знаю. Я пошелъ по корридору и пришелъ въ пріемную, знаешь, гдѣ библіотека. А вчера ждали попечителя. Тутъ... Осокинъ останавливается. Понимаешь, тамъ есть бюстъ Цезаря. Вотъ на этого Цезаря я надѣлъ синіе очки.

— Какіе синіе очки?

— Ну обыкновенные, у меня они были, я на Сухаревкѣ купилъ... Такъ, не знаю для чего. Ну вотъ я надѣлъ очки. Цезарь сталъ ужасно смѣшной, точно нѣмецкій профессоръ. А потомъ я написалъ мѣломъ на стѣнѣ: — добро пожаловать вашѣ прѣвосходительство, понимаешь, ваше черезъ ѣ и превосходительство черезъ два ѣ.

— И больше ничего?

— Больше ничего. Рожу еще нарисовалъ на стѣнѣ.

Матери Осокина хочется засмѣяться, но въ то же время ей ужасно тяжело и грустно. Случилось самое худшее, чего она боялась. Ваня останется безъ образованія. Все какъ-то темно впереди. И это свалилось такъ неожиданно. Последнее время ей казалось, что онъ сталъ лучше привыкать къ гимназіи. Ей досадно и на него, и больше еще ее возмущаетъ гимназическое начальство. Она смотритъ на сына. Онъ о чемъ-то постоянно думаетъ и видимо тоже страдаетъ. И она такъ страшно огорчена и обижена за него, и ей жалко его и жалко всѣхъ разрушившихся теперь надеждъ. Но ей тоже хочется вѣрить во что-нибудь.

— Что же ты теперь будешь дѣлать? говоритъ она.

— Ахъ, мама, говоритъ Осокинъ. Теперь все будетъ гораздо лучше. Я буду готовиться на зрѣлость и поступлю въ университетъ, даже скорѣе, чѣмъ бы я попалъ изъ гимназіи. Ты видѣла, какъ я выучился англійскому, такъ же и все будетъ. Ты увидишь. Въ гимназіи только задаромъ терялось время.

— Тебѣ нужно репетитора, говоритъ она.

И Осокинъ вздрагиваетъ. Совершенно такъ же, тѣмъ же голосомъ, съ той же неувѣренностью и безнадежностью она это сказала тогда. Онъ помнить это.

— Я буду заниматься, мама, я буду, вотъ увидишь, говоритъ онъ. Прости меня, что это все такъ вышло. Но я все сдѣлаю, ты увидишь.

ГЛАВА XIV.

Таничка.

Черезъ полтора года. Мать Осокина умерла. Онъ живетъ въ имѣніи у дяди, богатаго человѣка.

Терраса большого дома, выходящая въ садъ. Отъ террасы идетъ длинная липовая аллея. Осокинъ въ сапогахъ и съ хлыстомъ ходитъ по террасѣ. Онъ ждетъ лошадь.

— По вѣщности все складывается очень хорошо, говоритъ онъ, останавливаясь и смотря въ садъ, но меня все время что-то гнететъ. И я не могу примириться съ мыслью, что мама умерла. И не могу, *и не хочу*. Вотъ уже полгода, но мнѣ кажется, что это было вчера. Я знаю, что это всегда будетъ такъ. И я знаю, что я виноватъ. Мама заболѣла вскорѣ послѣ того, какъ меня исключили изъ гимназіи, и послѣ такъ уже и не поправилась. Я знаю это. И хуже всего то, что я зналъ все это раньше.

Онъ задумывается.

— Что это былъ сонъ или не сонъ о волшебникѣ, я не знаю. Но будущее для меня имѣетъ вкусъ прошедшаго. Я знаю, что все то, что будетъ, уже было раньше. И будущее меня совершенно не интересуетъ. Я чувствую въ немъ только какіе-то подвохи и ловушки. И мнѣ кажется, я всѣ ихъ вижу заранѣе. Но мнѣ все равно теперь, когда мама умерла, я даже не хочу ничего хорошаго для себя.

Онъ опять ходитъ по террасѣ.

— Странно я чувствую себя здѣсь, говоритъ онъ, оглядываясь кругомъ. Дядя — милый человѣкъ, и я вижу, что онъ ко мнѣ искренно расположенъ. Но у меня нѣтъ увѣренности въ нашихъ отношеніяхъ съ нимъ. Мнѣ кажется, что у меня

съ нимъ что-то выйдетъ. Я вѣчно на-сторожѣ, вѣчно чего-то опасаюсь. И отчасти отъ этого, отчасти я не знаю отчего, но я ничего не дѣлаю. Вотъ уже полтора года послѣ гимназій, и я все собираюсь начать заниматься. Я перечиталъ кучу книгъ за это время, выучился итальянскому языку, занимался математикой, а латынь съ греческимъ точно застыли. И по-гречески я, кажется, уже теперь читать разучился. Не могу себя заставить. Придется держать экзаменъ въ реальномъ. Но и это ужасно трудно. Трудно изъ-за мелочей. Въ программѣ столько скучнаго и ненужнаго. Но я знаю, что если я сдамъ экзаменъ, дядя дастъ мнѣ возможность поѣхать учиться за границу. Хотя мнѣ теперь все до такой степени безразлично, что я не знаю даже, хочу я этого или нѣтъ.

На террасу выходитъ Таничка, дядина воспитанница и экономка. Высокая, красивая дѣвушка русскаго типа съ толстой косою, съ румянымъ лицомъ и съ большими темными глазами. Ей лѣтъ двадцать съ небольшимъ. Она училась въ прогимназій, любитъ одѣваться въ сарафанъ и ходить босая. Прислуга увѣрена, что она „обожла старика“.

Таничка подкрадывается свади къ Осокину и хлопаетъ въ ладоши у него надъ головой. Осокинъ быстро оборачивается и хватается ее за руки.

— Ахъ Таничка, какъ вы меня испугали!

Пустите меня, противный, руки сломаете.

— Не пушу!

Осокинъ притягиваетъ къ себѣ Таничку и охватываетъ ее обѣими руками за талію. Таничка — сильная и гибкая, „какъ гуттаперчевая, только теплая“, мелькаетъ въ умѣ у Осокина. Она вся перегибается назадъ и хохочетъ.

— Пустите!

Осокинъ притягиваетъ ее ближе къ себѣ; его лицо совсѣмъ близко къ ея лицу. Онъ заглядываетъ въ ея глаза, видитъ совсѣмъ близко ея губы, чуть-чуть раскрытыя и маленькіе бѣлые зубы; чувствуетъ прикосновеніе ея груди, плечей, всего тѣла. И вдругъ на мгновеніе Таничка перестаетъ сопротивляться, ея тѣло дѣлается послушнымъ и нѣжнымъ, смѣющіеся глаза закрываются, и губы — теплыя, упругія и полныя, съ запахомъ земляники, прижимаются къ его губамъ. По тѣлу Осокина пробѣгаютъ тысячи электрическихъ искръ, и его всего охватываетъ радостное изумленіе

и какое-то необыкновенно теплое чувство къ Таничкѣ. Онъ хочетъ еще крѣпче прижать ее къ себѣ, хочетъ цѣловать, хочетъ спросить — какъ, почему она стала такой? Но Таничка вывертывается у него изъ рукъ и уже стоитъ на другомъ концѣ террасы.

— Вотъ вамъ лошадь ведутъ, говоритъ она, точно ничего не случилось, но она смотритъ на Осокина улыбаясь, и въ глазахъ у нея новое выраженіе.

Конюхъ подводитъ къ террасѣ осѣдланную лошадь. Это — крѣпкая, гнѣдая кобыла съ бѣлыми ногами, немного короткой шеей и необыкновенно выразительными и шаловливыми глазами. Осокину всегда кажется, что Бѣлоножка похожа на Таничку.

Ему не хочется уѣзжать. Таничка не уходитъ. Она стоитъ здѣсь уже, опершись на перила. И Осокинъ чувствуетъ, что если онъ обвинитъ и сожметъ ее, ея гѣло опять станетъ такъ же послушнымъ и нѣжнымъ. И это ощущеніе волнуетъ его и влечетъ къ ней.

Таничка принимаетъ невинный видъ и говоритъ:

— Далеко ѣдете, Иванъ Петровичъ?

— Въ Орѣхово за газетами, Татьяна Никаноровна, въ тонъ ей отвѣчаетъ Осокинъ, отвѣшивая низкій поклонъ.

Таничка замахивается на него и бѣжитъ съ террасы внутрь дома.

— Пріѣзжайте къ обѣду, кричитъ она, я земляники набрала.

Осокинъ сбѣгаетъ внизъ со ступенекъ террасы, пробуетъ подпрыгнуть, проводитъ рукой по бѣлому носу лошади до теплыхъ и мягкихъ розовыхъ ноздрей, и Бѣлоножка переступаетъ съ ноги на ногу и упирается головой ему въ плечо.

Потомъ онъ беретъ поводья, кладетъ руку на сѣдло, ставитъ ногу въ высоко подтянутое стремя и легко, однимъ движеніемъ, поднимается въ сѣдло.

— До свиданія! кричитъ Таничка, уже сверху, изъ окна, не забывайте, пишите!

Конюхъ широко улыбается. Осокинъ круто поворачиваетъ Бѣлоножку и съ мѣста беретъ крупной рысью по аллеѣ.

Сильныя, упругія движенія лошади подъ нимъ, теплый вѣтеръ съ запахомъ цвѣтущей липы и ощущеніе Танички во всемъ тѣлѣ, все это уноситъ Осокина далеко отъ всякихъ мыслей.

Быстро мелькают деревья, так удивительно приятно звучить топот копыт по мягкой дорогѣ. Бѣлоножка опускает голову, тянет поводья и забирает своей широкой рысью все быстрѣе и быстрѣе. Осокинъ крѣпче упирается ногами въ стремяна и съ необыкновенно радостнымъ чувствомъ въ душѣ легко поднимается на колынькахъ въ тактъ движенія лошади.

— Милая, говоритъ онъ, проводя рукой по шеѣ Бѣлоножки. И онъ самъ не знаетъ, къ кому это относится, къ лошади или къ Таничкѣ. Губы Танички опять совсѣмъ близко отъ него, и высокая упругая грудь подъ бѣлой рубашкой сарафана тепло и нѣжно, и довѣрчиво прижимается къ нему. У него даже немного кружится голова и онъ натягиваетъ поводья.

— Милая Таничка, произноситъ онъ. Какъ это все удивительно хорошо! Но значить, она чувствовала то же, что и я. Неужели это правда? Да, да, это такъ должно быть. Поэтому она и стала такой...

Въ этотъ моментъ изъ какихъ-то глубинъ души опять поднимается черное облако.

— Почему? говоритъ онъ, почему съ одной стороны все такъ хорошо, а съ другой все такъ ужасно? Почему нѣтъ мамы? Если бы я зналъ, что она жива, какъ бы я радовался всему — и этой добротѣ, и лѣсу, и Бѣлоножкѣ, и Таничкѣ. А теперь я ничего не хочу. Вчера мнѣ пришла въ голову смѣшная исторія. И такъ хотѣлось рассказать ее мамѣ. Только она одна могла бы по настоящему понять это. Но ея нѣтъ. И я не понимаю, почему ея нѣтъ, и гдѣ она, и что все это значить? Если бы я могъ, я хотѣлъ бы только одного, это — вернуть прошлое лѣто... Почему это невозможно?

И онъ самъ не знаетъ, почему отъ этой мысли ему дѣлается страшно и холодно, какъ будто онъ вдругъ коснулся какого-то своего самого больного мѣста, котораго рѣшилъ не касаться, разбудилъ цѣлое гнѣздо привидѣній, которыя каждую минуту со всѣхъ сторонъ могутъ обступить его душу.

И, точно желая убѣжать отъ себя, онъ пускаетъ Бѣлоножку карьеромъ подъ гору, рысью проѣзжаетъ черезъ мостикъ, который весь ходитъ подъ лошадей, пригнувшись на

сѣдлѣ, быстро взбирается на пригорожъ и скачетъ дальше по широкому старинному большаку съ березами по сторонамъ, точно за нимъ гонятся.

Часа черезъ полтора Осокинъ возвращается на сильно вспотѣвшей лошади. Шагомъ, весь погруженный въ свои мысли, сидя на сѣдлѣ немного на-бокъ, онъ выѣзжаетъ изъ лѣсу на большую поляну, за которой начинается роща, переходящая въ садъ.

Теперь онъ весь полонъ одной Таничкой. Все остальное куда-то отошло. Таничка съ приподнятымъ платьемъ, надъ круглыми ножками въ желтыхъ чулкахъ и меленькихъ туфелькахъ, осторожно проходящая по мокрой травѣ. Таничка съ голыми плечами и полуоткрытой грудью, какъ онъ видѣлъ ее разъ рано утромъ, высунувшейся въ окно и считающей кукушку... И опять теплыя и упругія губы и ея тѣло, ставшее нѣжнымъ и послушнымъ въ его рукахъ.

Осокину и весело и радостно отъ всѣхъ этихъ образовъ и ощущеній, но въ то же время онъ хочетъ быть благоразумнымъ.

— Таничка — милая, говоритъ онъ себѣ. Но я долженъ очень слѣдить за собой, чтобы не испортить всего этого. Конечно — вздоръ все, что рассказываютъ про дядю, но все-таки я чувствую, что изъ-за Танички наши отношенія могутъ испортиться. Если онъ что-нибудь замѣтитъ, онъ будетъ считать себя обязаннымъ оберегать Таничку отъ меня. А это глупо. Я ничего не хочу. Танечка, это — часть природы, какъ поле, лѣсъ, рѣчка. Я никогда не представлялъ себѣ, чтобы ощущеніе женщины было до такой степени похоже на ощущеніе природы. Но нужно держать себя въ рукахъ.

Онъ трогаетъ лошадь и рысью ѣдетъ черезъ поляну къ дому.

На террасѣ Таничка чиститъ ягоды, и когда Осокинъ видитъ ее, его охватываетъ безотчетно веселое настроеніе. Ему хочется болтать съ ней, смѣяться, дурачиться. Если бы онъ не боялся дяди, онъ вѣхалъ бы на Бѣлоножку на террасу и заставилъ бы ее стать на колѣни передъ Танечкой. Старшій кучеръ вчера показывалъ ему, что Бѣлоножка — ученая.

— Таничка, сколько грибовъ я видѣлъ! кричитъ Осокинъ, прыгивая съ сѣдла.

— Гдѣ, гдѣ?

Таничка подбѣгаетъ къ периламъ.

— Больше всего за Зуевымъ болотомъ. Пойдемте послѣ обѣда, я вамъ покажу.

Таничка откидываетъ косу и морщитъ брови.

— Пойдемте, говорить она. А дождя не будетъ?

— Не похоже.

— Ну хорошо, а сейчасъ обѣдъ. Приходите скорѣй.

Осокинъ съ Таничкой въ лѣсу, съ ними большая черная собака — Полканъ. Осокинъ несетъ двѣ полныя кошельки грибовъ. Они выходятъ къ мелкой лѣсной рѣчкѣ. Кругомъ — старый сосновый боръ и у рѣчки зеленые кусты.

Они уже часа четыре изъ дому. И теперь Осокинъ совсемъ влюбленъ въ Таничку. Они болтали все время, не переставая. Осокинъ рассказывалъ Таничкѣ и про гимназію, передразнивая всѣхъ учителей, и про французскую выставку въ Москвѣ и про Парижъ, гдѣ онъ никогда не былъ, но кажется ему, что былъ. Таничка рассказывала ему про жениховъ, которыхъ ей сватали въ уѣздномъ городѣ, про театръ, въ которомъ она была два раза. И Осокинъ все время открываетъ въ ней все новыя и новыя достоинства. Она такъ заразительно хохотала, когда онъ рассказывалъ про Цезаря въ синихъ очкахъ, и у нея круглая загорѣлая шейка, пушистыя рѣсницы, густыя брови, и вся она такая гибкая и сильная, какъ кошечка, говоритъ самъ себѣ Осокинъ, что онъ даже боится на нее много смотрѣть и часто отводитъ взглядъ въ сторону. Ему кажется, что его взглядъ передать ей все, что онъ думаетъ и чувствуетъ. А онъ самъ вспыхиваетъ отъ своихъ мыслей. Но Таничка часто поглядываетъ на него и, какъ ему кажется, разъ или два она взглянула удивленно, точно она ждала другого.

— Намъ нужно на ту сторону, кричитъ Таничка, сбѣгая къ рѣчкѣ. Будемъ бродъ искать.

Она садится на траву у воды и быстро стаскиваетъ съ себя маленькія красныя туфельки и чулки.

Когда Осокинъ подходитъ къ ней, она стоитъ на пескѣ, подбирая юбку сарафана, и Осокинъ видитъ ея круглыя, бѣлыя ноги съ тоненькими щиколками и маленькими розовыми

пальчиками. И ему нравится, что Таничка не обращает на него ни малѣйшаго вниманія.

Держа одной рукой платье и балансируя другой, Таничка осторожно сходить въ воду.

— Ой, какіе камни острые! кричитъ она. А вода, теплая, теплая!

Я купаться буду. Только не смѣйте смотрѣть на меня. Идите туда, за бугоръ, и не приходите, пока я не позову.

Осокинъ идетъ назадъ черезъ бугоръ и спускается опять къ ручью, дѣлающему поворотъ.

Сердце бьется и во всемъ тѣлѣ онъ чувствуетъ необыкновенно пріятное волненіе и легкую дрожь, точно онъ входитъ въ холодную воду, и ему весело и хочется смѣяться.

Онъ ложится на спину у воды и закуриваетъ папирску.

— Ау! доносится до него голосъ Танички. Ваня, Ванюшка, Иванъ Петровичъ, гдѣ вы?

Ау!

Ау! кричитъ Осокинъ, вскакивая на ноги.

— Зачѣмъ вы такъ далеко ушли-и-и! кричитъ Таничка, идите бли-и-же!

Осокинъ идетъ по берегу, пробираясь сквозь кусты. Ему кажется, что онъ еще далеко. Но вдругъ кусты разступаются, и онъ видитъ Таничку среди рѣчки, только до колѣнъ въ водѣ, совсѣмъ голую, бѣлую и сверкающую отъ воды на фонѣ зелени.

Видя его, Таничка хохочетъ, опускается на колѣни и бьетъ руками по водѣ и поднимаетъ вокругъ себя столбъ брызгъ.

— Не смѣйте уходить такъ далеко, кричитъ она. Я боюсь оставаться одна въ лѣсу.

На мгновеніе она опять вся поднимается изъ воды и смотреть прямо на Осокина, вызываяще и задорно. Ихъ глаза встрѣчаются и Осокину кажется, что въ этотъ моментъ они что-то говорятъ другъ другу.

У Осокина захватываетъ духъ отъ радостнаго волненія, а Таничка хохочетъ, показываетъ ему языкъ и бросается въ глубокое мѣсто подъ кустами.

— Почему вы покраснѣли? кричитъ она изъ воды, закрывая грудь руками. Вотъ я изъ-за васъ волосы намочила. Вы больше боитесь меня, чѣмъ я васъ. Идите въ лѣсъ. Я сейчасъ одѣваться буду. Домой пора.

Осокинъ медленно поднимается на бугоръ, слушая, какъ стучить его сердце. Потомъ опять съ другой стороны спускается къ ручью, и идетъ навстрѣчу Таничкѣ. Она уже одѣта, но босикомъ. Ему кажется, что она немножко вспыхиваетъ, когда онъ подходитъ къ ней, и смотреть на него такъ же вызывающе и задорно, какъ въ водѣ.

— Пора домой, говоритъ Таничка, точно ничего особеннаго не произошло, но въ то же время она взглядываетъ на Осокина опять какъ будто вопросительно и немножко удивленно.

Осокину хочется что-то сказать, но онъ не можетъ найти словъ. Нѣкоторое время они идутъ молча, и Таничка взглядываетъ на него, покусывая травку.

Осокинъ смотритъ на нее и самъ не можетъ понять, какъ еще вчера онъ могъ возиться съ ней, отнимая у нея какого-то зеленого жука, — какъ еще сегодня утромъ онъ могъ такъ просто и легко взять ее за талию и шутя прижать къ себѣ.

Теперь Таничка стала какая-то другая. Осокинъ чувствуетъ въ ней огромную тайну, и эта тайна пугаетъ его и волнуетъ и окружаетъ ее магическимъ кругомъ, черезъ который онъ не можетъ переступить.

Осокину хочется какъ-нибудь передать Таничкѣ свое рѣшеніе быть благоразумнымъ. Но онъ чувствуетъ, что это будетъ глупо. И она можетъ обидѣться. Выйдетъ, точно она пристааетъ къ нему, а онъ отказывается. Вѣдь она же ничего не сказала. А что она купалась при немъ, такъ это такъ удивительно хорошо! Почему она должна стыдиться его больше, чѣмъ эта зеленая березка? Она — такая же березка.

— Какой вы смиренный! стали, говоритъ Таничка. А утромъ совсѣмъ другой были! Что такое съ вами? Головка болитъ? Бѣдный мальчикъ!

Она быстро проводитъ рукой по головѣ Осокина, надвигаетъ ему на глаза фуражку и съ хохотомъ отскакиваетъ въ сторону.

— А какъ вамъ больше нравится? говоритъ Осокинъ, поправляя фуражку и чувствуя, что его благоразумныя рѣшенія подвергаются большимъ испытаніямъ.

— Конечно такъ, какъ теперь, Таничка тянетъ слово, барышня московская, институтка, сразу видно.

Фуражка опять налѣзаетъ на глаза Осокину. И Таничка опять съ хохотомъ отскакиваетъ въ сторону.

Осокинъ бросаетъ кошелки съ грибами, ловить Таничку, обхватываетъ ее сбоку за тонкую, гибкую талию и прижимается губами къ свѣжей, крѣпкой и нѣжной розовой щекѣ. Таничка вырывается у него и хохочетъ, и поцѣлуй Осокина попадаетъ на ея шею, затылокъ, високъ, горло. Наконецъ она вывертывается у него изъ рукъ и кричить:

— Смотрите, грибы разсыпали! Мои грибы! У, противный!

Она замахивается на Осокина.

— Полканъ, съѣшь его!

И Полканъ прыгаетъ вокругъ нихъ и лаетъ.

Таничка подбираетъ грибы и Осокинъ тоже подбираетъ и потомъ хватаетъ Таничку за руки, притягиваетъ къ себѣ и цѣлуетъ въ глаза, въ губы, въ щеки. И Таничка не сопротивляется, а наоборотъ, подставляетъ ему лицо и съ какимъ-то серьезнымъ выраженіемъ и съ опущенными глазами, точно прислушивается внутри самой себя къ его поцѣлuyмъ.

И потомъ они опять идутъ по зеленой лѣсной дорожкѣ, и Таничка поглядываетъ на Осокина и смѣется.

Слѣдующее утро. На разсвѣтѣ Осокинъ приотворяетъ дверь своей комнаты, внизу, около лѣстницы и заглядываетъ въ длинный корридоръ. Никого нѣтъ. Онъ отворяетъ дверь, и выпускаетъ Таничку. Она въ длинномъ бѣломъ капотѣ и съ платкомъ на плечахъ. На порогѣ она оборачивается, охватываетъ его руками за шею и цѣлуетъ въ губы долгимъ поцѣлуемъ, отъ котораго у нихъ у обоихъ захватываетъ дыханіе. Потомъ, ни слова не говоря, она закутываетъ голову платкомъ и беззвучно бѣжитъ вверхъ по лѣстницѣ. Осокинъ смотритъ ей вслѣдъ и, когда она исчезаетъ за поворотомъ, входитъ въ свою комнату.

Съ блуждающей улыбкой онъ заглядываетъ на измятую кровать, подходитъ къ окну, распакиваетъ его и высовывается въ садъ. Его сразу охватываетъ влажная, прохладная, душистая волна воздуха, полная шелеста зеленыхъ листьевъ, голосовъ, просыпающихся птицъ, солнечнаго свѣта на верхушкахъ деревьевъ. Онъ чувствуетъ, какъ расширяется его грудь, и ему хочется вдохнуть въ себя весь садъ.

Онъ садится на окно, спускаетъ ноги наружу и прыгаетъ внизъ.

Мокрая трава съ блестящими капельками росы, запахъ липы и откуда-то сразу взявшійся черный Полканъ, который взвизгиваетъ отъ радости, извивается, и съ лаемъ прыгаетъ на грудь Осокина.

— Пойдемъ на озеро, Полканъ, говоритъ Осокинъ, развѣ можно теперь ложиться спать!

И Полканъ, точно понимая его, махаетъ хвостомъ и мчится впередъ по аллеѣ.

У озера, въ верстѣ отъ дома, Осокинъ садится на пригорокъ подъ елками, кладетъ руку на мокрую голову Полкана, вытянувшего шею у него на колѣнкахъ, и задумывается съ блуждающей улыбкой на лицѣ.

Солнце пробивается изъ-за облаковъ и заливаютъ все озеро.

— Какъ это все ужасно странно, говоритъ Осокинъ. И она сама пришла. Но, Боже, какой идіотъ Толстой! Какую ерунду онъ написалъ въ этой Крейцеровой сонатѣ. Ну гдѣ здѣсь вся эта гадость и пошлость? Милая Таничка! Какъ я ее понимаю сейчасъ. Да, это именно настоящее. Все дѣло въ томъ, что все это принадлежитъ женщинѣ, и только женщина можетъ рѣшать и владѣть всѣмъ. Нужно понять это, тогда все станетъ совсѣмъ другимъ. Но почему люди не понимаютъ?

Онъ долго сидитъ, смотря на озеро и поглаживая голову Полкана. И все происшедшее проходитъ и проходитъ передъ нимъ, повторяясь опять въ тѣхъ же словахъ, въ тѣхъ же замираніяхъ сердца, въ тѣхъ же полуйсуганныхъ и радостныхъ ощущеніяхъ. Сразу упала какая-то завѣса, и жизнь заискрилась тысячами огней, и заклубилась уходящимъ туманомъ темная клевета и ложь, отпугивавшая отъ жизни.

За холмомъ въ деревнѣ пастухъ играетъ на свирѣли, длинные, длинные звуки съ переливами протягиваются, какъ золотыя нити, и больно и радостно касаются сердца. Да, да, Таничка. Она сама пришла. Какъ это хорошо. Пришла и стала смѣяться и дразнить его, и онъ началъ цѣловать ее, а она смѣялась и говорила, что онъ боится ее. Да, конечно, онъ не могъ предполагать, что Таничка окажется такой опытной.

Но развѣ она не права и не можетъ дѣлать то, что ей нравится? Конечно, права, конечно, можетъ! Что же въ са-

момъ дѣлѣ, развѣ лучше было бы, если бы она вышла замужъ въ уѣздномъ городишкѣ? А она завела себѣ «милаго дружка», какъ она выражается, и не стала дожидаться никакой свадьбы. Дядя, конечно, ничего не знаетъ. Но Таничка и теперь иногда видится съ молодымъ лѣсничимъ изъ Заозерья. И это ея не первый «дружокъ». Только у него жена въ Петербургѣ, и не сегодня завтра она пріѣдетъ. Чѣмъ же Таничка виновата? И какая она прелесть! Какъ у нея все естественно и мило. Какъ она, тихонько посмѣиваясь, позволяла ему раздѣвать себя и цѣловать. Какія у нея теплыя губы и вздрагивающее тѣло, грудь, плечи, ноги. Нѣтъ, это необыкновенно и чудесно! Какъ могутъ люди такъ клеветать на любовь, дѣлать изъ нея порокъ и преступленіе? Всѣ эти отвратительныя словечки, гнусныя выраженія... или медицинскіе, фізіологическіе термины... Развѣ здѣсь есть что-нибудь похожее на это? Конечно, нѣтъ! Это—то же самое, что звуки этой свирѣли.

А свирѣль пастуха потихоньку приближается и все больше и больше поднимаетъ въ душѣ Осокина какія-то волнующія, точно хорошо знакомыя, но забытыя мысли. Что-то вспоминается, что-то поднимается на поверхность изъ темныхъ глубинъ.

Теперь Осокинъ видитъ озеро передъ собой, все горящее отъ солнца, и бѣлыя облака съ золотой каймой и тихо шелестящіе зеленые камыши...

— Какъ безумно все хорошо, говорить онъ. Только зачѣмъ существуетъ смерть? Или, можетъ-быть, смерти нѣтъ! Вотъ сейчасъ я могу понять это. Ничто не умираетъ. Все существуетъ всегда. Только мы отходимъ, перестаемъ видѣть. Вчерашній день существуетъ. И Таничка купается, и я боюсь посмотрѣть на нее. Это не умерло и не можетъ умереть. И я всегда могу къ этому вернуться. Но вотъ тутъ есть какая-то тайна. Эту тайну мы называемъ смертью. Но на самомъ дѣлѣ смерть, это только наше непониманіе чего-то. Вотъ сейчасъ я это чувствую. Но почему это нельзя чувствовать всегда? Мы бы тогда ничего не боялись. И это мнѣ дала Таничка, Да, теперь я понимаю, что любовь, это—не только самое лучшее, но и самое важное и самое нужное въ жизни. И когда это приходитъ, все остальное должно молчать и уходить въ сторону. Какое тутъ можетъ быть

благоразуміе? Все на свѣтѣ не стоитъ этихъ двухъ часовъ. Если бы я зналъ, что сегодня мнѣ отрубать голову, я все равно такъ же бы цѣловалъ Таничку.

А сейчасъ мнѣ хочется летѣть надъ озеромъ, какъ я летаю во снѣ.

ГЛАВА XV.

Дядя.

Черезъ нѣсколько дней. Таничка на террасѣ съ какимъ-то шитьемъ. Осокинъ входитъ изъ сада.

— Я пойду послѣ обѣда на Зуево болото, кто со мной хочетъ идти? говоритъ Таничка нараспѣвъ, не поднимая головы и лукаво улыбаясь.

— Таничка, милая, я хочу, говоритъ Осокинъ, подходя къ ней. Только, знаешь, намъ слѣдовало бы быть немножко поосторожнѣе. Эти дни мы все время съ тобой вмѣстѣ, и это слишкомъ замѣтно.

— Ну такъ что жъ? говоритъ Таничка, откусывая нитку, и мелькомъ взглядывая на него.

— А то, что въ концѣ концовъ все можетъ кончиться очень скверно. Мнѣ кажется, что дядя очень подозрительно глядитъ на насъ. И прислуга, вѣроятно, уже болтаетъ. Я увѣренъ, что тебя кто-нибудь видѣлъ, когда ты третьего дня выскочила у меня изъ окна утромъ.

— Трусиншка! говоритъ Таничка презрительнымъ тономъ. Вотъ барышня то... всего боится! Ну и пускай видѣли, ну и пускай болтаютъ. Я ничего не боюсь. Она задорно встраиваетъ головкой.

— Таничка милая, не сердись, говоритъ Осокинъ, ты сейчасъ ужасно похожа на Бѣлоножку, когда она капризничаетъ.

— Ты все смѣешься надо мной, говоритъ Таничка, надувая губы, то я на Бѣлоножку похожа, то еще не вѣсть что...

— Не сердись, милая.

— Пойдешь за грибами?
— Поцѣлуй меня, пойду!
— Вотъ еще, дорого просите.
— Ну дай шейку поцѣловать.
— Пальчикъ... Ахъ да ну тебя, забыла совѣмъ. На столъ накрываютъ. Мнѣ закуску посмотрѣть надо.
Таничка убѣгаетъ.

— Она милая, говоритъ Осокинъ, только мы ходимъ по самому краешку и должны оборваться. Какъ это все налетѣло сразу...

Онъ идетъ за Таничкой.

Въ столовой Таничка, нагнувшись надъ столомъ, размѣшиваетъ горчицу съ какими-то соями для селедки. Осокинъ подкрадывается къ ней и цѣлуетъ ее въ шею. Она вскрикиваетъ и замахивается на него полотенцемъ. Осокинъ хватается ее за талию, прижимаетъ къ себѣ всѣмъ тѣломъ и цѣлуетъ въ губы.

Таничка слабо сопротивляется и переворачивается въ рукахъ Осокина, подставляя ему по очереди щеку, ушко, шейку.

Въ это время дверь открывается и на порогѣ появляется и останавливается дядя. Таничка отскакиваетъ отъ Осокина.

— Ну вотъ! мысленно говоритъ Осокинъ. Я зналъ, что это такъ будетъ.

Ему и непріятно, и стыдно, и сердце бьется сильными ударами. Ему досадно, что онъ не можетъ скрыть своего волненія, и въ то же время смѣшно—до такой степени все разыгралось такъ, какъ онъ представлялъ себѣ.

Дядя смотритъ на нихъ и, ничего не сказавъ, идетъ къ столу. Осокинъ чувствуетъ себя очень глупо. И хуже всего, что нужно садиться за столъ и дѣлать видъ, что ничего не произошло. Таничка сконфужена и вся малиновая разливаетъ супъ, стараясь не глядѣть ни на дядю, ни на Осокина. Дядя видимо взбѣшенъ, но ничего не говоритъ. Осокину больше всего хочется уйти.

Дядя нехотя проглатываетъ рюмку водки и ѣстъ супъ.

Молчаніе начинаетъ дѣлаться тягостнымъ.

— Куда ѣздили? спрашиваетъ дядя сердитымъ тономъ.

— Въ Орѣхово за газетами, говоритъ Осокинъ.

— Можно было конюха послать.

— Что онъ этимъ хочетъ сказать, думаетъ Осокинъ, что я ничего не дѣлаю?

— Гоняешь безъ дѣла, точно отвѣчая ему, говоритъ дядя. Потомъ послѣ большой паузы прибавляетъ:

— Мнѣ съ тобой нужно поговорить, зайди ко мнѣ въ четыре часа.

Наконецъ обѣдъ кончается.

Осокинъ идетъ въ садъ, потому обходить вокругъ дома. Танички нигдѣ не видно.

У Осокина какое-то брезгливое чувство ко всему, что случилось, но въ то же время онъ съ удивленіемъ замѣчаетъ, что у него очень спокойно на душѣ, спокойнѣе, чѣмъ было утромъ. Точно что-то, что должно было случиться, случилось — и теперь ему легче, потому что больше отъ него уже ничто не зависитъ. Будетъ, что будетъ. Думать ему не хочется.

— Все равно, говоритъ онъ себѣ. Чортъ бы побралъ все это. Я зналъ, что такъ будетъ. Но я ничего не могъ сдѣлать иначе. Если бы все повторилось, я дѣлалъ бы то же самое. Конечно было глупо цѣловаться съ Таничкой въ столовой. Но все равно рано или поздно мы должны были кому-нибудь попасться. Интересно, что старикъ скажетъ. Но, что бы тамъ ни было, я знаю, что не могъ отказаться отъ Танички. Значитъ, я шелъ на все. И теперь поздно плакать. И, наконецъ, все это было! Я цѣловалъ и любилъ Таничку. Этого ужъ у меня никто не отниметъ.

Осокинъ идетъ въ рощу за садомъ. Выходитъ въ поле. Долго сидитъ на опушкѣ почти безъ мыслей. Потомъ возвращается назадъ. Еще только три часа.

— Гдѣ барышня? спрашиваетъ онъ, пробѣгающую черезъ дворъ горничную.

— Поливановская барыня пріѣзжали, онъ съ ними уѣхали, на нашихъ лошадяхъ, своихъ отдыхать оставили.

Поливаново въ сорока верстахъ.

— Чортъ туда понесъ Таничку, думаетъ Осокинъ. Значитъ, раньше завтрашняго вечера она не пріѣдетъ. Это вѣрно дядя ее отправилъ. Что такое у него на умѣ?

Ему дѣлается скучно и непріятно.

Онъ идетъ въ садъ и долго куритъ подѣ старой яблоней.

Въ четыре часа Осокинъ заходитъ къ дядѣ. Тотъ сидитъ въ кожаномъ креслѣ передъ большимъ столомъ. На столѣ запечатанное письмо.

— Садись, говоритъ дядя, не смотря на него.

Видимо ему неприятенъ разговоръ съ Осокинымъ, и онъ хочетъ поскорѣй отдѣлаться.

И Осокинъ чувствуетъ и въ настроеніи дяди и въ томъ, что онъ сейчасъ скажетъ, что-то изъ того скучно-серьезнаго міра, всегда враждебнаго ему и совершенно непохожаго на фантастическій міръ поцѣлуевъ, мечтаній, голыхъ плечей Танички, восходовъ солнца надъ озеромъ, одинокихъ поѣздокъ верхомъ по лѣсной дорожкѣ. И онъ живо ощущаетъ глубокую внутреннюю враждебность этихъ двухъ міровъ.

— Твоя мать написала мнѣ незадолго до смерти, говоритъ дядя. И я обѣщалъ ей позаботиться о тебѣ.

Осокинъ смотритъ на серебряную чернильницу на столѣ. Если между двумя чернильницами сдѣлать круглый мостикъ, то будетъ похоже на прудъ въ Сокольникахъ. Что такое говоритъ дядя?

... Теперь я вижу, что ты здѣсь бездѣльничаешь, бьешь баклуши, и я рѣшилъ отправить тебя въ Петербургъ. Нечего тамъ думать о заграничныхъ университетахъ. Разъ ужъ тебя исключили изъ гимназій, значить, для этого не годишься.

Не перебивай меня.

Вотъ что я говорю. Я вижу, какъ ты готовишься. И я рѣшилъ опредѣлить тебя въ юнкерское. Будешь работать, будешь офицеромъ. Поѣдешь въ Петербургъ. Вотъ тебѣ письмо къ полковнику Ермилову. Это мой пріятель. У него школа для подготовки въ военные училища. У него и жить будешь. Вотъ деньги на дорогу. На мелкіе расходы тамъ, на платье будешь получать отъ Ермилова. Собери свои вещи. Десять тридцать поѣздъ въ Горьловѣ. Въ семь часовъ выѣдешь, какъ разъ поспѣешь.

Дядя встаетъ.

— А я сейчасъ ѣду въ Поливаново. По прежнему не смотря на него, дядя протягиваетъ ему руку и послѣ короткаго рукопожатія уходитъ въ другую комнату.

Осокинъ идетъ къ себѣ. Онъ и обиженъ и разстроенъ, и какой-то комокъ подходитъ ему къ горлу, и въ то же время

онъ чувствуетъ съ удивленіемъ, что онъ почти радъ! Чему? Онъ самъ не можетъ отвѣтить. Но впереди что-то новое, неизвѣстное. Завтра будетъ то, чего не было вчера. И это новое уже влечетъ его. Только, какъ же Таничка? Ему дѣлается грустно и какъ-то физически больно въ груди, а вмѣстѣ съ тѣмъ поднимается все болѣе и болѣе непріятное чувство къ дядѣ. Главное, ему стыдно сознаваться себѣ теперь, что онъ почти началъ любить дядю.

— Если онъ можетъ такъ относиться ко мнѣ, говорить Осокинъ, то я очень радъ, что все это такъ произошло. Если бы онъ хотѣлъ, то могъ бы найти тысячу другихъ выходовъ. Почему онъ думаетъ, что имѣетъ право распоряжаться нами? Конечно, я теперь ничего не покажу ему. Но, если онъ думаетъ, что заставитъ меня отказаться отъ Танички, то онъ очень ошибается.

Въ головѣ у Осокина сразу создается тысяча плановъ. Ни въ какое юнкерское онъ готовиться въ Петербургъ не будетъ, а найдетъ себѣ работу въ журналахъ, переводы съ англійскаго и съ итальянскаго, будетъ готовиться въ университетъ и выпишетъ къ себѣ Таничку.

Нужно только написать Таничкѣ, чтобы она знала и ждала и не думала, что онъ забудетъ ее такъ же, какъ ее забывали ея другіе «милые дружки».

Онъ достаетъ бумагу и пишетъ: «Милая Таничка, дядя отправляетъ меня въ Петербургъ готовиться въ юнкерское. Но я буду готовиться въ университетъ. Не забывай меня. Мы скоро увидимся. Какъ и что, пока ничего не скажу. Но жди отъ меня письма. Я напишу въ Горѣлово до востребованія. Тебѣ передадутъ оттуда, когда придетъ письмо. Цѣлую тебя крѣпко, крѣпко. Какъ тогда у озера, помнишь? Твой И. О».

Потомъ онъ запечатываетъ письмо и смотритъ на часы. Уже шестой часъ. Странное ощущеніе, часъ съ небольшимъ прошелъ послѣ этого разговора, а Осокину кажется, что его уже здѣсь нѣтъ. Все стало чужимъ. И въ душѣ сильнѣе всего звучитъ нетерпѣніе: — скорѣе ѣхать.

Письмо дамъ Митькѣ, сообщаетъ Осокинъ, и велю ему передать Таничкѣ не дома, а въ саду. Онъ это сумѣетъ сдѣлать.

Ну ладно, мы еще посмотримъ. Теперь нужно укладываться. Да, я понимаю, почему мнѣ стало почти пріятно, что я

отсюда уйду. Я все время чувствовалъ какое-то раздражающее наблюденіе за собой. И то, что я не занимаюсь, и то, что я лишній разъ верхомъ пройду, и Таничка... Все равно я не могъ бы здѣсь жить долго. Я хочу имѣть право дѣлать то, что я хочу, а не то, что кто-нибудь другой находитъ хорошимъ или нужнымъ. Ничему я никогда не подчинялся и ничему не подчинюсь.

Черезъ два часа Осокинъ съ чемоданомъ ѣдетъ на тройкѣ на станцію. Бѣлоножка идетъ правой пристажной. У Осокина тяжело на душѣ, ползутъ какія-то безнадежныя мысли. И онъ думаетъ опять о матери и о томъ, что пока она была жива, онъ не сдѣлалъ ничего, что хотѣлъ сдѣлать для нея.

— Все это было важно тогда, говорить онъ себѣ. Теперь мнѣ все равно. Я ничего не хочу, и мнѣ все безразлично.

Въ памяти у него почему-то всплываетъ комната волшебника и вспоминается весь разговоръ съ нимъ. Все это теперь кажется сномъ, или фантазіей, но какимъ-то страннымъ сномъ, который гораздо реальнѣе дѣйствительности — и рядомъ съ которымъ превращается въ сонъ вся дѣйствительность.

Тройка, стуча копытами, шагомъ переѣзжаетъ черезъ мостъ. Бѣлоножка косится на рѣку и, перебирая ногами, жмется къ кореннику. Больно колотится сердце. Вчера они шли здѣсь съ Таничкой. И кромѣ того, когда-то давно, давно, было то же самое, та же тройка, та же рѣчка, та же самая колющая въ сердце тоска. Все было. Осокину дѣлается невыразимо грустно и хочется плакать.

И въ то же время впереди, въ непонятномъ завтра, уже что-то мелькаетъ, что-то зоветъ къ себѣ, чувствуется что-то неизбежное и влекущее.

ГЛАВА XVI.

Чортова механика.

Еще черезъ два съ половиной года. Осокинъ — юнкеръ московскаго военнаго училища. Ему девятнадцать лѣтъ. Черезъ полгода онъ долженъ кончить училище.

Осокинъ приходитъ въ гости къ своему гимназическому товарищу Соколову. Соколовъ — студентъ-юристъ. Онъ недавно получилъ наслѣдство; у него хорошая квартира и играютъ въ карты. Гости. Нѣсколько молодыхъ людей, одинъ офицеръ, одинъ старый актеръ и дамы — двѣ француженки и двѣ опереточныя актрисы.

Осокинъ сидитъ у стола съ закуской, со стаканомъ вина и съ папирской и смотритъ на играющихъ. Обѣ француженки и одна изъ актрисъ — очень хорошенькія, утрированно-нарядныя, надушенныя и напудренныя. Онѣ кричатъ, хохочутъ. Ничего рѣзкаго или непріятнаго, но все-таки это — опредѣленный типъ. Его вниманіе привлекаетъ больше четвертая, это странно задумчивая блондинка въ черномъ платьѣ съ небольшимъ четырехугольнымъ вырѣзомъ на груди. Она не бросается въ глаза сразу, но въ сущности интереснѣе всѣхъ. У нея тонкій профиль, глаза съ большими темными рѣсницами и замѣчательно спокойная манера держаться, просто и съ достоинствомъ. Съ ней и говорятъ совсѣмъ иначе, чѣмъ съ другими. Она производитъ впечатлѣніе дамы изъ общества. Она могла бы быть, гдѣ угодно, и вездѣ нашла бы, что говорить и какъ говорить.

Въ то же время въ ней чувствуется больше чего-то ударающаго въ голову, какъ шампанское, чѣмъ въ трехъ первыхъ, вмѣстѣ взятыхъ. Чувствуется, что она можетъ быть

совсѣмъ другой, если захочетъ. Осокинъ смотритъ на ея руки, открытыя до локтей, бѣлыя съ синими жилками, и онъ необыкновенно сильно и ярко чувствуетъ въ ней женщину.

Они встрѣчаются уже третій разъ, и ему кажется, что въ коротенькихъ разговорахъ между ними идетъ какой-то одинъ, только имъ понятный другой разговоръ.

И, вообще, съ ней пріятно говорить. Она все знаетъ, всѣмъ интересуется.

Она чувствуетъ его взглядъ и обращивается къ нему.

— Идите мнѣ помогать, говорить она. Я все время проигрываю.

Осокинъ подходитъ къ столу.

— Все равно мнѣ скоро уходить, говорить онъ, не стоитъ начинать.

— Ну попробуйте, поиграйте за меня.

Отъ нея пахнетъ какими-то тонкими, чуть слышными духами, похожими на нее, и, нагибаясь надъ ея картами, Осокинъ видитъ въ разрѣзѣ платья ея грудь, то же, какъ руки, бѣлую съ синими жилками. И ему дѣлается весело и радостно. Онъ садится рядомъ съ ней и придвигаетъ свой стулъ почти вплотную къ ея стулу. Она улыбается. И Осокина охватываетъ особое чувство, которое онъ хорошо знаетъ. — Сейчасъ все будетъ дѣлаться такъ, какъ онъ хочетъ, но потомъ ему придется дорого заплатить за это.

— Пускай! мысленно говорить Осокинъ, ощущая тепло, идущее отъ сосѣдки.

Сдають. Осокинъ приподнимаетъ ея карты.

Нѣкоторые прикупають. У Осокина семь.

— Карточку, говорить онъ.

Ему даютъ. Двойка!

— Восемь, говорить Соколовъ.

— Девять, говорить Осокинъ и передвигаетъ порядочную кучу бумажекъ своей сосѣдкѣ.

— Bravo, bravo! кричить она. Нѣтъ, вы не должны уходить. Я не пущу васъ. Я бы ни за что на свѣтѣ не рѣшилась прикупать къ семеркѣ

— Иногда нужно, говорить Осокинъ. Но только иногда.

— А какъ это узнать?

— Нужно чувствовать, когда нужно и когда нѣтъ?

— Ну хорошо, пожалуйста, чувствуйте сегодня за меня.

— Увы я могу чувствовать только полчаса. У меня отпускъ до двѣнадцати, и я долженъ быть въ училищѣ безъ пяти двѣнадцати.

— Ну, а если вы опоздаете, васъ въ уголъ поставятъ?

— Хуже, мнѣ сбавятъ баллы, и тогда я не попаду въ первый разрядъ. Я уже на замѣчаніи. А если на много опоздаю, могутъ исключить.

— Неужели за это могутъ исключить?

— Видите, насъ приучаютъ къ дисциплинѣ. И поэтому всему придается особое значеніе. Отпускъ до двѣнадцати, значитъ, я долженъ умереть, а быть въ училищѣ къ двѣнадцати. Но это еще что, есть вещи хуже. Напримѣръ, мы не имѣемъ права возражать, что бы намъ ни говорили. Это — самое трудное. Представьте себѣ, что вамъ говорятъ, что-нибудь очень несправедливое и чего совсѣмъ не было, обвиняютъ васъ въ чемъ-нибудь. И вы должны молчать.

— Я бы не могла, рѣшительно заявляеть сосѣдка Осокина.

— Но тогда васъ исключили бы изъ юнкерскаго.

Пріостановившаяся игра начинается. Осокинъ выигрываетъ. Приносятъ крющонъ. Къ Осокину съ его сосѣдкой подходитъ Соколовъ.

— Помнишь, я тебѣ предсказывалъ въ гимназіи, что у тебя будетъ рыжая борода, говорить Осокинъ — и что ты будешь адвокатомъ. Первое исполнилось. На второе будемъ надѣяться. Во всякомъ случаѣ ты на юридическомъ, а не въ институтѣ путей сообщенія, какъ собирался. Что ты на это скажешь?

— Вы умѣете предсказывать? спрашиваетъ сосѣдка Осокина.

— Да, я все знаю впередъ, говоритъ Осокинъ, только не для всѣхъ.

— А мнѣ можете предсказать что-нибудь?

— Вамъ не знаю, кажется нѣтъ. Но себѣ я часто предсказываю. И иногда это — ужасно непріятно. Понимаете, я все знаю впередъ, и ничего не могу измѣнить. Точно это заколдовано!

— Ну, а теперь вы что видите?

Осокинъ смѣется.

— Теперь я вижу, что меня выставятъ изъ училища, если я сейчасъ не пойду. Въ самомъ дѣлѣ нужно идти.

— Ахъ какъ жалко, я безъ васъ опять все проиграю. Можетъ-быть, можно какъ-нибудь остаться?

— Можно то можно, говоритъ Осокинъ, только это очень сложно. Тогда придется заболѣть, и нужно будетъ доставать докторское свидѣтельство.

— Мы вамъ напишемъ! кричитъ другая актриса черезъ столъ.

Игра опять идетъ, и Осокинъ опять выигрываетъ.

— Я знаю, этого не слѣдуетъ дѣлать, говоритъ Осокинъ, только для васъ. И потомъ, я думаю, все-таки черезъ пять минутъ итти. Если проиграю, уйду! Хорошо?

Осокинъ выигрываетъ. Играютъ дальше.

— Ну вотъ, я, кажется, уже заболѣлъ, со вздохомъ говоритъ Осокинъ, передавая деньги своей сосѣдкѣ и тихонько пожимая кончики ея пальцевъ.

— Я васъ буду лѣчить, смѣется она.

— Хорошо, говоритъ Осокинъ, уговоръ лучше денегъ. Но вы себѣ представить не можете, какъ мнѣ надоѣдаетъ все знать впередъ.

— Что вы знаете сейчасъ?

— Я знаю, что будетъ что-то скверное, говоритъ Осокинъ, но мнѣ все равно. Иногда на меня находятъ такое настроеніе, что мнѣ хочется итти наперекоръ, въ разрѣзъ. Пускай будетъ, что будетъ.

— И вы знаете только это, больше ничего? Она искоса взглядываетъ на Осокина, улыбаясь глазами. И Осокину дѣлается даже страшно, что онъ могъ быть такимъ дуракомъ, и могъ уйти въ училище. Конечно, онъ поѣдетъ ее провожать... Между ними уже что-то рѣшено...

Игра идетъ. Теперь Осокину кажется, что онъ дѣйствительно знаетъ другое. Онъ выигрываетъ больше всѣхъ и ухаживаетъ за своей сосѣдкой.

Разъѣзжаются подъ утро и Осокинъ ѣдетъ провожать свою партнершу.

— Я вернусь къ тебѣ, говоритъ онъ Соколову, отведя его въ сторону.

— Скажи, если тебя пустать! Это, братъ, тебѣ не юнкерское училище. Попробуй вонъ тутъ нарушить дисциплину.

Черезъ три недѣли. Осокинъ сильно похудѣвшій сидитъ у Соколова. Его исключили изъ училища и отправляютъ въ полкъ вольноопредѣляющимся.

— Ты Расскажи толкомъ, какъ все вышло, говоритъ Соколовъ.

— Ну... сначала, я поѣхалъ провожать... ты знаешь?

— Ну да, Анну Степановну.

— Ну и остался у нея. Она — прелесть. Но дѣло не въ этомъ. Днемъ нужно было уходить. Ей было неудобно, чтобы я оставался до вечера. Вышелъ отъ нея и на первомъ же углу наткнулся на жандармскаго полковника. Ну, естественно, онъ сейчасъ же отобралъ у меня билетъ и послалъ меня въ училище доложить дежурному офицеру, что и какъ. Тамъ меня, раба Вожьяго, подъ арестъ, вспомнили еще какіе-то старые грѣхи и держали подъ арестомъ три недѣли. Это братъ тоже конфетка. Ну, а въ заключеніе — изъ училища вонъ, и въ солдаты, къ чорту на кулички, въ пѣхотный полкъ, въ Среднюю Азію, на Персидскую границу. Да, еще спасибо, что дали нѣсколько дней сроку и позволили ѣхать на свой счетъ.

— Ловко вышло. Везетъ тебѣ, какъ утопленнику.

— Вотъ ужъ именно.

— Анна Степановна все справлялась о тебѣ. Ей нужно было уѣзжать, и она не хотѣла ѣхать, не узнавъ о тебѣ. Мы уже черезъ Крутицкаго узнавали для нея, что ты живъ или умеръ. Сказали, что живъ и сидишь подъ арестомъ.

— Она въ Петербургъ уѣхала?

— Да.

— Ну, а я, значитъ, опять съ разбитымъ корытомъ. Но, понимаешь, мнѣ ни капельки не жалко. Я думаю, изъ васъ этого никто не пойметъ.

— Что же ты теперь будешь дѣлать?

— Что дѣлать? Теперь только одно — поѣду въ полеъ. Дальше видно будетъ. Но подумай, какая подлость, что я это все зналъ заранѣе.

— Если зналъ, зачѣмъ же дѣлалъ?

— Да, пойдѣ, не сдѣлай. Чудакъ ты! Ты, очевидно, понятія не имѣешь, что это за чортова механика. Вѣдь въ томъ-то вся и штука, что ничто не дѣлается сразу. Все дѣлается понемножку. Я вотъ это только теперь начинаю понимать. А

понемножку может сдѣлаться чортъ знаетъ что. И ты самъ не замѣтишь этого, пока все не выйдетъ такъ, какъ должно выйти. И замѣть еще, издали ты все видишь. А когда подходишь вплотную къ вещамъ, ты перестаешь видѣть цѣлое, а начинаешь видѣть только отдѣльныя части, мелочи, которыя ничего не значать. Нѣтъ, братъ, это такая ловушка, что самъ чортъ ногу сломаетъ.

— Ну, значить, будемъ тебя провожать.

— Да, больше ничего не остается. Можете провожать.

— Ну, что же ты все-таки будешь дѣлать?

— Чудакъ! Теперь буду солдатомъ, больше ничего. Меня могутъ скоро отпустить. А когда отпустить, тогда будетъ видно. Я думаю, что дядя меня больше знать не захочетъ. Я ему и писать не буду. Значить, что же я могу сказать теперь? Мнѣ кажется, что долженъ быть какой-то поворотъ. Но откуда онъ придетъ, я ничего не знаю.

ГЛАВА XVII.

Парижъ.

Черезъ четыре года. Осокинъ—студентъ въ Парижѣ. Когда онъ кончилъ военную службу, умерла его тетка, и онъ получилъ маленькое наслѣдство, которое дало ему возможность поѣхать за границу. Сначала онъ путешествовалъ, былъ въ Швейцаріи, въ Англіи, въ Испаніи. Но уже два года живетъ въ Парижѣ. Слушаетъ разныхъ профессоровъ, но все не можетъ остановиться ни на какомъ опредѣленномъ факультетѣ.

Осокинъ съ молодой американкой-студенткой идутъ по набережной Сены, гдѣ стоятъ лари букинистовъ. Они продолжаютъ разговоръ.

— Я вѣрю въ судьбу, говорить Осокинъ. Я знаю, что наше будущее гдѣ-то написано, и мы только читаемъ его страница за страницей. И кромѣ того въ дѣтствѣ у меня были странныя фантазіи. Мнѣ казалось, что я жилъ раньше. Напримѣръ, я зналъ Парижъ, хотя, конечно, не былъ здѣсь. И даже теперь иногда мнѣ кажется, что я когда-то раньше жилъ въ Парижѣ. Когда я читалъ Нитче о вѣчномъ возвращеніи, я вспомнилъ всѣ эти фантазіи. И мнѣ кажется теперь, что на самомъ дѣлѣ все повторяется.

— А вы знаете Стивенсона, Robert Louis Stevenson, говорить его спутница: *The Song of The Morrow*?

Осокинъ вздрагиваетъ и смотритъ на нее.

— Что съ вами?

— Такъ, это удивительно! Какъ я могъ забыть? Конечно, знаю. Какъ это начинается?

— *The King of Duntrine had a daughter...* начинается она медленно... *when he was old. And she was the fairest*

King's daughter between two seas... Осокинъ слушаетъ эти слова, какъ замороженный. Передъ нимъ вереницей бѣгутъ картины, въ которыхъ ему странно самому себѣ признаться. Утро въ гимназiи, когда онъ читалъ про себя эту сказку, чтобы доказать себѣ, что онъ жилъ раньше. И всѣ мысли и ощущенiя, относившіяся къ тому, что тогда въ гимназiи казалось прошлымъ и что теперь въ Парижѣ кажется будущимъ. Что же это значить? Осокину кажется, что если бы онъ на мгновеніе могъ задержать эти мысли, онъ бы все понялъ. Но онѣ бѣгутъ такъ быстро, что онъ ничего не успѣваетъ схватить, и у него остается только общее ощущеніе, что все перевертывается,—прошлое дѣлается будущимъ, а будущее прошедшимъ. И на мгновеніе ему кажется, если бы онъ смогъ или рѣшился посмотрѣть на будущее, какъ на то, что уже было, онъ увидалъ бы его, какъ вчерашній день.

И въ то же время опять знакомое чувство, прежде бывавшее такъ часто и теперь приходящее все рѣже и рѣже. Все, что окружаетъ его, уже было. Такъ же текла рѣка, такъ же туманъ лежалъ надъ водой; такъ же изъ подъ чернаго фѣтра выбивались золотистые локоны у его спутницы и такъ же звучалъ ея голосъ.

— А вы помните конецъ, самый конецъ? говоритъ Осокинъ.

— Помню... Она медленно читаетъ конецъ сказки.

— Удивительно! говоритъ Осокинъ про себя. Почему эти слова вызываютъ во мнѣ столько ощущенiй. Я чувствую, что это идетъ прямо отъ словъ помимо смысла, точно я зналъ что-то связанное съ ними, но съ каждымъ годомъ все больше и больше забываю.

— Замѣчательная вещь эта сказка, говоритъ онъ вслухъ. Какъ вы понимаете человѣка въ плащѣ съ капюшономъ? Кто онъ или что онъ?

— Не знаю, медленно говоритъ спутница Осокина. И мнѣ кажется, это даже не нужно стараться понять. Такія вещи нужно просто чувствовать. Я чувствую это, какъ музыку. А объясненiя музыки всегда казались мнѣ смѣшными.

Они доходятъ до place St. Michel и Осокинъ прощается съ ней.

— Вы будете у моего брата? спрашиваетъ она.

— Вѣроятно, я еще не знаю.

— Скажите, что я его завтра жду.

Осокинъ поворачиваетъ назадъ къ мосту.

— Въ самомъ дѣлѣ, итти туда или не итти? говорить онъ, оставаясь одинъ. По настоящему говоря, не слѣдуетъ. Слишкомъ нелѣпо богаты всѣ эти наслѣдники миллиардеровъ. Нелли—славная, это правда, только у насъ съ ней далеко дѣло не пойдетъ. Во-первыхъ эти миллионы, во-вторыхъ Лулу мнѣ глаза выпарапаетъ, а въ-третьихъ мнѣ кажется, что Нелли—слишкомъ добродѣтельна для меня. Она, вѣроятно, носить такой вязанный combination underwear и занимается гимнастикой по утрамъ. Я не могу себя представить, какъ она будетъ любить. Вѣроятно, она будетъ краснѣть, закрывать глаза и терпѣливо переносить все — и предпочитать при этомъ, чтобы было темно. И она всегда будетъ ровной, милой и разсудительной. Мнѣ кажется, я очень скоро сбѣгу отъ такой женщины. Лулу, это — воплощенная нелѣпость, самая восхитительная, какая только можетъ быть. Отъ нея никогда не знаешь, чего ожидать. Каждый день она другая. Постоянно расстаешься съ одной Лулу и встрѣчаешься съ другой. Вчера она устроила мнѣ сцену за то, что я не почувствовалъ ее на улицѣ, когда она шла сзади меня. Увидала издали, нарочно догнала, шла за мной, и я не почувствовалъ. Значить, я ее не люблю. Значить, я могу ѣхать въ свою Россію, а она поѣдетъ въ свой Марсель и такъ далѣе, и такъ далѣе. А на прошлой недѣлѣ, Господи что было! Она увидала во снѣ, что я выбросилъ въ окно ея японскаго пѣсика. И она три дня не пускала меня къ себѣ, кричала, что я варваръ, что она мнѣ этого никогда не проститъ, что она меня боится и тому подобное. Иногда мнѣ хочется избить ее хлыстомъ за эти нелѣпости, но это настоящая женщина. Нѣтъ, я ей куплю эту брошку съ желтыми камнями. И для этого специально пойду сегодня играть въ рулетку у сыновѣй миллиардеровъ. Хотя, по правдѣ сказать, мнѣ не слѣдуетъ туда ходить. Слишкомъ сильно тамъ пахнутъ миллионами. А мнѣ этотъ запахъ вреденъ. Ну, рѣшимъ, послѣдній разъ! Я пожалуй даже и не пошелъ бы, но ужасно скучно. Лулу—милая. Но вчера я былъ у нея цѣлый день и вечеръ. И намъ лучше видѣться не каждый день. Въ большихъ дозахъ мы начинаемъ дѣйствовать на

нервы другъ другу. И въ концѣ-концовъ Лулу слишкомъ примитивна, чтобы съ ней можно было проводить цѣлые дни. А иначе, куда же дѣваться? Читать или сидѣть въ кафе? Курьезно это, но мнѣ начинаетъ казаться, что моя жизнь здѣсь приняла слишкомъ спокойное теченіе. Что-то уже очень благополучное, даже буржуазное, получился какой-то халатъ и туфли, совсѣмъ не въ моемъ стилѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ Осокинъ въ холостой квартирѣ Боба Мартенса, брата Нелли. Нѣсколько американцевъ, студентовъ и художниковъ и молодой лордъ, только-что получившій наслѣдство и титулъ. На столѣ — рулетка. Пьютъ виски съ содой и шампанское, курятъ. Всѣ возбуждены и окружаютъ рулетку. Идетъ большая игра. Лордъ проигрываетъ шестую тысячу фунтовъ, и весь столъ заваленъ золотомъ и бумажками. Осокинъ ставитъ на номера по двадцать франковъ и проигрываетъ. Проигравъ послѣдній золотой, онъ уходитъ отъ стола. Лордъ беретъ большую ставку и къ нему переходитъ банкъ.

Осокинъ злится на себя и залпомъ выпиваетъ два стакана виски съ содой.

— Чортъ бы ихъ побралъ, думаетъ онъ. Они могутъ швыряться тысячами фунтовъ. А для меня пятьсотъ франковъ — большія деньги. Но глупо, что я мало взялъ. За вечеръ счастье должно обернуться, и я десять разъ могъ бы отыграться.

— Что вы такъ сидите, точно наказанный, говоритъ, подходя къ нему, Бобъ Мартенсъ, попробуйте шампанское, это Lanson, Père et fils, любимая марка Эдуарда VII.

— Проигрался, говоритъ Осокинъ. Можно чеки ставить?

— Конечно, можно, только не совѣтую забираться далеко, наши молодцы разошлись сегодня.

Осокинъ достаетъ чековую книжку и пишетъ нѣсколько чековъ по сто франковъ.

— Да, чѣмъ вамъ трудиться писать столько чековъ, давайте я вамъ размѣняю, говоритъ высокій молодой американецъ съ веселымъ бритымъ лицомъ и гладкими желто-бѣлыми волосами, приготовляющій себѣ у стола „опаловую муть“ по-парижски изъ абсента, на который онъ капаетъ воду черезъ сахаръ.

— Сколько вамъ?

Онъ достаетъ горсть бумажекъ и золота изъ кармана и считаетъ.

— У меня англійскія деньги, говоритъ онъ, двѣсти, триста, пятьсотъ фунтовъ. Довольно?

— Много, куда мнѣ, смѣется Осокинъ. Дайте сто. Это будетъ двѣ тысячи пятьсотъ франковъ.

Онъ пишетъ чекъ и передаетъ его американцу.

Тотъ засовываетъ деньги и чекъ въ карманъ брюкъ отхлебываетъ изъ своего стакана и со стаканомъ идетъ къ игорному столу. Осокинъ тоже встаетъ.

Черезъ четверть часа у него не остается ничего. Онъ проигралъ и сто фунтовъ и нѣсколько написанныхъ раньше чековъ по сто франковъ.

— Я говорилъ, что вамъ не хватитъ. Нужно еще? добродушно говоритъ молодой американецъ съ желтыми волосами, садясь около него. Давайте попробуемъ это шампанское.

— Дайте мнѣ еще тысячу франковъ, говоритъ Осокинъ. Нужно отыгаться.

Въ глубинѣ души онъ чувствуетъ, что дѣлаетъ глупость. Онъ и такъ проигралъ столько, что боится себѣ самому признаться. Играть дальше, это — безуміе. Онъ знаетъ, что ему нужно встать и уйти. Но вмѣсто этого онъ пьетъ шампанское, пишетъ чекъ, беретъ еще денегъ и идетъ къ игорному столу.

Ставитъ сто франковъ на нуль и выигрываетъ. Ставитъ еще сто и опять выигрываетъ. Это его ободряетъ.

— Попробую на номера, говоритъ онъ себѣ. Если верну свое, положу деньги въ лѣвый карманъ и больше не трону. Буду играть только на выигрышъ.

Онъ ставитъ по сто франковъ на номера и проигрываетъ разъ за разомъ. Черезъ десять минутъ у него опять нѣтъ денегъ.

— Нужно уходить, говоритъ онъ себѣ. И ему хочется на воздухъ. Игра уже надоѣла ему, отъ шампанскаго и отъ виски, отъ дыма сигаръ и трубокъ, кружится голова. Но ему досадно, что онъ много проигралъ, и онъ чувствуетъ, что не можетъ уйти и не уйдетъ.

Онъ опять пишетъ чекъ, мѣняетъ его на деньги и садится играть. Одно время онъ выигрываетъ. Потомъ ему опять не хватаетъ денегъ. Потомъ онъ опять выигрываетъ. Потомъ

дѣло идетъ хуже, и онъ увеличиваетъ ставки. Наконецъ, онъ проигрываетъ что-то очень долго подъ рядъ и отходитъ отъ стола.

— Нужно сообразить, въ чемъ дѣло, говоритъ онъ себѣ, я кажется зарвался.

Онъ вынимаетъ чековую книжку и подсчитываетъ выписанные чеки.—И по мѣрѣ того, какъ онъ считаетъ, его охватываетъ испугъ, и ему дѣлается холодно, хотя онъ все знаетъ заранее.

— Ну вотъ, говоритъ онъ себѣ. Неужели это дѣйствительно такъ? И ему кажется теперь, что онъ предчувствовалъ, что все такъ будетъ.

По книжкѣ остается триста франковъ. Онъ проигралъ около тридцати тысячъ франковъ все—что у него было.

Онъ пишетъ чекъ на триста франковъ и подходитъ къ столу.

— Двадцать пять, говоритъ онъ.

Шарикъ бѣжитъ.

— Двадцать шесть, говоритъ лордъ, держащій банкъ.— Кто ставилъ на двадцать шесть?

Осокинъ отходитъ отъ стола. Всѣ заняты игрой. Никто его не замѣчаетъ. Онъ отыскиваетъ свою шляпу и уходитъ.

Осокинъ спускается по лѣстницѣ и выходитъ на улицу. Произошло что-то чудовищно-нелѣпое, сразу мѣняющее всю жизнь.—Ему хочется не вѣрить этому. И въ то же время онъ знаетъ, что это правда, безобразная, отвратительная правда, которая завтра же дастъ о себѣ знать. И истиннѣе всего человѣка, переживавшаго всякія бѣды и неожиданности, Осокинъ уже знаетъ, что лучше смотрѣть этой правдѣ прямо въ глаза, не пытаясь себя обманывать или откладывать признание факта.

Есть такой сигналъ въ морѣ: стой или неси послѣдствія, говоритъ себѣ Осокинъ. Это въ какомъ-то разсказѣ Кипплинга. Я говорилъ себѣ: — стой. Не оставилъ. И теперь долженъ нести послѣдствія. Главное—не нужно слабости: ни сожалѣнія, ни раскаянія. Иначе можно съ ума сойти. Прежде я умѣлъ переживать всякія крушенія. Посмотримъ, какъ теперь переживу. Я самъ это сдѣлалъ, самъ виноватъ и самъ долженъ пережить это. Никто даже не узнаетъ. У Боба Мартенса, вѣроятно,

и не замѣтили, что я проигрался. И что для нихъ тридцать тысячъ франковъ, когда на столѣ было почти полмилліона? Вотъ тебѣ и брошка для Лулу! Нужно сообразить. Дѣло въ томъ, что я все проигралъ, все, на что долженъ былъ здѣсь жить до конца курса. Очевидно, я долженъ уѣзжать. Здѣсь перемѣнить образъ жизни и жить на то, что зарабатываешь — почти невозможно. Да и что можно заработать? Поѣду или въ Америку, или въ Россію. Бѣдная Лулу? Она никогда не пойметъ, что случилось. Да она и не повѣритъ, если я скажу ей, что проигралъ тридцать тысячъ франковъ. Она приметъ это просто, что я хочу отдѣлаться отъ нея. И это будетъ для нея такое огорченіе, какого я не имѣю права ей доставить. Нужно будетъ ей соврать что-нибудь. И чѣмъ скорѣй я уѣду, тѣмъ лучше.

Осокинъ приходитъ къ себѣ. И цѣлую ночь разбираетъ вещи, рветъ письма, укладывается и пишетъ записки.

Къ утру у него все готово. И онъ смертельно усталый, не раздѣваясь, ложится на диванъ и засыпаетъ.

Часа черезъ три онъ просыпается и сразу садится на диванъ. Онъ все помнить и помнить, что нужно владѣть собой и не допускать этой ужасной минуты пробужденія послѣ неожиданной бѣды, когда безхарактерный человѣкъ спрашиваетъ себя: — а, можетъ-быть, это еще не правда? можетъ-быть, этого не было?

— Да, говоритъ онъ, точно продолжая съ самимъ собой разговоръ, начатый наканунѣ, нужно уѣзжать сегодня же. Я застрѣлюсь, если останусь до завтра. Бѣдная Лулу, но она все-таки получить брошку съ желтыми камнями. Какъ хорошо, что дома были эти двѣ тысячи франковъ. Теперь это — цѣлое состояніе. И я поѣду въ Москву. Дальше будетъ видно. Но, какъ странно, что я такъ мало чувствую. Ночью я боялся лечь спать. Мнѣ казалось, что я съ ума сойду, когда проснусь и вспомню все. А сейчасъ — такое ощущеніе, какъ будто это все должно было быть. Одно только — нужно скорѣе ѣхать. Проволочка теперь была бы очень мучительна. Ужъ ѣхать, такъ ѣхать. Очевидно, это — судьба. Да теперь мнѣ кажется, что я все это предчувствовалъ и даже зналъ заранѣе. Нелли, значитъ, я больше не увижу. Странно, теперь у меня какое-то сожалѣніе, и ка-

жется, что у насъ непремѣнно что-нибудь вышло бы. Слишкомъ пріятно намъ было встрѣчаться и слишкомъ много у насъ всегда было, что сказать другъ другу. Я смѣялся надъ ней, но въ сущности она интересовала меня больше, чѣмъ я думалъ. И, можетъ-быть, я былъ совсѣмъ несправедливъ на ея счетъ. Она всегда казалась мнѣ черезчуръ холодной. Но возможно, что она сама себя не знаетъ, и ее нужно только разбудить. Ну все равно, теперь это уже древняя исторія. Нелли, Лулу, весь Парижъ, все это — сейчасъ уже почти нереально. Точно я это видѣлъ во снѣ. И вотъ произошло и ничего этого больше нѣтъ. А за то выступаютъ другіе сны. Вотъ я опять вижу волшебника и помню, какъ мы говоримъ съ нимъ. И сейчасъ это кажется мнѣ совершенно реальнымъ, болѣе реальнымъ, чѣмъ то, что было вчера. — Ну, довольно философствовать. Нужно рѣшать дѣло. Во-первыхъ: хватить у меня храбрости пойти къ Лулу или я напишу ей письмо? Нѣтъ, я долженъ пойти. Значить, такъ: я получилъ телеграмму. Умираетъ мой дядя. Я долженъ немедленно ѣхать... Да, вотъ, когда я подумалъ про Лулу, стало очень скверно на душѣ. Скорѣй бы уже очутиться въ поѣздѣ. Когда я перестану производить такіа операціи надъ собой? Кажется никто, кого я знаю, не перевертывалъ такъ всей своей жизни, какъ я. — И странно, опять ощущеніе, что это уже было. И, когда я думаю про Москву что-то уже чувствуется въ этомъ, точно меня какая-то сила уже начинаетъ тянуть туда. А вчера, прощаясь съ Нелли, я почему-то подумалъ, что я сказалъ бы, если бы зналъ, что вижу ее въ послѣдній разъ. Очевидно, въ какихъ-то извилинахъ души у меня было сознаніе, что я проиграюсь. И я не хотѣлъ идти къ Бобу Мартенсу. Но въ то же время мнѣ хотѣлось испытать судьбу. Слишкомъ уже послѣдніе года все шло у меня гладко, такъ что даже дѣлалось скучно. Ну вотъ я и испыталъ. Теперь опять все нужно начинать сначала. И я не знаю даже, съ чего начинать. Ну ладно, начну съ билета въ Москву!

Онъ встаетъ, смотритъ кругомъ. Одѣвается и уходитъ.

ГЛАВА XVIII.

Зинаида.

Черезъ полтора года. Осокинъ живетъ въ Москвѣ. Сначала онъ надѣялся заработать денегъ и вернуться въ Парижъ, но все складывалось неудачно и въ концѣ-концовъ онъ сталъ жить со дня на день, то ожидая, что сама собой придетъ какая-нибудь перемена, то переставая ждать чего бы то ни было. Онъ давалъ уроки французскаго языка. Потомъ вспомнилъ, что былъ первымъ ученикомъ въ извѣстной фехтовальной школѣ въ Парижѣ и сталъ давать уроки фехтованія. Кромѣ того, онъ пишетъ стихи, но не хочетъ печатать ихъ. И иногда выставляетъ въ магазинѣ на Кузнецкомъ мосту и продаетъ маленькія акварели. Больше всего онъ мечтаетъ теперь уѣхать куда-нибудь въ Австрію или въ Новую Зеландію и начать жизнь сначала.

Разъ онъ встрѣчаетъ на улицѣ своего товарища по юнкерскому училищу Крутицкаго. Тотъ зоветъ его къ себѣ на дачу. Крутицкій — офицеръ и очень удачно женился. У него на дачѣ Осокинъ знакомится съ его сестрой, которая недавно пріѣхала изъ Италіи, гдѣ жила семь лѣтъ и училась живописи.

Собираясь къ Крутицкому, Осокинъ знаетъ, что увидитъ тамъ Зинаиду Крутицкую и почему-то очень много ждетъ отъ этой встрѣчи. Онъ много слышалъ про нее, еще когда былъ въ юнкерскомъ, и хорошо знаетъ ее по портретамъ.

Но въ дѣйствительности все выходитъ очень обыкновенно. Говорятъ о пустякахъ. Никакого особеннаго впечатлѣнія не получается. Зинаида кажется Осокину свѣтской барышней, богатой невѣстой, очень занятой собой и живущей

какими-то искусственными интересами, которых онъ не понимаетъ, — благотворительный любительскій спектакль, дачный концертъ какой-то знаменитости...

— Какъ странно, говорить себѣ Осокинъ по дорогѣ домой. Когда мы были въ юнкерскомъ, меня всегда необыкновенно волновало все, что я слышалъ про сестру Крутицкаго. Мнѣ казалось, что я зналъ ее когда-то раньше. Я былъ почти влюбленъ въ нее по портретамъ и по рассказамъ. И это было связано съ фантазіями о волшебникѣ и о моей прежней жизни. Я очень любилъ мечтать о томъ, какъ я встрѣчусь съ Зинаидой. И вотъ теперь я увидалъ ее и я чувствую, что у насъ нѣтъ ничего общаго. Она ничего не поняла бы въ моей жизни. Это все такіе благополучные люди. И самъ Крутицкій, и его жена. Мнѣ странно только, почему я чего-то ожидалъ отъ этой встрѣчи. Что у меня можетъ быть общаго съ ними? Мы — люди совершенно разныхъ путей. Нѣтъ, нужно рѣшить твердо. Полгода буду работать и откладывать деньги и потомъ ѣду. Здѣсь мнѣ совершенно нечего дѣлать.

Черезъ недѣлю. Осокину скучно сидѣть одному въ городѣ. И онъ опять пріѣзжаетъ къ Крутицкому. Оказывается, что дома одна Зинаида. Крутицкій съ женой уѣхалъ въ имѣніе къ какимъ-то родственникамъ и пріѣдетъ обратно только на другой день.

Осокинъ почему-то очень радъ этому. Зинаида на террасѣ съ французской книжкой и тоже, видимо, довольна появленію Осокина. Но разговоръ не клеится, и является какая-то напряженность. Осокина разбираетъ досада, что онъ не можетъ найти подходящаго тона съ Зинаидой. Все, о чемъ они начинаютъ говорить, какъ-то само собой на третьей фразѣ обрывается.

— Пойдемте кататься на лодкѣ, говорить Зинаида послѣ одной изъ большихъ паузъ. Этотъ домъ и садъ нагоняютъ на меня сонъ.

Сегодня Зинаида кажется Осокину какой-то другой. Но онъ не можетъ понять ея тона. Въ ней очень много женщины. Въ то же время въ ней чувствуется что-то усталое. Она кажется старше своихъ лѣтъ. У нея блѣдное, точно припухшее лицо, темные круги подъ глазами. И глаза все

время мѣняющіеся, то усталые, то смѣющіеся, то задумчивые, то холодные.

Осокину кажется, что у этихъ глазъ должно быть еще много другихъ выраженій, и вмѣстѣ тѣмъ онъ думаетъ, что она должна быть раздражительной и своенравной.

Они идутъ рядомъ черезъ сосновую рощу. Осокинъ наблюдаетъ Зинаиду.

Она одѣта очень по-своему. Платье синее — оригинальнаго фасона и высокіе бронзоваго цвѣта сапожки съ перламутровыми пуговицами. Она не взяла зонтика и закрывается отъ солнца шелковымъ шарфомъ — краснымъ съ синимъ.

Ея профиль, глаза и особенно ротъ съ удлинненной нижней губой все больше и больше притягиваютъ къ себѣ взглядъ Осокина.

Они долго идутъ молча.

— А знаете, говорить Осокинъ почти неожиданно для самого себя. Я въ васъ былъ влюбленъ, когда былъ въ юнкерскомъ. Но я васъ представлялъ себѣ совсѣмъ иначе.

— Это дѣлается совсѣмъ интересно, смѣется она. Какъ же вы меня представляли?

— Не знаю, трудно опредѣлить, но только какъ-то иначе. И при этомъ я зналъ васъ раньше, задолго до того, какъ увидѣлъ ваши карточки у Михаила. Это было связано съ очень сложными мечтаніями или фантазированіемъ о прежнихъ жизняхъ и о волшебникѣ, котораго я, кажется, видѣлъ во снѣ или воображалъ, что видѣлъ, и который предсказывалъ мнѣ будущее. И какимъ-то образомъ съ этимъ были связаны вы, т.-е. когда я увидѣлъ ваши карточки, я убѣдился, что волшебникъ говорилъ именно о васъ.

— А что же именно онъ говорилъ?

— Представьте себѣ, я все забылъ. Помню только, что „будетъ все, что было“, или что-то въ родѣ этого.

— Будетъ все, что было, повторила Зинаида. Почему волшебники всегда говорятъ такія непонятныя фразы? И что это былъ за волшебникъ? Вы говорите, что видѣли его во снѣ?

— Можетъ-быть, во снѣ, а, можетъ-быть, я его сочинилъ, не знаю, говорить Осокинъ.

— Ну, конечно, — вы поэтъ. И говорятъ, у васъ есть прелестные стихи, но почему вы ничего не хотѣли прочитать прошлый разъ?

— Я никогда не читаю на людяхъ. Достаточно, чтобы одинъ человѣкъ былъ негармонично настроенъ къ моимъ стихамъ или казался такимъ, и я уже не могу читать. Да и не было никакого смысла, потому что все пропадетъ.

— Ну а кто же мѣшалъ вамъ прошлый разъ? Можетъ быть, я?

— Вы, нѣтъ, смѣясь говорить Осокинъ, взглядывая на нее и замѣчая, какъ мѣняются ея глаза и все лицо. Но тамъ было нѣсколько человѣкъ, которые мнѣ кажутся жителями, совсѣмъ другой планеты, чѣмъ я. Прежде всего вашъ братъ. Я его очень люблю. Но вѣдь онъ искренно считаетъ напыщенной глупостью всѣ эти потустороннія настроенія. А для моихъ стиховъ земли могло бы не быть совсѣмъ. Если бы я это сказалъ ему, онъ подумалъ бы, что я ломаюсь и сознательно говорю глупости изъ желанія оригинальничать.

— Да, пожалуй, говоритъ она. Я завидую вашему характеру. Сама я часто чувствую, что не со всѣми можно говорить обо всемъ. Но я не всегда могу удержаться. Ну а мнѣ вы прочитаете ваши стихи?

— Когда-нибудь потомъ, говоритъ Осокинъ. Въ моихъ стихахъ всегда очень много моего личного ощущенія. Нужно, чтобы вы меня знали раньше. Я считаю, что такъ и должно быть. Между прочимъ, я очень люблю стихи въ одну строчку. Такіе, какіе были у нѣкоторыхъ греческихъ и римскихъ поэтовъ. Но эти стихи трудно понять, не зная человѣка.

Они приходятъ къ лодкамъ, садятся и плывутъ вверхъ по рѣкѣ, въ тѣни лѣса.

— Я васъ тоже давно знаю, говоритъ Зинаида, по крайней мѣрѣ я слышала о васъ.

— Что же вы слышали обо мнѣ?

— Я слышала, что у васъ было интересное приключеніе, когда вы были въ юнкерскомъ училищѣ, и что въ результатѣ вы попали куда-то въ Асхабадъ. Это правда?

— Правда, смѣется Осокинъ. Но это было давно.

— Ну что же? Что было, то будетъ опять.

— Мнѣ кажется, волшебникъ хотѣлъ сказать не это, смѣется Осокинъ.

— Что же именно?

— По моему то, что все будущее уже было, и что, вообще, ничего нѣтъ, все сонъ и миражъ. Иногда я это очень хорошо понимаю. Развѣ вы не чувствуете нереальности всего этого?

Осокинъ показываетъ рукою кругомъ.

— И лѣсъ, и вода, и небо. Вѣдь ничего этого нѣтъ. У меня бывали дни, когда я чувствовалъ, что все становится точно прозрачнымъ и можетъ каждую минуту исчезнуть. Такъ знаете, закрыть глаза—все есть; открыть—ничего нѣтъ.

Разъ, когда я былъ первое время въ Парижѣ, я забрался въ Нотрѣ-Дамъ и провелъ тамъ цѣлый день, преимущественно наверху. И все время я писалъ стихи. Я фантазировалъ на ту тему, что всѣ люди исчезли... прошло уже много лѣтъ, и я смотрю съ башенъ Нотрѣ-Дамъ на пустой Парижъ и вмѣстѣ со мной смотрятъ химеры. Понимаете, людей нѣтъ, они исчезли уже давно, больше ста лѣтъ. Мосты заросли травой и кое-гдѣ начинаютъ разрушаться, набережныя обваливаются, асфальтъ потрескался, и среди него выросли зеленые кусты и деревья, стекла въ домахъ выбиты вѣтромъ или полопались. Нотрѣ-Дамъ стоитъ и вспоминаетъ прошлое Парижа, и химеры разговариваютъ между собой и вдругъ понимаютъ, что ничего и не было—и ихъ самихъ нѣтъ, и ничего нѣтъ. И въ тотъ моментъ, когда они это понимаютъ, они опять видятъ людей и жизнь. Парижъ становится опять обыкновеннымъ Парижемъ. Но тутъ уже ясно, что люди, ихъ жизнь и весь Парижъ, и соборъ, и химеры, и я—только формы небытія. Ну вотъ! И потомъ я потерялъ эти стихи, такъ что теперь и ихъ тоже нѣтъ.

Зинаида вздрагиваетъ точно отъ холода.

— Это ужасно, говоритъ она. Вы меня заставили почувствовать, что ничего нѣтъ. Но какъ вы могли потерять эти стихи? И вы ихъ не помните?

— Ничего не помню. Помню только, одна химера очень долго не хотѣла говорить, а потомъ говорила что-то непонятное и странное.

— А, вѣдь, эти химеры не настоящія, вы знаете, онѣ не видали Эсмеральды.

— Да, говорить, что это копія восемнадцатаго вѣка, но

мнѣ это совершенно безразлично. И, наконецъ, никто навѣрное не знаетъ.

Нѣкоторое время они молчатъ, потомъ Зинаида начинаетъ говорить про Италію.

Осокинъ слушаетъ, и вдругъ у него мелькаетъ мысль, что скоро они должны возвращаться, и у него какъ-то странно сжимается сердце, и ему хочется, чтобы это медленное движеніе по рѣкѣ, и покачиваніе лодки, и журчаніе воды, и перебѣгающій разговоръ не прекращались. Какъ-то невольно онъ ощущаетъ, что на людяхъ и въ другой обстановкѣ Зинаида будетъ другой, опять чужой, здѣсь же она удивительно близка ему. И такъ хорошо здѣсь на рѣкѣ въ тѣни лѣса.

Ну и что же у васъ тамъ за границей было много поклонниковъ? говорить онъ...

— Много, смѣется она, только все ненастоящіе.

— А какая разница между настоящими и ненастоящими?

— Настоящіе это такіе, которые не только они хотятъ меня видѣть, но которыхъ я хочу видѣть. Понимаете?

— Вполнѣ.

— Ну а ненастоящіе—это, которыхъ вы не хотите видѣть?

— Нѣтъ, почему? Мнѣ все равно. Иногда, конечно, все равно превращается уже прямо въ непріятное чувство. Но это когда они очень надоѣдаютъ. Нѣсколько разъ мнѣ приходилось прямо спастись.

— Даже спастись?

— Ну, конечно, если бы вы были женщиной, вы бы знали что значить, когда вамъ дѣлаютъ предложеніе. Это ужасно непріятно. А многимъ, наоборотъ, нравится, но мнѣ нѣтъ. Вы понимаете, человѣкъ можетъ быть даже симпатиченъ вамъ. И вы ничего не имѣете противъ него, ну ѣздить съ нимъ верхомъ, играть въ теннисъ, даже флиртовать немножко... Но онъ выводитъ изъ этого свои заключенія, которыя вамъ уже совсѣмъ не нравятся. И въ одинъ прекрасный день вы замѣчаете, что онъ уже построилъ какіе-то планы на вашъ счетъ и ищетъ только случая, чтобы ихъ вамъ открыть. Тогда между вами начинается борьба. Вы всѣми силами стараетесь помѣшать ему открыть вамъ эти планы. Это бываетъ очень смѣшно. Идетъ борьба. Не всякій мужчина обладаетъ достаточнымъ самообладаніемъ, чтобы не обращать вниманія

на васъ и идти напроломъ. Большинству нужно притти въ сантиментальное настроеніе. Безъ этого они говорить не могутъ. Вы слѣдите за тѣмъ, чтобы не допустить сантиментальнаго настроенія. И нѣкоторое время вамъ удастся. Иногда удачно взятый тонъ разговора можетъ на время отвратить опасность. Но, наконецъ, въ какой-нибудь несчастный моментъ васъ ловятъ и сообщаютъ вамъ всѣ великолѣпные планы и намѣренія на вашъ счетъ. Вотъ тутъ начинается самое непріятное. Прежде всего всѣхъ мужчинъ глубоко и искренно удивляетъ, если ихъ проекты вамъ не нравятся. Они просто не могутъ понять, почему это такъ. И это кажется имъ просто недоразумѣніемъ, которое должно сейчасъ же разсѣяться. И тогда они начинаютъ вамъ объяснять, что, вѣроятно, вы не поняли. Потомъ, когда видятъ, что это не помогаетъ, васъ начинаютъ убѣждать и уговаривать. И имъ искренно кажется, что вы не приходите въ восторгъ только потому, что недостаточно почувствовали, какъ они все хорошо и прекрасно придумали. Ну вотъ, а потомъ, когда вы все-таки не приняли съ благодарностью великодушныхъ плановъ на вашъ счетъ, вамъ начинаютъ ставить на видъ какія-нибудь ваши собственные слова, которыя вы совсѣмъ забыли и которыя совсѣмъ не то значили, и доказываютъ при этомъ, что идея всѣхъ плановъ это, собственно, ваша идея, что вы сами подали эту мысль и тому подобное, и тому подобное. Нѣтъ, это ужасно.

— Повидимому, у васъ была большая практика.

— Увы, смѣется она.

— Ну, а вы сами всегда были такъ холодны?

— Почему это васъ такъ интересуетъ?

— Ну просто такъ: „скажи мнѣ, кого ты любишь, я скажу тебѣ, кто ты“.

— Да, это правда. Ну скажите мнѣ, кто я. Я вамъ расскажу три моихъ главныхъ увлеченія. Первое — это былъ одинъ кардиналъ. Не удивляйтесь. Онъ былъ удивительно — удивительно добрый старикъ. Право, я увѣрена, что у него совсѣмъ не было грѣховъ. И онъ меня благословлялъ вотъ такъ...

Она показываетъ.

— Вторая моя любовь, это былъ одинъ маленький лордъ. Ему было лѣтъ четырнадцать или пятнадцать. Это былъ прелестный мальчикъ съ голубыми глазами, и волосы у него были

совершенно, какъ золото, цѣлая волна, и нѣжная, нѣжная кожа. Онъ мнѣ такъ понравился, что разъ я его поцѣловала. Онъ былъ страшно обиженъ и сконфуженъ. А потомъ, когда я ему объяснила, что я его поцѣловала не какъ маленькаго, а какъ большаго, онъ сдѣлался необыкновенно гордъ, и мы рѣшили, что онъ женится на мнѣ, когда ему будетъ двадцать одинъ годъ. И у насъ были очаровательныя свиданья въ бесѣдкѣ надъ моремъ по вечерамъ, а днемъ онъ ходилъ за мной, какъ собачка. Мнѣ было тогда лѣтъ девятнадцать. Къ сожалѣнью, его скоро увезли куда-то. А третья моя любовь, это былъ одинъ арабъ въ Алжирѣ. Если бы только вы видѣли, какъ онъ сидѣлъ на лошади. Онъ былъ офицеръ французской туземной кавалеріи, спартъ. И у него были необыкновенныя агатовыя глаза и черная борода. Онъ мнѣ предлагалъ перейти въ мусульманство и стать его женой. Онъ былъ шейхъ, и у него уже были три жены, такъ что я была бы четвертой. И мнѣ очень не хотѣлось уѣзжать оттуда. Я ничего не боюсь, и я съ удовольствіемъ осталась бы, если бы можно было и остаться, и уѣхать. Вы понимаете это?

— Вполнѣ, говоритъ Осокинъ. Самое отвратительное въ жизни то, что всегда приходится выбирать: или то, или другое, а вся соль въ томъ, что нужно имѣть и то, и другое, потому что одно безъ другого ничего не стоитъ. Вѣдь, правда? Я понимаю, что можетъ быть очень интересно перейти въ мусульманство и стать четвертой женой арабскаго шейха. Но нужно, чтобы при этомъ можно было не пропустить карнавалъ въ Римѣ или сезонъ въ Парижѣ. Иначе, одно безъ другого было бы уже чрезчуръ добродѣтельно.

— Ну, конечно, говоритъ она. Вотъ вы это понимаете, а вообще, вѣдь, этого никто не понимаетъ, а по моему это такъ ясно.

— И я понимаю еще другую вещь, говоритъ Осокинъ.

— Что именно?

— Насколько трудно встрѣтить мужчину, которымъ можно бы было увлечься и стоило бы увлечься! По моему интересныхъ женщинъ больше, чѣмъ интересныхъ мужчинъ. И я часто думаю, что если бы я была женщиной, мнѣ было бы очень трудно найти мужчину, который бы меня могъ увлечь. И я вполнѣ понимаю васъ и думаю, что и я влю-

бился бы или въ кардинала, или въ маленькаго лорда, или въ арабскаго шейха, или во всѣхъ вмѣстѣ.

— Почему это такъ?

— Я не знаю. Но у меня такое ощущеніе. Изъ всѣхъ мушинъ, которыхъ я знаю, я не могъ бы увлечься ни однимъ. Я даже иногда думаю, что если бы у меня была сестра, я не могъ бы пожелать ей въ мужа ни одного изъ моихъ товарищей или знакомыхъ.

— Какъ это странно, смѣется она, обыкновенно мужчины всегда такъ увѣрены въ превосходствѣ мужчинъ.

— Ну я нѣтъ. Я считаю женщинъ высшей кастой сравнительно съ мужчинами. И это совершенно понятно: цѣлыми тысячами женщины были въ привилегированномъ положеніи.

— Въ привилегированномъ положеніи?... Воображаю, чтобы сказали вамъ мои двѣ пріятельницы англичанки миссъ Сайксъ и миссъ Уудъ. Онѣ такъ глубоко убѣждены, что женщины порабощены мужчинами, и только самое послѣднее время начинаютъ отвоевывать свою свободу.

— Представляю себѣ, что сказали бы миссъ Сайксъ и миссъ Уудъ, но я все-таки буду стоять на своемъ. Женщины занимаютъ привилегированное мѣсто въ жизни. Возьмите уже одно то, что онѣ не участвуютъ въ войнахъ и имѣютъ сравнительно мало отношенія къ государству. Насколько одно это дѣлаетъ женщину свободнѣе мужчины. Но, конечно, есть разныя женщины. Я говорю только о настоящихъ женщинахъ, безполныя существа сюда не входятъ.

Но не заключите изъ этого, что я очень въ восторгѣ отъ женщинъ, смѣясь, прибавляетъ Осокинъ, по моему имъ не достаётъ чутя. Онѣ плохо ищутъ того настоящаго мужчину, который имъ нуженъ, слишкомъ легко идутъ на компромиссы... Понимаете, женщинамъ, ихъ чутью, ихъ инстинкту предоставлена огромная задача отбора. Но онѣ плохо выполняютъ эту задачу, примираются на слишкомъ плохихъ мужчинахъ. Главный грѣхъ женщины это — то, что она недостаточно требовательна, а часто совсѣмъ нетребовательна.

— Миѣ многое нравится изъ того, что вы говорите, хотя я еще должна подумать, говорить Зинаида. Ну, а какихъ вы женщинъ встрѣчали, требовательныхъ или нетребовательныхъ?

— Миѣ кажется, я не встрѣчалъ ни одной достаточно требовательной, говорить Осокинъ.

— И вы хотѣли бы встрѣтить?

— Очень.

— Это миѣ совсѣмъ нравится, говорить она, и я согласна съ вами, что женщины чрезчуръ мало требовательны, онѣ отдаютъ себя всегда слишкомъ дешево.

— Это опасныя слова, говорить Осокинъ смѣясь, ихъ слишкомъ легко понять неправильно. Вѣдь, я говорю не съ точки зрѣнія практическихъ интересовъ женщины. Если женщина требовательна для себя, это банально, въ чемъ бы такая требовательность ни выражалась — и такой требовательности сколько-угодно. Я говорю совсѣмъ о другой. Женщина недостаточно требовательна къ мужчинамъ для него самого.

— А развѣ она не имѣетъ права быть требовательной для себя?

— Это совсѣмъ другой вопросъ, говорить Осокинъ. Это — уже жизнь, объ этомъ я не думаю.

Они замолкаютъ и тихо плывутъ по теченію, приближаясь къ мосткамъ. Потомъ они идутъ опять черезъ сосновую рощу, и, подходя къ дачѣ, Осокинъ прощается. Неожиданно для него Зинаида говоритъ.

— Я завтра буду въ городѣ, если вамъ нечего дѣлать, мы можемъ встрѣтиться. Заидите на квартиру Михаила около трехъ, я уже кончу всѣ свои дѣла.

Вечеръ. Осокинъ ѣдетъ домой. Онъ сидитъ и, улыбаясь, смотритъ въ окно вагона на мелькающія, убѣгающія поля, и ему странно, а вмѣстѣ съ тѣмъ весело на душѣ.

— Боже, о чемъ только мы ни говорили, думаетъ онъ. И она — милая. Въ концѣ-концовъ совершенно такая, какъ я когда-то представлялъ себѣ. Это странно, почему я ее такъ хорошо зналъ раньше, и почему она показалась совсѣмъ другой при первой встрѣчѣ? Но я давно не говорилъ такъ, какъ сегодня. И хорошо, что я ее завтра увижу. Конечно, изъ этого ничего не можетъ выйти, зимой, самое позднее къ веснѣ, я уѣду. Но хорошо, что я все-таки встрѣтилъ милую Зинаиду. Ни объ одной живой женщинѣ я не

мечталъ столько, сколько о ней по портретамъ и по рассказамъ. И, честное слово, мнѣ кажется теперь, что я мечталъ о ней еще въ гимназіи, когда ничего не могъ знать. Это очень интересно. Посмотримъ, какъ мы завтра встрѣтимся. Мнѣ нравится, какъ она сама сказала про завтра. Она интересная женщина, этого нельзя отрицать. Она умна, какъ Нелли и фантазіи у нея, какъ мнѣ кажется, хватитъ на десять Лулу. Да, это очень хорошо, что я встрѣтилъ ее. По крайней мѣрѣ, будетъ чѣмъ вспомнить Москву...

ГЛАВА XIX.

Неизбѣжное.

Черезъ двѣ недѣли. Осокинъ ждетъ Зинаиду въ паркѣ надъ рѣкой. Онъ ходитъ по дорожкѣ и курить.

— Какъ это все странно, говоритъ онъ самъ съ собой, останавливаясь. Я никогда не испытывалъ ничего подобнаго. Я не знаю, что это — любовь или что-нибудь другое. Мнѣ пріятно ее видѣть, пріятно говорить съ ней. Я жду ее здѣсь каждый день, какъ гимназистъ, и мы уѣзжаемъ на лодкѣ. И мнѣ было бы трудно пропустить хотя бы одинъ день. Первый разъ она мнѣ опредѣленно не понравилась, и какъ женщина, и всѣмъ стилемъ. Потомъ наоборотъ, стала очень нравиться. Но въ моемъ отношеніи къ ней нѣтъ ничего личнаго. Она могла бы любить другого или дать обѣтъ монашества. И я знаю, что я ждалъ бы ее точно такъ же. Это не похоже ни на что, о чемъ я читалъ или слышалъ. И не похоже на меня самого. Въ то же время я знаю, что эта встрѣча не можетъ имѣть никакого продолженія. Я долженъ уѣхать. Это — неизбежно. Знакомство съ Зинаидой мнѣ очень нравится, но жизнь очень скоро положить конецъ этому. Это — чистая случайность, что у меня выдались свободныя двѣ недѣли и были деньги на то, чтобы ѣздить сюда и платить за лодки. Но я совершенно не знаю, что я буду дѣлать на будущей недѣлѣ. Она, конечно, не понимаетъ и не представляетъ этого. . .

Онъ поворачивается и смотритъ вдоль аллеи.

— Но почему она не идетъ? Ровно часъ. Они завтракаютъ въ двѣнадцать. Какъ странно думать, что черезъ годъ здѣсь все будетъ точно такъ же. Она, можетъ-быть,

будетъ идти по этой же аллеѣ. А меня уже здѣсь не будетъ. А гдѣ я буду? Трудно даже представить

Еще черезъ двѣ недѣли. Осокинъ съ Зинаидой идутъ по парку. Дорожка уже усыпана желтыми листьями.

— Ну что же вы скоро поѣдете въ Австралію? говорить Зинаида, съ улыбкой взглядывая на Осокина.

— Вы знаете, что я никуда не поѣду, говорить Осокинъ. Зинаида смѣется и дергаетъ его за рукавъ.

— Я вамъ никогда не прощу, говорить она. Если бы вы только знали, до какой степени вы меня злили вашей Австраліей. Мнѣ часто прямо хотѣлось васъ ударить. Мужчины ужасно глупы въ такихъ случаяхъ. По моему женшина совершенно ясно показываетъ, что она интересуется имъ, если она соглашается каждый день видѣть его, проводить съ нимъ въ сущности все время, придумываетъ разные способы встрѣтиться съ нимъ... И въ благодарность за все это мнѣ все время преподносились мечты объ Австраліи. Нѣтъ, мой милый, вы были восхитительны. И я хочу, чтобы вы мнѣ теперь рассказали про Австралію.

— Милая, говорить Осокинъ, беря ея руку, вы должны понять, какъ мнѣ было тяжело говорить все это.

— Если вамъ было тяжело, зачѣмъ же вы говорили?

Я считалъ это неизбежнымъ. Обстоятельства складывались такъ, что я ничего другого не могъ себѣ представить. И это было рѣшено гораздо раньше, чѣмъ мы встрѣтились.

— Да, но я имѣла неосторожность подумать, что встрѣча со мной можетъ что-нибудь переменить въ вашихъ планахъ. Оказывается нѣтъ, вамъ это даже въ голову не приходило. И въ концѣ-концовъ мнѣ пришлось взять на себя трудъ объяснить вамъ положеніе. Что вы можете сказать въ свое оправданіе?

— Ничего не могу, говорить Осокинъ.

— Хорошо, но ваши обстоятельства? Вы говорили, что они непременно требовали вашего отъѣзда въ Австралію. Что же, они переѣнились?

— Не то, чтобы переѣнились; а просто отошли куда-то. Мнѣ кажется, что я никогда не чувствовалъ себя до такой

степени близкимъ ко всему сказочному, какъ теперь. И когда я чувствую это, мнѣ кажется, что все будетъ по другому, не такъ, какъ я думалъ.

— Ну хорошо, допустимъ, что вы поѣдете не въ Австралію, а въ Америку. Меня интересуетъ, занимаю я какое-нибудь мѣсто въ этихъ планахъ или нѣтъ.

Осокинъ неожиданно обнимаетъ ее и цѣлуетъ.

— Послушайте, вы съ ума сошли. Зинаида вырывается у него со смѣхомъ и поправляетъ волосы. Насъ здѣсь каждую минуту увидеть могутъ.

— Пускай видятъ. За каждое упоминаніе объ Австраліи я васъ буду цѣловать. Даю честное слово.

— Очень хорошо съ вашей стороны! Да, вотъ теперь вы стали храбрымъ. А вспомните, какъ было двѣ недѣли тому назадъ. До моей руки боялись дотронуться. Конечно, теперь вамъ очень легко быть храбрымъ. Когда я сдѣлала все трудное, и сама заговорила и васъ заставила. Разумѣется, теперь всѣ козыри у васъ. Это всегда такъ бываетъ, и мы, женщины, всегда платимъ за свою прямоу и искренность. Но я васъ хочу наказать. Когда мы придемъ домой, я все время буду говорить о томъ, что вы ѣдете въ Австралію, и, согласно вашему честному слову, вы все время должны будете цѣловать меня.

Она хохочетъ.

— Воображаю, какое лицо будетъ у мамы, когда вы меня поцѣлуете. И тамъ навѣрное будутъ, дама съ собачкой и бонтонныя дѣвицы здѣшнихъ мѣстъ, которыя придутъ навѣщать меня... Хорошо? Вотъ видите, какъ легко васъ поймать и чего стоятъ ваши честныя слова.

Ея глаза сверкаютъ тысячами огоньковъ сразу.

— Это первое. А второе—меня интересуетъ, сколько бы мы времени могли разговаривать съ вами о поэзіи и о новомъ искусствѣ, если бы я въ одинъ прекрасный моментъ не нарушила вашего благонаправнаго поведенія. Вообще вы, сильный полъ. Что съ вами было бы безъ насъ? Зачѣмъ вы смотрите на мои глаза? Нѣтъ, пожалуйста, не показывайте вашу храбрость, сейчасъ мы выйдемъ къ дачамъ. Давайте говорить серьезно. Я все-таки хочу знать ваши планы. Если вы не ѣдете въ Австралію, то что вы собираетесь дѣлать? Есть у васъ какія-нибудь намѣренія или никакихъ намѣреній? Видите, какъ я прямо ставлю вопросъ.

Осокинъ взглядываетъ на Зинаиду и на мгновеніе ему кажется, что она съ большимъ трудомъ заставила себя говорить такъ, чувствуя, что онъ самъ не заговорить. Ему кажется, что она хочетъ облегчить ему путь къ ней, и что въ то же время она смущена и старается скрыть свое смущеніе за шутливой формой своего обращенія къ нему.

Его охватываетъ приливъ нѣжности къ ней, и въ то же время въ томъ, что онъ чувствуетъ, проскальзываютъ огоньки досады. Почему она хочетъ, чтобы онъ говорилъ? Она должна понять, что пока онъ не можетъ говорить.

Онъ опять смотритъ на Зинаиду, и ему дѣлается жалко ее и стыдно за свои мысли.

Чѣмъ же она виновата? Она хочетъ помочь ему. Осокинъ чувствуетъ теперь порывъ благодарности къ Зинаидѣ и какое-то особенно глубокое сожалѣніе, что онъ не можетъ отвѣтить ей такъ, какъ она ожидаетъ. Что мѣшаетъ ему? Какое-то смѣшное самолюбіе и трусость. Онъ боится смѣшного положенія. Она богатая невѣста, у него ничего нѣтъ. Ничего нѣтъ до такой степени, что вчера онъ долженъ былъ заложить пальто, чтобы пріѣхать сюда. И ему совершенно нечего ждать кромѣ случая. Онъ выбился изъ колен. Какъ будутъ смотрѣть на него ея мать, братъ?.. Въ какое отношеніе онъ станетъ къ нимъ?.. Будь она совершенно одна. . . И въ то же время, если бы у него не былъ связанъ языкъ, если бы онъ не боялся говорить, а прямо сказалъ ей, какъ все есть, можетъ-быть, они вмѣстѣ нашли бы выходъ. Осокинъ чувствуетъ, что она хочетъ, чтобы онъ говорилъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуетъ, что онъ не скажетъ. Это знакомое состояніе. И раньше въ его жизни были случаи, когда изъ самолюбія онъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ, какъ люди хотятъ ему помочь, идутъ ему навстрѣчу. . . Этимъ онъ отталкивалъ ихъ. И самъ сознавалъ это. Такъ и теперь. Ну что же, значитъ, такая судьба, онъ не можетъ сдѣлать иначе.

— Почему вы молчите? говорить Зинаида.

— Потому что я не могу сказать то, что хотѣлъ бы сказать.

— Кто вамъ мѣшаетъ?

— Мнѣ нужно время. Сейчасъ все еще идетъ, какъ шло. Вы знаете, что я хотѣлъ уѣзжать. Теперь я не уѣду, и я хочу устроить свою жизнь здѣсь, но на это нужно время.

Зинаида недовольно сдвигаетъ брови.

— Я не люблю времени, говорить она. Знаете, я люблю все сейчасъ. Когда мнѣ говорятъ, что чего-нибудь нужно ждать, я готова отказаться. Это уже пропадаетъ для меня. Вы знаете такое ощущеніе. Если бы мнѣ предложили поѣхать на луну, и потомъ оказалось бы, что этого нужно ждать два года, я бы отказалась отъ всякой луны. А вы какъ?

Я тоже, говорить Осокинъ. Я это вполне понимаю. Поэтому я ничего и не говорю.

Нѣкоторое время они молчатъ. У Осокина что-то сжимается въ груди. Ему кажется, что онъ обидѣлъ Зинаиду, оттолкнулъ ее. И въ то же время онъ знаетъ, что не можетъ говорить иначе...

Она, сжавъ губы, смотритъ передъ собой. Осокину кажется, что теперь она жалѣетъ, что говорила. И ему досадно, и на себя, и на все.

— Она должна понять, думаетъ онъ, что наши отношенія не могутъ быть похожи на обычныя. Не можетъ все быть такъ, какъ было бы у нея со всякимъ другимъ. Я въ исключительномъ положеніи. Я даже одѣваться не могу по человѣчески. Когда они переѣдутъ въ городъ, она захочетъ, что бы я съ ней всюду бывалъ. Она уже говорила объ этомъ. Откуда я возьму деньги на все это? Я и такъ еле существую. Нѣтъ, что-то должно произойти, или я на самомъ дѣлѣ долженъ уѣхать. Почему-то до сихъ поръ судьба вывозила меня въ крайніе моменты. Посмотримъ, что будетъ теперь. А, можетъ-быть, я просто дуракъ. Можетъ быть, она и есть судьба. Можетъ-быть, просто нужно рассказать ей все, какъ есть, и подумать вмѣстѣ съ ней, что дѣлать. Вѣдь она именно этого хочетъ, именно это спрашиваетъ. А я отталкиваю ее...

Они подходятъ къ дачѣ. Осокину кажется, что еще полчаса и онъ бы заговорилъ.

— Вы зайдете къ намъ? говорить Зинаида.

— Нѣтъ, лучше до завтра, я не хочу видѣть никого кромѣ васъ, говорить Осокинъ. Вы никуда не поѣдете?

— Я нѣтъ, никуда, медленно говорить Зинаида, смотря въ сторону и точно думая о чемъ-то другомъ. Покая никуда не поѣду.

Осокину чувствуется, что она огорчена или обижена разговоромъ. Она кажется ему разстроенной и печальной.

Онъ слегка наклоняется къ ней и чувствуетъ запахъ ея духовъ. И почему-то ему безумно, до боли, дѣлается жалко ее, хочется сказать что-то ласковое, ободряющее, стать на колѣни передъ ней, просить прощенія, просить ее не уходить отъ него, не вѣрять его холодному тону.

У нея холодныя руки. Онъ цѣлуетъ ея пальцы, и она пассивно опускаетъ руку, которая падаетъ. Они молча идутъ до рѣшетки сада.

Конечно, я виноватъ передъ ней, говорить себѣ Осокинъ, ходя взадъ и впередъ по деревянной платформѣ станціи въ ожиданіи поѣзда. Мужчина не имѣетъ права быть въ такомъ безпомощномъ положеніи, какъ я. Что такое за потерпѣвшій крушеніе человѣкъ? Тогда нужно уѣзжать. И нечего болтаться здѣсь. Да, дорого бы я далъ теперь за тѣ деньги, которыя проигралъ у Боба Мартенса. Но съ другой стороны, будемъ справедливы къ судьбѣ. Если бы я не проигрался тогда, я не пріѣхалъ бы въ Москву и, слѣдовательно, не встрѣтилъ бы Зинаиды. Значитъ, даже въ этомъ есть что-то хорошее. Ну ладно, посмотримъ, что будетъ дальше. Я долженъ устроить себѣ какую-нибудь работу, чтобы по крайней мѣрѣ одѣться прилично и имѣть деньги на театры и на всю эту ерунду, а то я не увижу Зинаиды зимой. Хорошо, что они рѣшили жить на дачѣ весь сентябрь. Но она удивительно милая. Она хотѣла, чтобы я рассказалъ ей про мои дѣла. И какъ было бы хорошо, если бы я могъ сказать. Но, значитъ, это правда. Значитъ, я люблю ее. А она?. Почему я правлюсь ей? Она говоритъ, что ни съ кѣмъ такъ не говорила, какъ со мной... Но, какъ странно, я никогда не испытывалъ ничего подобнаго. Это что-то совершенно, совершенно новое. И какой она стала удивительно близкой мнѣ. Но почему я не могу найти словъ, когда говорю съ ней? Вотъ если бы она сейчасъ была здѣсь, я могъ бы ей все сказать.

ГЛАВА XX.

Зимній день.

Солнечный и холодный зимній день въ Москвѣ. Осокинъ идетъ съ Зинадой по бульвару. На немъ осеннее пальто и мягкая шляпа. Они долго молчатъ, потомъ Зинада говоритъ.

— Я васъ не понимаю. Вы говорите, что хотите меня видѣть, и что у васъ всегда такъ много всего для меня. И это правда, намъ всегда очень много нужно сказать другъ другу. Но почему мы должны встрѣчаться украдкой на улицахъ? Почему вы просто не можете бывать у насъ, какъ всѣ люди? Я начинаю думать, что вы почему-нибудь не хотите, чтобы на насъ обратили вниманіе. Все это производитъ впечатлѣніе, точно вы кого-то боитесь, отъ кого-то хотите скрыть, что заинтересованы мной. Мнѣ это странно. Я понимаю, что ваши дѣла не въ блестящемъ положеніи. Но почему вы не устроите ихъ? Это такъ легко. У васъ какое-то смѣшное самолюбіе. Почему вы не хотите сдѣлать такъ, какъ вамъ предлагали недавно? Я знаю это. Вамъ нужно на время забыть, что вы поэтъ, и поступить на службу. Это очень легко сдѣлать.

— Милая, вы не понимаете, что это совершенно невозможно.

— Почему такое невозможно, служатъ же другіе. Вечеромъ вы можете писать стихи... Вы должны понять, что этимъ же нельзя жить. Развѣ много людей, которые понимаютъ ваши стихи?

Осокинъ весело смѣется.

— Ахъ, я вамъ расскажу смѣшную исторію. Я поѣхалъ третьяго дня на этотъ пикникъ съ Леонтьевыми, потому что я думалъ, что вы будете. Въ общемъ было очень скучно. Но былъ удивительный день. Было холодно и все сіяло.

Снѣгъ былъ пухлый и рыхлый, на поляхъ, на озерѣ, на соснахъ. Солнце свѣтило и все сверкало. Особенно когда мы выѣхали изъ лѣса и передъ нами раскинулась внизъ вся дорога. Понимаете, у меня было впечатлѣніе, что огромный бѣлый котъ лежитъ кверху брюхомъ и нѣжится на солнцѣ и мурлычить. Такія настроенія лучше всего передаются въ однострочныхъ стихахъ, потому что, чѣмъ больше вы оставите воображенію читателя или слушателя, тѣмъ лучше. И я выразилъ это все въ одномъ стихѣ —

Бѣлое, пушистое брюхо зимы.

Какъ вамъ нравится? Вы представляете себѣ огромнаго пушистаго бѣлаго кота?

Зинаида невольно смѣется.

Это очень хорошо, говоритъ она, но я боюсь, что всякій обыкновенный смертный, прочитавъ эту строчку, спроситъ: а что же дальше?

— Совершенно вѣрно, такъ и должно быть. Но дальше уже въ немъ самомъ. Если онъ не сумѣетъ увидеть это и хотеть, чтобы ему все дали, тогда ему нужно выписывать „Ниву“... Вчера такъ и вышло. Я вамъ собственно про это и хотѣлъ рассказать. Я имѣлъ неосторожность рассказать про мой поэтический опытъ моимъ сосѣдямъ по санкамъ. Это вызвало большую веселость. Ко мнѣ пристали именно съ этимъ вопросомъ, что же дальше? Потомъ, когда я не отвѣчалъ, они сами начали составлять продолженіе, искать рифмы и т. п. И остальнымъ это занятіе понравилось, всѣмъ. Образовалось что-то въ родѣ *petits jeux*. И всѣ изощряли свое остроуміе.

Зинаида взглядываетъ на него

Скажите правду, вамъ это не было непріятно.

— Сначала нѣтъ, я искренно смѣялся вмѣстѣ съ ними и вполне сталъ на ихъ точку зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь они же не могутъ воспринять иначе. Ну какое можетъ быть у морского угря отношеніе, напримѣръ, къ ливерной колбасѣ.

— Почему у угря и почему къ колбасѣ?

— Ну такъ просто безъ всякаго почему, угорь живетъ на морскомъ днѣ или около скалъ и ничего не знаетъ о ливерной колбасѣ, точно такъ же и они. Такъ что сначала я смѣялся, но потомъ они мнѣ надоѣли, и я щепнулъ, знаете,

этому толстому инженеру, Максиму Петровичу, другой экспромтъ. Это было четверостишіе. Нужно было сильное средство, чтобы остановить ихъ веселость. И нѣкоторые, кажется, долго не знали, обидѣться на меня или нѣтъ. Дѣло въ томъ, что это четверостишіе было очень смѣшное, они катались отъ хохоту, когда передавали его другъ другу. Но въ сущности оно было очень обидно для всѣхъ присутствовавшихъ, только они не хотѣли этого показывать.

— Васъ это забавляетъ? говоритъ Зинаида съ гримаской

— Нѣтъ, чѣмъ же особенно, я глупо сдѣлалъ, что началъ говорить о своихъ стихахъ. Но мнѣ было скучно молчать. Я жалѣлъ, что васъ не было.

— Ну, а я совсѣмъ не жалѣю, вамъ и безъ меня было достаточно весело.

Она смотритъ передъ собой. Осокинъ удивленно выглядываетъ на нее.

— Я ее не понимаю. Что ей не понравилось? думаетъ онъ. Конечно, не то, что я рассказалъ. Но что-то ей стало неприятно.

— Значитъ, въ общемъ вамъ было весело и безъ меня, повторяетъ Зинаида. Вы не раскаиваетесь, что поѣхали.

Осокинъ что-то говоритъ ей, но она разсѣянно слушаетъ его и продолжаетъ свою мысль.

— Мы ушли отъ того, о чемъ говорили. Вы напрасно оправдываетесь, я ничего не имѣю противъ того, чтобы вы веселились. Но мнѣ странно, что для меня, для насъ васъ никогда нѣтъ времени, всегда вамъ что-нибудь мѣшаетъ. Я просто хочу понять это. Я не знаю, почему вы не хотите подумать объ этой службѣ, о которой вамъ говорилъ Миша. Это очень легко устроить. И вы можете смотрѣть на это, какъ на временное.

Осокинъ смотритъ на нее и сейчасъ ему хочется со всѣмъ согласиться.

— Вы совершенно правы, говоритъ онъ, я подумаю объ этомъ серьезно. Но я хочу, чтобы вы понимали, какъ я всегда хочу васъ видѣть и какъ мнѣ тяжело, что я васъ мало вижу.

Зинаида качаетъ головой.

— Вы соглашаетесь, чтобы не спорить со мной, говоритъ на. Но я чувствую, что между нами что-то стоитъ... Я не

хочу ничего думать, не хочу ничего предполагать, но я чувствую это. Можетъ-быть, вы и правы, что не говорите мнѣ объ этомъ.

— Милая, мнѣ не о чемъ говорить.

— Я не знаю, я такъ чувствую. И мнѣ кажется, что понемногу это неизвѣстное дѣйствуетъ на меня. Теперь я уже не такъ отношусь къ вамъ, какъ лѣтомъ. Вы не должны обижаться. У меня еще очень много хорошаго къ вамъ, но все-таки это уже не то, что было. Я немножко боюсь васъ, боюсь черезчуръ подойти къ вамъ и вдругъ оказаться ненужной или лишней, мѣшающей чему-то или, можетъ-быть, кому-то. Не спорьте со мной, я знаю, что вы скажете, но я вамъ говорю, какъ это чувствуется. И я боюсь, что дальше будетъ еще хуже. И, понимаете, мнѣ этого жалко. Мнѣ очень правилась наша встрѣча и мое чувство къ вамъ. Я ни къ кому такъ не относилась. Мнѣ даже хотѣлось заботиться о васъ, думать о вашихъ дѣлахъ, серьезно. Это совсѣмъ не похоже на меня. Я такая эгоистка и никогда ни о комъ не думала. И вотъ, понимаете, мнѣ нравилось, что по отношенію къ вамъ я дѣлалась другой, какой никогда не была. А вы заставляете меня быть такой же, какъ всегда, и относиться къ вамъ, какъ ко всѣмъ. Ну что же, какъ хотите. Только мнѣ жалко, если мое чувство исчезнетъ совсѣмъ. Я начинала любить его. Это было такъ не похоже на все... Ну, а теперь мнѣ пора, даже давно пора. Завтра я буду тамъ же, гдѣ сегодня, и вы можете меня проводить, если хотите, въ то же время. Но подумайте о томъ, что я вамъ сказала. Не спорьте, а только подумайте...

Осокинъ идетъ домой.

— Я ничего не понимаю, говоритъ онъ себѣ. — Почему это такъ дѣлается? Вѣдь я же люблю ее. Я знаю, что люблю. Никогда въ жизни я ничего подобнаго не испытывалъ. Каждую ночь я прохожу два раза, иногда нѣсколько разъ мимо дома, гдѣ она живетъ, и это доставляетъ мнѣ огромное наслажденіе. Я сталъ мальчикомъ, ребенкомъ. Я могъ бы любить ее почтительно и преданно, безъ всякой надежды, какъ пажъ любить королеву. А когда я подумаю, что она можетъ быть моею—это совсѣмъ что-то сказочное...

И въ то же время... все дѣлается не такъ, и я дѣлаю не такъ и говорю ей не то, что нужно говорить, не то, что думаю, не то, что чувствую. Почему? точно какой-то туманъ вокругъ меня, точно я связанъ и принужденъ дѣйствовать именно такъ, а не иначе? И дальше. Почему у меня вдругъ такое отвращеніе къ мысли объ этой службѣ? Когда я пріѣхалъ въ Москву, я бы обѣими руками ухватился за это, если бы мнѣ тогда предложили. А теперь на меня нападаетъ такая мертвая тоска и скука при одной только мысли о возможности какой-нибудь службы, что я не въ состояніи пальцемъ пошевелить для этого. Какъ это все ужасно странно. Я самъ своими руками все порчу, все понимаю, и не могу сдѣлать иначе. Ну не могу. Если бы она только понимала, какъ я ее люблю, и какъ мнѣ безумно тяжело. Я мучаюсь все время и не нахожу никакого выхода, а тѣ выходы, которые были бы просты и естественны для другого, для меня почему-то закрыты и невозможны. Неужели на самомъ дѣлѣ будетъ, что она начнетъ мѣняться ко мнѣ. Что же сдѣлать? Ну что же сдѣлать? И почему у меня такой ужасный холодъ въ душѣ, точно я что-то уже знаю, что-то чувствую, что должно притти?

ЧАСТЬ III.

СТАРОЕ И НОВОЕ.

Смотри, мы знаемъ, чему учишь ты: что
всѣ вещи возвращаются и съ ними мы сами
и что мы существовали уже вѣчное число
разъ, и всѣ вещи съ нами.
. Ты учитель вѣчнаго возвращенія.

Заратустра. Выздоровливающій

